

Десятый отрядъ.

Боевые птицы (Pelargornithes).

Благодаря новейшимъ изслѣдованіямъ, въ классификаціи птицъ произведены разныя весьма существенныя измѣненія, и одно изъ самыхъ рѣзкихъ — это образованіе нового отряда боевыхъ птицъ, въ которомъ соединяются плотоядныя птицы, какъ хищныя, такъ и шагающія, веслоногія птицы и фламинго, а также поганки и зубчатоклювые птицы.

Прежде всего въ составъ отряда входятъ хищныя птицы (Accipitres) которыхъ, вмѣстѣ съ совами, составляли „хищныхъ птицъ“ прежнихъ системъ. Почти все относящіеся сюда виды, можно сказать, исключительно питаются другими животными, усердно преслѣдуютъ ихъ и болѣе или менѣе долго гоняются за ними въ воздухѣ или на землѣ, по вѣтвямъ деревьевъ или даже въ водѣ, схвативъ, убиваютъ ихъ или овладѣваютъ найденными трупами, словомъ, дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ хищная млекопитающая.

Хищные птицы бываютъ большія, среднія и малыя. Тѣло ихъ очень похоже на тѣло попугаевъ. Оно сильное, плотное, широкогрудое; члены тѣла, смотря на свою подчасъ непропорциональную длину, крѣпки и отличаются избыточкомъ силы. Голова крупная, хорошо закругленная, лишь въ исключительныхъ случаяхъ удлиненная, шея обыкновенно короткая и толстая, туловище короткое и сильное, особенно на сторонѣ груди; верхнія и нижнія конечности отличаются такимъ же характеромъ; такимъ образомъ хищную птицу легко узнать даже въ томъ случаѣ, когда она лишена своего оружія и своего оперенія. И все-таки, только благодаря своему оружію, хищная птица получаетъ свой специфическій характеръ. Клювъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ клювъ попугаевъ. Онъ тонкий, короткий, сильно загнутый на гребицѣ верхней створки и свѣшивается внизъ кромѣ, основаніе его наверху покрыто восковицей; надклювье однако подклювья, обхватываемаго верхней створкой, и неподвижно, крючекъ островатъ, края клюва острѣе, чѣмъ у попугаевъ. Часто края становятся еще болѣе острыми благодаря тому, что на концѣ подклювья помѣщается зубецъ; гдѣ этого неѣть, тамъ по крайней мѣрѣ край надклювья выдается впередъ, и лишь совершенно исключительныхъ случаяхъ края клюва лишены выемокъ. Ноги похожи на ноги попугаевъ. Онѣ короткія, толстыя и длинношапы, но отличаются отъ ногъ попугаевъ развитіемъ когтей, которые именно дѣлаютъ ноги пригодными для хватанія. Когти болѣе или менѣе сильно загнуты и очень остры, рѣдко бываютъ мало загнуты и тупы, на верхней сторонѣ закруглены, на нижней же сторонѣ большую частью немного выдолблены, такъ что образуется два острия края, а потому эти когти представляютъ себѣ превосходный хватательный органъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное оружіе.

Опереніе у разныхъ семействъ и родовъ бываетъ весьма различное. Въ общемъ крупныя и рѣдкія; но у соколовъ замѣчается какъ разъ обратное.

которые мѣста головы иногда бывают лишены перьевъ, часто перьевъ не бываетъ на уздачкѣ и на одномъ мѣстѣ около глазъ, какъ у попугаевъ. Маховыя и рулевые перья всегда довольно велики, число ихъ очень правильно: 10 большихъ маховыхъ перьевъ, по меньшей мѣрѣ 12, но большую частью 13—16 малыхъ маховыхъ перьевъ и почти всегда 12, попарно одинаковыхъ рулевыхъ перьевъ. Опереніе окрашено по преимуществу въ темные цвета; но оно не лишено гармоническихъ сочетаний цветовъ и рисунковъ, пріятно дѣйствующихъ на наше эстетическое чувство. Нѣкоторыхъ хищныхъ птицъ можно назвать даже красиво-окрашенными существами. Голые мѣста кожи, гребни и складки кожи на горлѣ близъ клюва, которые тоже встречаются у этихъ птицъ, а также уздечка, восковица, клювъ, ноги и глаза бываютъ иногда окрашены очень ярко.

Изъ органовъ виныхъ чувствъ прежде всего заслуживаютъ вниманія глаза. Они всегда больше и благодаря присутствію гребня (pecten) обладаютъ большою внутреннею подвижностью; они видятъ одинаково хорошо на различныхъ разстояніяхъ и очень легко аккомодируются сообразно съ разстояніемъ. Слухъ у хищныхъ птицъ также тонко развитъ, органъ же обонянія, по сравненію съ глазомъ и съ ухомъ, можетъ считаться неразвитымъ.

Ограниченними въ умственномъ отношеніи можно назвать лишь немногихъ хищныхъ птицъ; въ высокомъ развитіи смыслености прочихъ сомнѣваться нельзя. Нѣкоторыя свойства приписываются этимъ птицамъ вполнѣ справедливо, напр. храбрость и самоувѣренность, но также жадность, жестокость, хитрость и даже коварство. Онѣ дѣйствуютъ, заранѣе обдумавъ свой образъ дѣйствій, составляютъ планы и приводятъ ихъ въ исполненіе. Членамъ своей семьи онѣ чрезвычайно преданы, смѣло выступаютъ противъ враговъ и противниковъ, къ друзьямъ искренно привязаны. Насколько эти птицы способны къ развитію, можно видѣть изъ того, что соколовъ, этихъ самыхъ отважныхъ разбойниковъ изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, удается легко выдрессировать для служенія человѣку.

Одного дарованія у хищныхъ птицъ не замѣчается, а именно онѣ лишены благозвучного голоса. Многія способны произвести одинъ, два или три простыхъ, скорѣе непріятныхъ звука.

Хищныя птицы живутъ на всемъ земномъ шарѣ, во всѣхъ поясахъ широты и долготы. Какъ птицы по большей части древесныя, онѣ по преимуществу обитаютъ въ лѣсу, но не избѣгаютъ ни безлѣсныхъ горъ, ни пустынныхъ степей, ни настоящей пустыни. Ихъ можно встрѣтить на самыхъ маленькихъ островкахъ океана или на самыхъ высокихъ вершинахъ горъ, на ледяныхъ поляхъ, окружающихъ Гренландію или Шпицбергенъ и на спаленныхъ солнцемъ равнинахъ пустыни, въ чащѣ ползучихъ растеній первобытнаго лѣса и на церквяхъ большихъ городовъ.

Многія хищныя птицы улетаютъ вслѣдъ за мелкими птицами въ болѣе южныя страны, когда зимою ихъ охотничій районъ пустѣеть; но виды, живущіе именно на далекомъ сѣверѣ, только перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. Во время такихъ странствованій онѣ образуютъ иногда стаи, какихъ въ другую пору не замѣчается, ибо лишь крайне немногихъ можно назвать общительными животными. Общества эти уже къ веснѣ распадаются на болѣе мелкія и, наконецъ, разбиваются на пары.

Всѣ хищныя птицы выводятъ потомство въ первые весенниe мѣсяцы, и, если ничто не помѣшаетъ выводу, то лишь однажды въ годъ. Гнѣзда располагаются весьма различнымъ образомъ и соответственно съ этимъ различнымъ образомъ сооружаются. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ оно помѣщается на деревьяхъ, часто также на выступахъ скаль, на крутыхъ стѣнахъ утесовъ или въ щеляхъ и отверстіяхъ старыхъ строеній; очень рѣдко мѣстомъ вывода служить древесное дупло, всего же рѣже голая земля; въ послѣднемъ случаѣ подстилкой служить кучка хвороста, на которую и кладутся яйца. Всѣ гнѣзда, располагаемыя на деревьяхъ или на скалахъ, велики и широки, но низки, съ неглубокой ямкой, но большою частью употребляются нѣсколько лѣтъ подрядъ, всякий разъ исправляются и такимъ образомъ приобрѣтаютъ болѣе высокія стѣнки. Строить гнѣзда оба пола; самецъ, по крайней мѣрѣ, приносить матеріалъ. По всей вѣроятности лишь очень немногіе виды сами сооружаютъ себѣ гнѣзда. Мелкіе соколы несомнѣнно

Десятый отряд: Боевые птицы; первая семья: Соколиные птицы.

Допускаются пользоваться гнездами других птиц, особенно гнездами воронь, других хищных птиц, может быть цапель, черных аистов, или древесных дуплом и, если вообще выстилают чём нибудь свои гнезда, то делают это весьма скучно.

Спариванию предшествуют разные игры, соответствующие характеру этих гордых птиц. Некоторые виды продолжают на воздухе самая разнообразные упражнения и водят настоящие хороводы высоко в воздухе, иногда совсем не похожие на обычновенный полет; у иных возбуждение выражается своеобразными, пронзительными или чрезвычайно нежными звуками. Ревность тоже, разумеется, играет роль у этих властолюбивых птиц: всякий, кто вторгнется в чужой участок, подвергается нападению и по возможности изгоняется, хотя бы это была птица совершенно другого вида.

Яйца кругловатые, большую частью с довольно шероховатой скорлупой, чисто белые, сероватые или желтоватые, или по светлому фону покрыты более темными пятнами и точками. Число их колеблется между 1—7. У большинства хищных птиц яйца высаживаются одна самка, у некоторых самец от поры до времени сменяет ее. Высиживание продолжается 3—6 недель; затем вылупляются беспомощные молодые птицы — маленькие, круглые существа, густо обросшие беловато-серым шерстистым пухом, с большими головами и большей частью с открытыми глазами. Они быстро вырастают и скоро густо оперяются по крайней мере на верхней стороне. Родители чрезвычайно любят своих птенцов и заботятся об них так же, как об яйцах; они никогда не покидают их и ради них умирают, если чувствуют себя слишком слабыми, чтобы отразить нападение. Молодых разбойников, вылетевших из гнезда, родители еще водят некоторое время, кормят, учать и защищают.

Питаются хищные птицы позвоночными животными всех классов, всевозможными насекомыми, птичьими яйцами, червями, улитками, падалью, человеческим пометом, в исключительных случаях также плодами. Добыча схватывается ногами, которая называется поэтому „лапами“, а у обыкновенного кречета „руками“; для измельчения или, вернее, для разрывания пищи служит клюв. Насекомых птицы хватают, вероятно, прямо клювом. Пищеварение происходит крайне энергично. У птиц, имеющих зоб, пища сначала смачивается слюной и частью переваривается в зобе; ёжкий желудочный сок довершает дело. Кости, жилы и связки обращаются в кашицу, волосы и перья скатываются в комки, которые от поры до времени изрыгаются. Помет представляется собою жидкую кашицу, вроде известки, и извергается струею. Всех хищных птиц могут есть очень много за раз, но могут также очень долго голодать.

Действительность хищных птиц должна быть разсмотрена еще с другой, наиболее важной точки зрения: они могут губить полезных или вредных для нас животных, а потому и сами разбойники могут быть для нас вредны или полезны. В общей сложности хищные птицы могут считаться для нас в высшей степени полезными; но некоторых из них нам приходится преисходить более или менее беспощадным образом, так как производят страшные опустошения среди полезных нам животных. Непосредственную пользу приносить нам лишь немногие хищные птицы: услуги, которые могут оказывать нам самая даровитая из них, если их поймать идрессировать, нам больше не нужны, а польза, приносимая птицами, посаженными в клетки, многим непонятна, и потому для многих не существует. Но самые ограниченные люди должны бы были сознать, как много косвенного добра приносят нам многие разбойники, на которых мы косимся, как они трудятся ради нашей пользы и как стараются уничтожить пагубную толпу вредных грызунов и насекомых. Мясо хищных птиц для нас несъедобно, а перья ограничиваются только альпийскими охотниками, индейцами или монголами.

Кроме человека, врагов у хищных птиц мало. Сила или ловкость спасают их от опасных противников, но им немало приходится страдать от мучителей-паразитов.

Хищные птицы распадаются на три семейства: соколиныхъ, грифовъ и голенастыхъ грифовъ. Изъ нихъ наиболѣе развиты соколиные птицы.

Соколы (*Falco inae*), составляющіе наиболѣе хорошо развитое подсемейство соколиныхъ птицъ, характеризуются явственнымъ зѣбромъ на верхней створкѣ клюва, соотвѣтствующей ему выемкой на подклювье, умѣренной длины плюсною и длинными, острыми крыльями, достигающими почти до конца длиннаго хвоста. Подсемейство состоить изъ двухъ родовъ и приблизительно 60-ти видовъ, и область его распространенія обнимаетъ весь земной шаръ. Соколы ёдятъ только животныхъ, пойманныхъ ими самими, а быстротою и красотою своего полета превосходятъ всѣхъ прочихъ хищныхъ птицъ. Кидаются соколы на свою добычу такъ стремительно, что самые неукротимые изъ нихъ гоняются только за летающими птицами или за насѣкомыми. Гнѣзда соколы вьютъ на высокихъ верхушкахъ деревьевъ, на скалахъ или на башняхъ; яйца ихъ окрашены въ основной ржаво-бурый цвѣтъ и покрыты болѣе темными пятнами, чѣмъ яйца другихъ птицъ.

**

Изъ всѣхъ хищныхъ птицъ первое мѣсто слѣдуетъ отвести настоящимъ соколамъ (*Falco*). Они играютъ среди птицъ такую же роль, какъ кошки среди хищныхъ млекопитающихъ, т. е. являются самыми совершенными изъ хищныхъ птицъ вообще. Сила и ловкость, храбрость и страсть къ охотѣ, гордая осанка и даже, пожалуй, благородный помыселъ, — вотъ свойства, которыхъ нельзя не признать въ этихъ птицахъ.

Водятся настоящіе соколы во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ странахъ. Ихъ можно встрѣтить отъ морского берега до вершинъ самыхъ высокихъ горъ, преимущественно въ лѣсахъ, но врядъ ли менѣе часто на скалахъ и въ старыхъ строеніяхъ, въ безлюдныхъ мѣстахъ и въ населенныхъ городахъ. Каждый видъ распространенъ по значительной части земного шара, а въ другихъ частяхъ замѣняется весьма сходными видами; кромѣ того, всякий видъ, бродя или странствуя, забирается весьма далеко. Многіе виды — птицы перелетныя, другія только странствуютъ, третьихъ, наконецъ, надо отнести къ бродячимъ птицамъ.

Всѣ настоящіе соколы въ высшей степени подвижны. Полетъ ихъ великолѣпенъ и отличается необычайной быстротой, продолжительностью и чрезвычайной ловкостью. Соколь съ невѣроятною скоростью пролетаетъ большія разстоянія и иногда, при нападеніи, бросается съ значительной высоты внизъ съ такою быстротою, что глазъ не можетъ схватить его очертаній. Настоящіе соколы летаютъ, быстро взмахивая крыльями, и только изрѣдка парятъ, какъ бы скользя по воздуху; другіе соколы летаютъ медленно и чаще парятъ, причемъ они долгое время, дрожа, держиваются въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ, чего настоящіе соколы не дѣлаютъ. Во время перелета настоящіе соколы поднимаются на неизмѣримыя высоты и тогда долго парятъ, описывая великолѣпные круги и, ради собственного удовольствія, а также ради удовольствія самки, устраиваютъ въ воздухѣ настоящія игры. Въ другое время они обыкновенно держатся на высотѣ 60—120 метровъ надъ поверхностью земли. Такъ какъ ноги ихъ коротки, то, сидя, они принимаютъ очень прямое положеніе, а при ходѣ держать тѣло горизонтально; но на землѣ они крайне неловки и, дѣлавъ поочередно движенія ногами, прыгаютъ какъ то странно и беспомощно, и обыкновенно принуждены прибѣгать къ помощи крыльевъ, чтобы подвигаться впередъ.

Пищу настоящихъ соколовъ составляютъ позвоночныя животныя и главнымъ образомъ птицы, но также насѣкомыя. Настоящіе соколы ловятъ свою добычу почти всегда на лету и не могутъ схватить птицы, сидящей на землѣ. На свободѣ ни одинъ настоящій соколь не питается падалью; всякий предпочитаетъ єсть пойманную имъ самимъ пищу; въ неволѣ же голодъ заставляетъ ихъ приниматься

и за мертвыхъ животныхъ. Пойманная добыча рѣдко съѣдается соколомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ удалось изловить ее, а относится въ другое мѣсто, откуда свободно можно обозрѣвать окрестность, или гдѣ соколъ, будучи самъ скрытъ, можетъ видѣть все вокругъ, и тамъ сначала ощипывается, отчасти освобождается отъ кожи и затѣмъ поглощается.

Охотятся настоящіе соколы въ утренніе и вечерніе часы. Въ полдень они обыкновенно сидятъ съ наполненнымъ зобомъ на высокомъ и спокойномъ мѣстѣ, не двигаясь и растопыривъ перья, и въ полуудремотѣ совершаютъ свое пищевареніе. Спать они довольно долго, но засыпаютъ поздно; некоторые соколы охотятся еще въ сумерки.

Настоящіе соколы не лишены общительности, но она не представляетъ для нихъ необходимой потребности. Лѣтомъ они живутъ большою частью парами въ однажды избранномъ участкѣ и не терпятъ въ немъ присутствія другой пары того же вида и даже вообще присутствія другой хищной птицы. Во время перелета соколы соединяются съ другими птицами своего вида и съ родственниками, некоторые виды составляютъ тогда довольно значительная стаи, которые, какъ кажется, держатся вмѣстѣ цѣлыми недѣлями и цѣлые мѣсяцы. Къ орламъ и совамъ эти стаи относятся съ такою же ненавистью, съ какой отдельные птицы относятся къ нимъ на родинѣ. Всякій изъ этихъ хищниковъ при встрѣчѣ подвергается нападенію соколовъ, хотя часто бываетъ гораздо сильнѣе нападающихъ.

Гнѣзда настоящіе соколы устраиваютъ различнымъ образомъ, чаще всего въ подходящихъ углубленіяхъ крутыхъ утесовъ, на высокихъ строеніяхъ и на верхушкахъ самыхъ высокихъ лѣсныхъ деревьевъ; но иные виды, выводящіе птенцовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мало скалъ и деревьевъ, помѣщаются свое гнѣзда прямо на землѣ или избираютъ для этой цѣли помѣстительное древесное дупло. Очень охотно они овладѣваютъ гнѣздами другихъ большихъ птицъ, а именно разныхъ вороновыхъ птицъ. Особенно старательно они гнѣзда не строятъ. Гнѣзда, свитое самими соколами, всегда бываетъ плоское, и только углубленіе скучно выстилается немногими тонкими корешками. Въ гнѣзда кладется 3—7 яицъ весьма однообразного вида. Яйца кругловатыя, съ болѣе или менѣе шероховатой скользкой и обыкновенно по красно-буруму фону бываютъ густо испещрены болѣетемными мелкими точками и пятнами покрупнѣе, того-же цвѣта. Сидѣть на яйцахъ одна сама.

Къ сожалѣнію, болѣе сильные изъ настоящихъ соколовъ принадлежать вреднымъ птицамъ, а потому не могутъ быть терпимы; даже не всѣ мелкие могутъ считаться полезными птицами, заслуживающими пощады. Кроме человѣка соколовъ мало враговъ; взрослыхъ птицъ болѣе слабыхъ видовъ преслѣдуется, вѣроятно, только ихъ болѣе крупные родственники.

Зато уже съ незапамятныхъ временъ люди пользовались настоящими соколами для своихъ цѣлей, и въ Африкѣ и въ Азіи продолжаютъ пользоваться и донынѣ. Это тѣ самые „соколы“, о которыхъ говорятъ поэты, и которые дикиются для соколиной охоты. „Искусство дрессировать соколовъ для охоты очень старо“, говоритъ Ленцъ. „Уже за 400 лѣтъ до Рождества Христова Китай видѣлъ дрессированныхъ соколовъ у индусовъ; около 75 г. еракийцы охотились при помощи соколовъ; въ 330 г. по Р. Х. Юлій Фирмикъ Матернъ въ Гициліи говорить о *nutritores accipitrum, falconum ceterarumque avium, quae ad pertinenter* (воспитателяхъ ястребовъ, соколовъ и другихъ птицъ, годныхъ для целовѣства). Около 480 г. по Р. Х. римляне, вѣроятно, еще мало занимались линой охотой, такъ какъ въ это время Сидоній Аполлинарій восхваляетъ римскаго императора Авита, Гекдіція, за то, что онъ первый ввелъ въ странѣ соколиную охоту. Скоро, однако, столько явилось любителей этой охоты, что на церковномъ соборѣ въ Агдѣ въ 506 г. духовнымъ лицамъ запрещено было держать для охоты соколовъ и собакъ. Въ 800 г. Карлъ Великий издалъ юный законъ, касающійся выдрессированныхъ для охоты тетеревятниковъ, и ястребовъ-перепелятниковъ: „Кто украдеть или убьетъ тетеревятника, щаго журавля, тотъ долженъ отдать иѣчто столь же цѣнное и еще шесть гравъ, а три шиллинга за сокола, который ловить птицъ на воздухѣ. Кто украдеть или убьетъ ястреба-перепелятника, котораго носить на руки, тотъ

отдать нечто равное по цѣнности и еще одинъ шиллингъ.“ Императоръ Фридрихъ Барбаросса самъ дрессировалъ соколовъ, лошадей и собакъ. Императоръ Генрихъ VI былъ также большой любитель соколиной охоты. Императоръ Фридрихъ II былъ самымъ искусственнымъ и страстнымъ сокольничимъ своего времени и написалъ книгу „*De arte venandi cum avibus*“ („Объ искусствѣ охотиться съ птицами“), напечатанную только 1596 г. въ Аугсбургѣ. Филиппъ Августъ, король Франции, у которого во время осады Аккона улетѣлъ великолѣпный соколъ, напрасно предлагалъ туркамъ за возвращеніе его 1000 червонцевъ. Въ 1270 г. Димитрій, бывшій, вѣроятно, врачомъ греческаго императора Михаила Палеолога, написалъ на греческомъ языкѣ книгу о соколиной охотѣ; она была напечатана въ Парижѣ, въ 1612 г. Англійскій король Эдвардъ III распорядился наказывать смертью за убийство тетеревятника, и всякаго, вынувшаго яйца или птенцовъ изъ гнѣзда тетеревятника, сажалъ на годъ и на одинъ день въ тюрьму. Баязетъ, взявшій въ битвѣ при Никополѣ въ 1396 г. въ плѣнъ герцога Неверскаго и многихъ знатныхъ французовъ, не соглашался отпустить ихъ ни за какой выкупъ. Когда же ему, вместо денегъ, предложили 12 бѣлыхъ соколовъ, присланныхъ герцогомъ Бургундскимъ, то онъ тотчасъ же отпустилъ Невера и всѣхъ прочихъ французовъ. У короля французскаго, Франциска I, былъ главный сокольничій, подъ началомъ котораго находилось 15 дворянъ и 50 младшихъ сокольничихъ. Число его соколовъ доходило до 300. Императоръ Карлъ V отдалъ островъ Мальту въ личное владѣніе юаннитамъ подъ тѣмъ условіемъ, что они будутъ ежегодно доставлять ему одного бѣлого сокола. Послѣ того, какъ духовнымъ лицамъ дѣйствительно была запрещена соколиная охота, бароны еще считали себя вправѣ во время богослуженія сажать своихъ соколовъ на алтарь.

„Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій существовала въ деревнѣ Фалькенвертѣ, во Фландріи, лучшая, а затѣмъ и единственная въ Европѣ школа сокольничихъ. Соколовъ, которыхъ ловили на мѣстѣ, въ прежнія времена оказывалось слишкомъ мало; поэтому ловить соколовъ отправлялись въ Норвегію и въ Исландію, и на этомъ островѣ именно и добывались лучшіе экземпляры для охоты. Въ Помераніи голландскіе сокольничіи прежде въ иные годы ловили также болѣе 100 штукъ.“

„Въ Фалькенвертѣ еще до сихъ порь живетъ не мало людей, которые ревностно занимаются ловлей и дрессированиемъ соколовъ. Это мѣстечко лежитъ среди открытой степи, слѣдовательно весьма благопріятно для подобной охоты. Ловить соколовъ осенью. Обыкновенно берутъ только самокъ и притомъ охотниче всего однолѣтнихъ, такъ какъ это самыя лучшія птицы; двухгодовалыя птицы тоже считаются пригодными; болѣе старыхъ отпускаютъ на волю. Ловля происходитъ такимъ образомъ: сокольничій сидѣть, хорошо спрятавшись, въ открытомъ полѣ и держать шнурокъ, длиною около 100 метровъ, къ концу котораго прикрепленъ живой голубь такъ, что онъ свободно можетъ двигаться. На разстояніи около 40 метровъ отъ сокольничьяго упомянутый шнурокъ проходитъ сквозь кольцо, а около этого кольца находится особаго устройства сѣть, отъ которой также проведенъ шнурокъ къ сокольничьюму. При приближеніи сокола голубю при помощи шнурка сообщается толчокъ, послѣ чего онъ взлетаетъ и привлекаетъ сокола, который хватаетъ его на воздухѣ. Въ тотъ моментъ, когда соколъ схватываетъ голубя, сокольничій постепенно подтягиваетъ голубя и судорожно вѣшившагося въ него сокола къ кольцу, гдѣ оба внезапно захватываются сѣтью. Очень важно во время замѣтить появленіе въ данной мѣстности сокола, а для этого охотникъ пользуется услугами весьма усерднаго и зоркаго сторожа, а именно сорокопута (*Lanius excubitor*), который привязывается недалеко отъ голубя и который, завидѣвъ еще издалека сокола, издаетъ громкій крикъ. Около него находится углубленіе, куда онъ залѣзаетъ въ случаѣ нужды. Только что пойманнаго сокола три дня не кормятъ и носятъ на руки по возможности съ покрытою клобучкомъ головою. Спать ему не мѣшаютъ. Къ веснѣ соколъ долженъ быть уже хорошо выдрессированъ, и тогда фалькенвертскіе сокольничіи уѣзжаютъ въ Англію къ герцогу Бедфорду, къ которому нанимаются на извѣстное время со своими соколами. Во время охоты они нерѣдко ломаютъ себѣ шею и ноги, такъ какъ приходится

скакать по камнямъ и по сучьямъ, чтобы не потерять изъ виду соколовъ. Обыкновенный соколъ служитъ не болѣе трехъ лѣтъ.

„Въ 18-мъ столѣтіи соколиная охота мало по малу вышла изъ моды. Въ настоящее время въ Европѣ съ соколами охотятся еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: во первыхъ, въ Бедфордѣ въ Англіи у герцога Бедфорда, во вторыхъ въ Дидлингтонѣ-Голлѣ въ графствѣ Норфоркѣ у лорда Барнарса; въ Лоо, имѣніи короля голландскаго, около 1841 года еще усердно производилась соколиная охота.

„Принадлежности соколиной охоты слѣдующія: кожаный клобучекъ, устроенный такъ, что онъ не давить на зрачекъ, малая привязь, большая привязь, обѣ изъ ремней и послѣдняя длинаю въ 2 метра; привязи прикрепляются къ кожаннымъ рѣмешкамъ, которые надѣваются птицѣ на ноги. Вабило представляеть собою тѣло яйцевидной формы, въ которое воткнуто нѣсколько перьевъ; оно служить для заманиванья сокола, который издали принимаетъ его за птицу. Руки сокольничаго должны быть защищены отъ когтей сокола крѣпкими рукавицами. Когда начинается обученіе, сокола сажаютъ на привязь въ клобучекъ и заставляютъ голодать 24 часа, послѣ чего его берутъ на руку, снимаютъ съ него клобучекъ и даютъ ему съѣсть птицу. Если онъ не станетъ ѣсть, то ему опять надѣваютъ клобучекъ и не кормятъ еще сутки; даже если бы онъ въ теченіе пяти дней не сталъ добровольно ѣсть съ руки, то всякий разъ его безжалостно привязываютъ голоднымъ, покрывъ клобучкомъ. Впрочемъ, чѣмъ чаще съ сокола въ это время снимаютъ клобучекъ и чѣмъ чаще носятъ птицу на руки, тѣмъ скорѣе она становится ручною и тѣмъ скорѣе станетъ добровольно ѣсть съ руки. Когда соколь уже доведенъ до этого, то начинаются настоящія упражненія; передъ каждымъ изъ нихъ сокола долго носятъ безъ клобучка на руки, а послѣ каждого упражненія привязываютъ, накрывъ клобучкомъ, чтобы онъ спокойно могъ заучить то, чѣмъ ему показали. Первая упражненія состоять въ томъ, что птицу безъ клобучка сажаютъ на спинку стула, откуда она должна сначала прыгнуть за кормомъ на руку сокольничаго, затѣмъ полетѣть за кормомъ, причемъ разстояніе руки отъ стула постепенно увеличивается; то-же самое повторяется затѣмъ подъ открытымъ небомъ, причемъ длинный шнурокъ, прикрепленный къ большой привязи, не даетъ соколу возможности улизнуть; сокольничий, кромѣ того, стоитъ такъ, что птицѣ приходится летѣть противъ вѣтра, такъ какъ соколь, подобно всѣмъ прочимъ птицамъ, неохотно летѣть по вѣтру. Если соколь все это продѣлываетъ хорошо, то вечеромъ ему надѣваютъ клобучекъ, сажаютъ его въ раскаивающейся обручѣ и всю ночь напролѣтъ качаютъ, чтобы онъ не могъ уснуть; на другое утро прежнія упражненія повторяются: соколь долженъ клевать кормъ съ руки, затѣмъ его носятъ до вечера, а потомъ опять всю ночь качаютъ на обручѣ; то же самое происходитъ на третій день и въ третью ночь; на четвертый день все повторяется съизнова, и только тогда соколу дается ночной покой. На слѣдующій день, придерживая сокола безъ шнурка, при помощи одной только большой привязи, сажаютъ его на землю, откуда онъ долженъ перелетѣть на руку за кормомъ; если онъ пролетаетъ мимо руки, то за нимъ слѣдуютъ и манятъ его до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, не сядетъ на руку. Это упражненіе часто повторяютъ на открытомъ воздухѣ; птицу пріучаютъ также прилетать на руку къ охотнику, сидящему верхомъ, и не бояться ни людей, ни собакъ.

„Послѣ этого начинаются настоящія предварительныя упражненія для самой охоты. На воздухѣ подбрасываютъ мертваго голубя, даютъ соколу, придерживающему на длинномъ шнуркѣ, летѣть вслѣдъ за нимъ и въ первый разъ немножко поклевать добычу; затѣмъ у сокола всегда отнимаютъ голубя и даютъ ему немного поѣсть на руки. Въ послѣдующіе дни то же упражненіе производится надъ живыми птицами съ подрѣзанными крыльями; послѣ этого при помощи лягавой собаки отыскивается по возможности одинокая куропатка, съ сокола же, какъ только она взлетитъ, быстро стягивается клобучекъ, и его пускаютъ на куропатку. Если онъ промахнется, то его манятъ назадъ живымъ голубемъ съ подрѣзанными крыльями или вабиломъ. Чтобы пріучить сокола нападать на болѣе сильныхъ

тицъ, каковы цапли и журавли, сначала заставляют его хватать молодыхъ птицъ этихъ видовъ или старыхъ птицъ съ подрѣзанными крыльями и чехломъ на клювѣ; при этомъ сокола по возможности заставляют продѣлывать все это въ обществѣ хорошаго старого сокола. Цаплямъ и журавлямъ, которыхъ берутъ для этихъ упражненій, надѣвается на шею ошейникъ изъ мягкой кожи, чтобы они не такъ легко подвергались удушению. Быстро поднимаясь вверхъ, соколы стараются определить цаплю и накинуться на нее сверху; цапля же, съ своей стороны, тоже старается подниматься все выше и выше и съ поразительной быстротой противопоставляет нападающимъ на нее врагамъ острый кончикъ своего клюва, чтобы прокинуть ихъ. Наконецъ, цаплю схватываютъ, и она вмѣстѣ съ соколами падаетъ внизъ. Подоспѣвшіе охотники поспѣшно отѣпляютъ соколовъ, даютъ имъ въ награду обильный кормъ и выщипываютъ у цапли лучшія перья. Затѣмъ цаплѣ надѣвается на ногу металлическое кольцо, на которомъ выгравированъ годъ и день, когда она была поймана, а послѣ того птицу отпускаютъ на волю. Иногда одна и та-же цапля попадается такимъ образомъ нѣсколько разъ, даже по истечениіи нѣсколькихъ лѣтъ, и тогда украшается нѣсколькими кольцами. Если соколъ, а именно тетеревятникъ, которымъ обыкновенно пользуются для этой цѣли, долженъ умѣть бросаться на зайца, то заставляютъ сокола нѣсколько разъ сѣсть кормъ на чучелъ зайца, затѣмъ привязываютъ къ этому чучелу мясо и ташутъ его на колесикахъ сначала тихо, затѣмъ быстро, иногда заставляютъ бѣгущую лошадь тащить его вслѣдъ за собою, а сокола пускаютъ въ догонку за зайцемъ. Для соколиной охоты требуется ровная, безлѣсная мѣстность.“

Наибольшихъ размѣровъ соколиная охота уже въ далекомъ прошломъ достигала въ средней Азіи. „Въ мартѣ мѣсяцѣ“, говорить Марко Поло въ 1290 году, „Кублай-ханъ обыкновенно покидаетъ Камбалу; тогда онъ беретъ съ собою около 10,000 сокольничихъ и птицелововъ. Эти люди распредѣляются по странѣ группами въ 200—300 человѣкъ, и все убитое ими должно быть предоставлено хану.“ Тавернѣе, прожившій много лѣтъ въ Персіи, пишетъ въ 1681 г. слѣдующее. „Персидскій шахъ держитъ болѣе 800 соколовъ, изъ которыхъ одни пріучены хватать кабановъ, дикихъ ословъ, антилопъ, лисицъ, а другіе журавлей, цапель, гусей, куропатокъ.“ Изъ появившихся въ 1827 г. очерковъ Персіи, написанныхъ Джономъ Макдональдомъ, явствуетъ, что и въ болѣе новое время соколиная охота производилась въ Персіи. „Охотятся верхомъ, съ соколами и борзыми собаками“, разсказываетъ Малькольмъ. „Если спугнуть антилопу, то она бросается бѣжать съ быстротою вѣтра. На нее выпускаютъ соколовъ и собакъ. Соколы летятъ надъ землею, скоро нагоняютъ дичь, бросаются на голову антилопы, задерживаются ея бѣгъ, собаки же между тѣмъ подбѣгаютъ и хватаютъ ее.“ Въ новѣйшее время Гюгель видѣлъ, какъ въ Азіи, между Лагоромъ и Кашмиромъ, баяурійскій раджа охотился съ соколами на куропатокъ. Въ 1820 г. Муравьевъ вездѣ видѣлъ въ Хивѣ дрессированныхъ соколовъ; ихъ выпускали также на дикихъ козъ. Въ 1828 г. Эрманъ видѣлъ у башкиръ и киргизовъ соколовъ, дрессированныхъ для охоты на зайцевъ, и орловъ, дрессированныхъ для охоты на лисицъ и волковъ. Въ 1852 г. Эверсманъ видѣлъ у башкиръ дрессированныхъ беркутовъ, могильниковъ, тетеревятниковъ и ястребовъ-перепелятниковъ. Аткинсонъ нарисовалъ киргизского хана Бека кормищимъ своего любимаго охотничьяго орла. У киргизовъ, у которыхъ дрессированіе соколовъ еще является настоящей наукой, гдѣ соколовъ пріучаются бросаться на мелкую дичь, а орловъ — на крупную, хорошо обученный соколъ цѣнится такъ высоко, что владѣлецъ его скорѣе согласился бы продать свою жену, чѣмъ своего сокола.

Соколиной охотой занимаются еще правильно арабы, особенно бедуины въ пустынѣ Сахарѣ, персы, индузы, различные народности на Кавказѣ и въ средней Азіи, китайцы и другіе монголы.

Самый благородный представитель рассматриваемаго рода — это обыкновенный кречетъ (*Falco caniculus*), обитатель далекаго сѣвера земного шара. Онъ

отличается весьма значительной величиной; клювъ у него относительно крѣпкій, рѣзко загибающійся внизъ дугой, основанія ногъ оперены до двухъ третей ихъ длины, хвостъ же по сравненію съ крыльями длинный. Во всемъ прочемъ обыкновенный кречетъ похожъ на другихъ настоящихъ соколовъ.

Опереніе обыкновенного кречета совершенно бѣлого цвѣта, украшенное болѣшь или меньшимъ количествомъ темныхъ черно-бурыхъ пятенъ; иногда эти пятна могутъ исчезать почти совсѣмъ и остаются только на концѣ мелкихъ перьевъ, где они имѣютъ форму крапинокъ или заострены въ видѣ кончика стрѣлы. Глаза окружены голымъ зеленовато-желтымъ кольцомъ; клювъ у старыхъ птицъ желтовато-синій съ болѣе темнымъ кончикомъ, восковица желтая; ноги у взрослой птицы соломенно-желтые, у молодой синія.

Эти соколы высиживаютъ потомство только въ самыхъ высокихъ широтахъ, напримѣръ, въ сѣверной Гренландіи и на Новой Землѣ, и только зимою появляются на югѣ Гренландіи, на сѣверѣ Исландіи, на сѣверномъ краю восточной Азіи, а также на отдаленномъ сѣверѣ Америки. Этихъ-то соколовъ главнымъ образомъ и называютъ арктическими кречетами (*Falco arcticus*).

Исландскій кречетъ (*Falco rusticulus*) это въ сущности сапсанъ въ большомъ видѣ. Верхняя сторона тѣла у исландского кречета темного сѣровато-синего цвѣта, спина и верхній покровъ черные; на свѣтломъ сѣровато-синемъ хвостѣ замѣчаются болѣе темные полосы, маховая перья буровато-черные; сѣроватая или желтовато-бѣлая нижняя сторона снабжена темными продольными пятнами, которые на бокахъ и на ногахъ обращаются въ поперечные.

Всѣ охотничьи соколы по величинѣ почти совершенно одинаковы; исландскій кречетъ, повидимому, самый маленький. Длина самки 60 см.

Водятся исландские кречеты, насколько известно до сихъ поръ, только на сѣверѣ Скандинавіи, въ сѣверной части европейской Россіи и въ восточной Сибири.

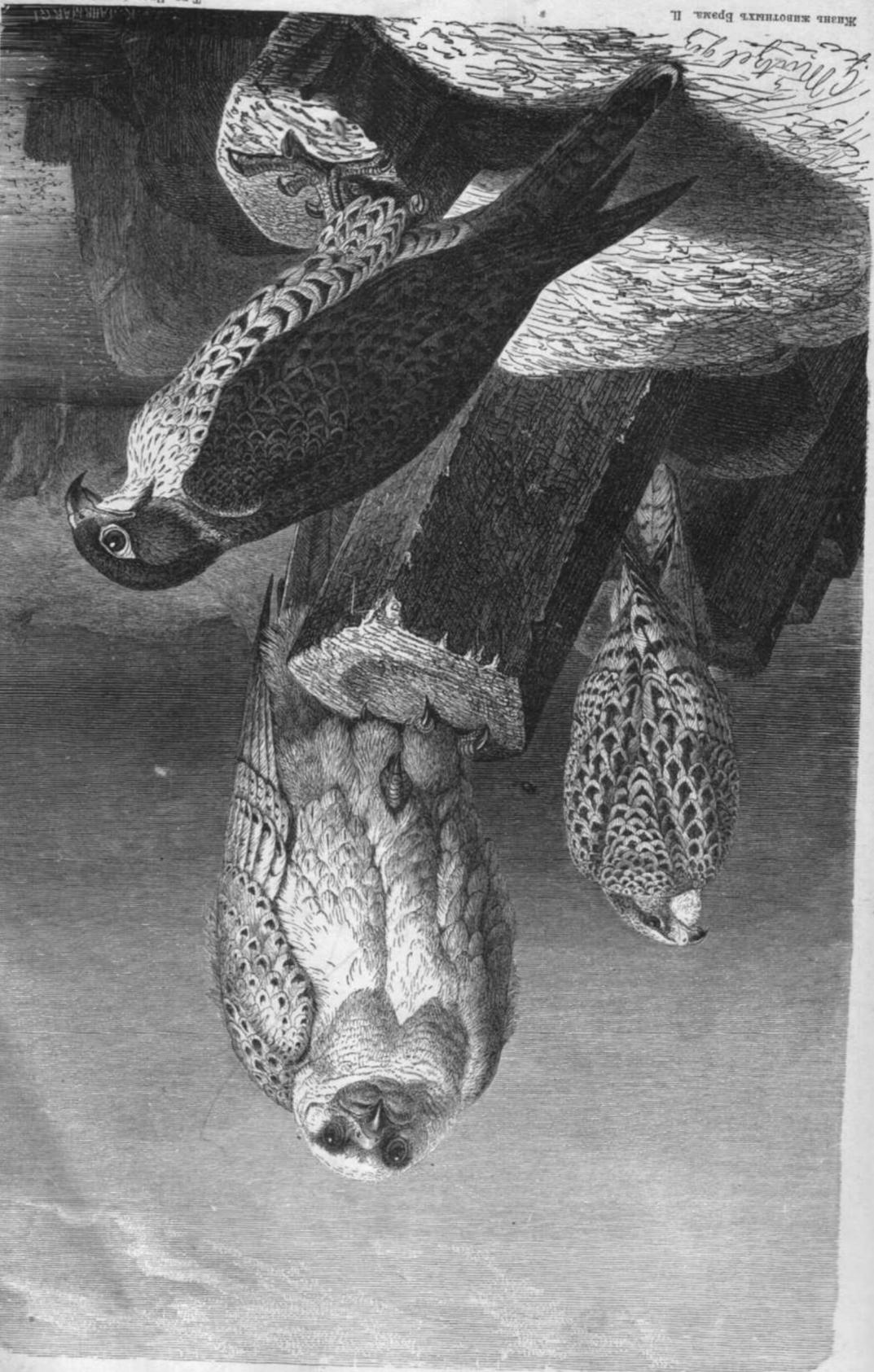
Кречеты живутъ въ сѣверныхъ странахъ преимущественно на крутыхъ морскихъ берегахъ, где селятся на скалахъ, но не избѣгаютъ и лѣса. Но ихъ нельзя назвать лѣсными птицами въ такой же степени, какъ другихъ соколовъ. Всего охотнѣе кречеты селятся вблизи тѣхъ утесовъ, куда лѣтомъ слетаются миллионы морскихъ птицъ для высиживанья потомства.

Каждая парочка кречетовъ упорно старается сохранить за собою однажды избранное мѣсто жительства и, будучи изгнана, очень скоро замѣняется другою. На нѣкоторыхъ утесахъ Лапландіи исландскіе кречеты ются съ незапамятныхъ временъ. По образу дѣйствий и по характеру, кречеты наиболѣе похожи на сапсановъ. Только полетъ кречетовъ, пожалуй, не такой быстрый и голосъ болѣе глубокій, чѣмъ у сапсановъ.

Питаются кречеты лѣтомъ морскими птицами, а зимою — бѣлыми куропатками; кроме того, кречеты, какъ говорять, нападаютъ на зайцевъ и иногда цѣльными мѣсяцами ёдятъ одиѣхъ только бѣлокъ. Кречеты — страшные враги пернатыхъ и наводятъ страхъ на всѣхъ обитателей „птичихъ горъ“. Гольбэлль увѣряетъ, что самъ видѣлъ, какъ арктическій кречетъ схватилъ своими лапами двухъ молодыхъ трехпалыхъ чаекъ заразъ, по одной птицѣ каждою лапой, а затѣмъ такимъ же образомъ овладѣлъ двумя песочниками; Фаберъ же нашелъ въ открытомъ имъ гнѣздѣ кречета множество кайръ, гагарокъ, чистиковъ и трехпалыхъ чаекъ. Кроме морскихъ птицъ, кречеты, высиживающіе потомство, преслѣдуютъ также болотныхъ курочекъ и голубей. Послѣ высиживанья птенцовъ кречеты часто приближаются къ человѣческимъ жилищамъ, обнаруживаются вообще мало робости и даютъ даже приманить себя, если нѣсколько разъ подбросить кверху бѣлую куропатку или другую птицу. Зимою кречеты покидаютъ морской берегъ и взираются на горы по слѣдамъ бѣлыхъ куропатокъ. Эти послѣднія такъ боятся своего злѣйшаго врага, кречета, что при видѣ его съ стремительной скоростью и съ неудержимой силой бросаются въ снѣгъ и зарываются въ немъ какъ можно поспѣшище.

H p e a t t .

Krauth Kühnlinnax Dpnaa. II.

T-Bo. Hippocampus. Rb. C. 6.

11.

Большое плоское гнѣздо кречета помѣщается въ углубленіи неприступного склона скалы близъ моря. Обыкновенно исландскій кречетъ завладѣваетъ незанятымъ гнѣздомъ ворона или же силою выгоняетъ изъ такого гнѣзда его законныхъ обладателей. Только что снесенные яйца кречета случалось находить въ началѣ мая, и даже въ концѣ апрѣля иногда число яицъ бываетъ уже полнымъ. Въ это время родина кречета еще погребена подъ снѣгомъ. Въ Новой Землѣ и, быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ далекаго сѣвера, гдѣ водится кречетъ, время высиживанья вѣроятно приходится на болѣе поздніе мѣсяцы года.

Въ былыхъ времена датское правительство ежегодно посыпало на Исландію особое судно, называемое „соколинымъ кораблемъ“, съ цѣлью привозить оттуда настоящихъ соколовъ. Въ наши дни правительство, понятно, больше не заботится о ловлѣ соколовъ; тѣмъ не менѣе почти каждое лѣто судно, отправляющееся изъ Даниі на Исландію, привозить въ метрополію нѣсколько живыхъ соколовъ, и этихъ-то соколовъ мы отъ поры до времени видимъ въ нашихъ зоологическихъ садахъ.

Сапсанъ (*Falco peregrinus*, рис. на стр. 684) отличается отъ кречета меньшей величиной, сравнительно маленьkimъ и сильнѣе загнутымъ клювомъ, менѣе оперенными ногами и болѣе короткимъ по сравненію съ крыльями хвостомъ. Вся верхняя сторона у него свѣтлого аспидно-срѣдаго цвѣта и украшена въ видѣ полосокъ темными аспиднаго цвѣта треугольными пятнами. Лобъ сѣрый, горло, окаймленное черными баками, а также верхняя часть груди бѣловато-желтая; нижняя часть груди и брюшко глинистаго красновато-желтаго цвѣта, причемъ нижняя часть груди покрыта буровато-желтыми штрихами и кругловатыми пятнами, имѣющими форму сердца, на брюшкѣ замѣчаются болѣе темная поперечная пятна вродѣ полосокъ, особенно рѣзко выступающая на заду и на опереніи ногъ. У живого сапсана все опереніе покрыто сѣроватымъ налетомъ. У самки краски обыкновенно ярче, чѣмъ у самца. Длина взрослого самца 42—47 см., размахъ крыльевъ 84—104 см., длина значительно болѣе крупной самки 47—52 см., размахъ крыльевъ 110—120 см.

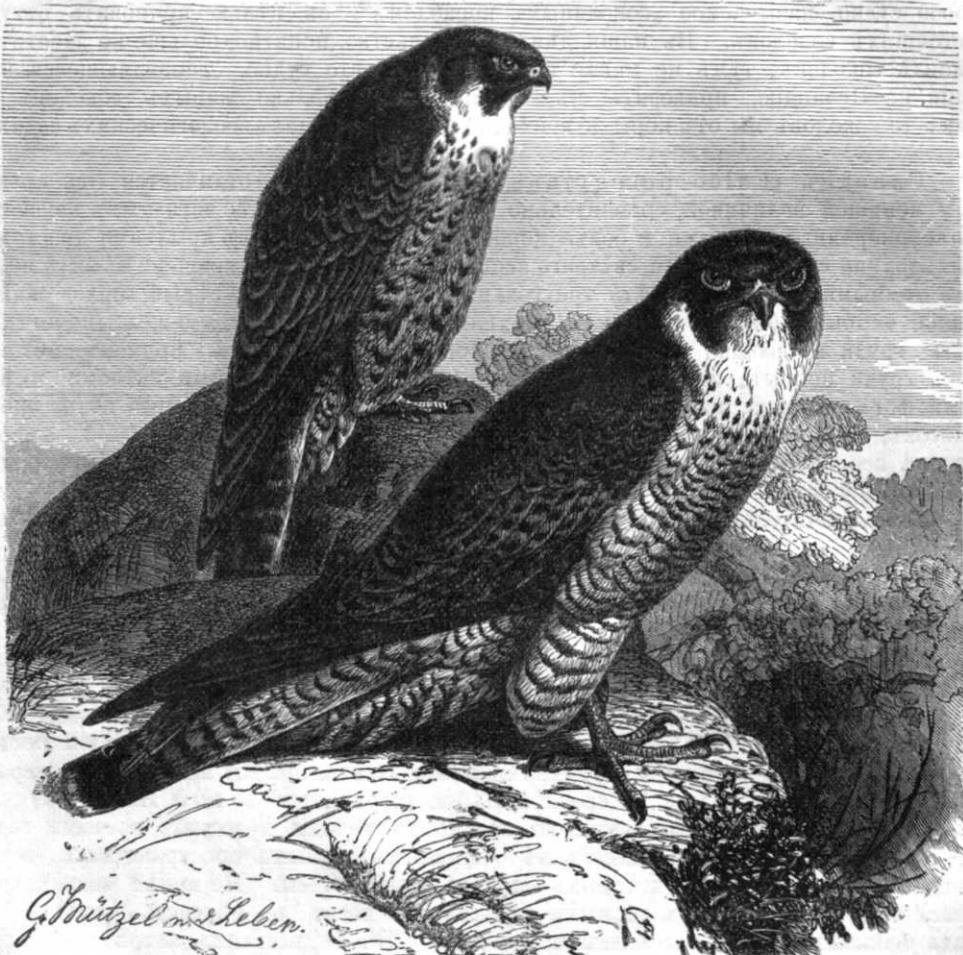
Не даромъ сапсана называютъ „странствующимъ соколомъ“ (*Wanderfalke*), такъ какъ онъ странствуетъ почти по всему земному шару. Во время своего перелета онъ посѣщаетъ всѣ сѣверныя страны Европы, Азіи и Америки, залетаетъ на крайний югъ Европы и здѣсь въ зимніе мѣсяцы мѣстами встрѣчается очень часто; онъ слѣдуетъ за перелетными птицами черезъ Средиземное море и по пути ихъ проникаетъ глубоко въ Африку, въ Азіи же въ этомъ случаѣ забирается въ Японію, Китай и Индію, въ Америкѣ — въ Соединенные Штаты, въ среднюю Америку и Вестъ-Индію. Въ сѣверо-восточной Африкѣ онъ зимою оживляетъ всѣ прибрежныя озера и весь бассейнъ Нила вплоть до средней Нубіи, встрѣчается во всей Индіи, начиная съ Гималаевъ до мыса Коморина, но только въ теченіе холоднаго времени года.

Въ Германіи сапсанъ живеть въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ, всего охотнѣе въ такихъ, среди которыхъ высятся крутые утесы. Не менѣе часто встрѣчается онъ въ безлѣсныхъ горныхъ странахъ и вовсе не рѣдкость увидѣть его среди большихъ, густо-населенныхъ городовъ. На берлинскихъ колокольняхъ, на башнѣ церкви св. Стефана въ Бѣнѣ, на соборахъ въ Кельнѣ и въ Ахенѣ эта птица является болѣе или менѣе правильнымъ обитателемъ. Сапсанъ юится особенно часто въ благопріятныхъ для него мѣстностяхъ, а именно на неприступныхъ стѣнахъ скалъ, и встрѣчается тамъ столь же часто, какъ кречетъ на „птичихъ горахъ“ далекаго сѣвера. Извѣстный Фалькенштейнъ (соколиный камень) — скала въ Тюрингенскомъ Лѣсу — имѣеть полное право на это название, такъ какъ на немъ съ незапамятныхъ временъ гнѣздится пара сапсановъ.

Сапсанъ — храбрая, сильная и въ высшей степени ловкая птица; обѣ этомъ съ первого взгляда можно заключить по его крѣпкому сложенію и блестящимъ глазамъ. Голосъ у него сильный и благозвучный, крикъ звучитъ какъ слоги: „кгіак кгіак“ или „каяк каяк“.

Сапсанъ, какъ кажется, ёсть только птицъ. Это пугало для всѣхъ пернатыхъ существъ, начиная съ дикаго гуся и кончая жаворонкомъ.

Всѣ птицы, на которыхъ охотится сапсанъ, прекрасно знаютъ его и поско-
ре стараются спастись отъ него бѣгствомъ. Даже храбрыя вороны не напа-
даютъ на него, а, увидѣвъ его, какъ можно скорѣе улетѣтываютъ; для этого онъ
имѣютъ полное основаніе, ибо сапсана имъ не удается обмануть, какъ почти всѣхъ
другихъ соколовъ, на которыхъ онъ нападаютъ и которыхъ долго преслѣдуютъ:
сапсанъ же въ такомъ случаѣ поднимается на воздухъ надъ воронами, по не-
опытности рѣшившимися дразнить его, кидается на нихъ сверху и неминуемо по-
ражаетъ одну изъ нихъ.

Сапсанъ (*Falco peregrinus*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

Схвативъ добычу, сапсанъ обыкновенно душить ее уже на воздухѣ; очень же
тяжелыхъ птицъ, каковы тетерева и дикие гуси, которыхъ онъ не въ силахъ та-
щить, онъ душить на землѣ, но предварительно мучаетъ ихъ на воздухѣ до тѣхъ поръ,
пока онъ вмѣстѣ съ ними не упадутъ на землю. Преслѣдуя свою добычу, сапсанъ
летитъ съ такою баснословною быстротою, что нѣть возможности опредѣлить
скорости его движенія. Слышится жужжаніе, затѣмъ можно видѣть, что какой то
предметъ низвергается по воздуху, но узнать въ этомъ предметъ сокола немыслимо.
Вслѣдствіе такой стремительности своего нападенія, сапсанъ лишь въ рѣдкихъ
случаихъ бросается на сидящихъ птицъ. Ему грозить опасность при этомъ самому
разбиться; и дѣйствительно, извѣстны примѣры, когда сапсанъ, ударившись во время
своего стремительного полета о вѣтку, падалъ на землю ошеломленнымъ и даже

мертвымъ. Палласъ говоритъ, что сапсанъ часто погибаетъ въ водѣ при преслѣдованіи утокъ: онъ ударяется о поверхность воды съ такою силою, что опускается глубоко въ воду и тонетъ. Въ другихъ случаяхъ онъ рѣдко даетъ маху и схватываетъ добычу легко, словно играя. Пойманную добычу онъ относить на открытое мѣсто и здѣсь сѣдѣаетъ ее; только болѣе крупныхъ птицъ онъ начинаеть ъсть уже тамъ, гдѣ убиль ихъ.

Сапсанъ всего охотнѣе устраиваетъ себѣ гнѣздо въ углубленіяхъ крутыхъ стѣнъ утесовъ, почти или совсѣмъ неприступныхъ, въ случаѣ необходимости гнѣздится, впрочемъ, также на высокихъ лѣсныхъ деревьяхъ. Самъ онъ сооружаетъ себѣ гнѣздо, вѣроятно, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, а большою частью пользуется гнѣздами другихъ хищныхъ птицъ, начиная съ гнѣзда орлана-бѣлохвоста и кончая полуразрушеннымъ гнѣздомъ чернаго коршуна; иногда онъ поселяется въ покинутомъ или насильно отнятомъ гнѣздѣ какои-нибудь вороновой птицы. Въ Германіи полное число яицъ можно найти въ апрѣль или въ маѣ, иногда лишь въ іюнѣ; яицъ кладется 3, много 4; они кругловатыя и по желтовато-красноватому фону покрыты бурющими пятнами.

Сапсана слѣдуетъ истреблять; ибо вредъ, причиняемый имъ, весьма значителенъ. Если бы этотъ гордый разбойникъ грабилъ только для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, то можно было бы пожалуй оставить его въ покое; но дѣло въ томъ, что онъ беретъ на себя заботу о прошитаніи многочисленной семьи другихъ хищныхъ птицъ. Замѣчательно, что всѣ настоящіе соколы бросяются только что пойманную добычу, если сами подвергаются нападенію. Это хорошо извѣстно нищимъ среди хищныхъ птицъ. „Лѣнивые и неловкіе хищники“, говорить Наумани, „сидѣть на пограничныхъ камняхъ или на полевыхъ холмахъ, внимательно слѣдятъ за соколомъ и, какъ только увидятъ, что онъ поймалъ что-нибудь, поспѣшино подлетаютъ къ нему и безъ дальнихъ разговоровъ отнимаютъ у него добычу. Соколъ, въ другое время столь храбрый и смѣлый, при видѣ приближающагося непрошеннаго гостя оставляетъ свою добычу, взлетаетъ съ часто повторяемымъ крикомъ „къя къяк“ на воздухъ и обращается въ бѣгство, Онъ предоставляетъ свою добычу даже трусливому красному коршуну, отъ кото-раго мужественной курицѣ удастся защитить своихъ цыплятъ.“

Безусловно вредный, сапсанъ не приносить никакой пользы; охотники и разводители голубей считаютъ его однимъ изъ своихъ злѣйшихъ враговъ, котораго надо истреблять всякими средствами. И все-таки не хотѣлось бы, чтобы онъ былъ истребленъ окончательно, такъ какъ онъ служитъ украшеніемъ нашихъ лѣсовъ и полей.

При заботливомъ уходѣ сапсанъ много лѣтъ выживаетъ въ клѣткѣ и ъсть всевозможное свѣжее мясо; но онъ требуетъ много корма.

Въ средней Африкѣ и въ Индіи представителемъ группы странствующихъ соколовъ является маленькая, очень изящная птица, о которой стоять упомянуть изъ за ея красоты. Это такъ называемый соколь-турумди (*Falco chiquera, ruficollis*), пожалуй самый красивый изъ всѣхъ настоящихъ соколовъ. Онъ распространенъ по всей Индіи отъ сѣвера до юга, но въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ встрѣчается рѣдко, такъ какъ отдаетъ предпочтеніе открытымъ мѣстамъ, расположеннымъ близъ поселений, садовъ и группъ деревьевъ. Охотится онъ парами и похищаетъ главнымъ образомъ мелкихъ птицъ, а именно каландръ, воробьевъ, ржанокъ и ъсть также полевыхъ мышей. Гнѣздо сокола-турумди помѣщается обыкновенно на высокихъ деревьяхъ и содержить въ большинствѣ случаевъ 4 желтовато-бурыхъ яицъ, покрытыхъ бурющими пятнами.

Иногда его приручаютъ и дрессируютъ для охоты на перепеловъ, куропатокъ, майнъ, особенно же на индійскихъ сиворакшъ.

Чеглокъ (*Falco subbuteo*, рис. на стр. 686) принадлежитъ къ мелкимъ видамъ настоящихъ соколовъ. Длина его 31 см., размахъ крыльевъ 78 см.; самка на 4 см. длиннѣе, и размахъ ея крыльевъ на 5—7 см. шире, чѣмъ у самца. Вся верхняя

сторона синевато-черная, голова съроватая, затылокъ съ бѣлыми пятнами; маховые перья черноватыя съ ржаво-желтыми каемками; хвостовыя перья сверху аспидно-синія, снизу болѣе сѣрыя, на внутреннемъ опахалѣ украшенныя восемью ржаво-желтовато-красными поперечными пятнами, которыхъ соединяются въ полосы, но отсутствуютъ на двухъ среднихъ перьяхъ. Нижняя сторона, начиная съ зоба, по бѣлому или желтовато-бѣлому фону покрыта черными продольными пятнами; перья на ногахъ, перья зада и нижняя кроющія перья хвоста красиваго

Чеглокъ (*Falco subbuteo*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

ржаво-красного цвѣта. Глаза темно-каріе, голое кольцо вокругъ глаза, восковица и ноги желтаго цвѣта, клювъ при основаніи свѣтло-синій, кончикъ клюва темно-синій.

Птенцовъ этотъ наиболѣе быстрый изъ настоящихъ соколовъ выводить въ Европѣ, начиная съ средней Скандинавіи, южной Финляндіи и сѣверной Россіи и кончая Грецией и Испаніей. Кромѣ того, онъ обитаетъ во всей Азіи, отъ Урала до Амура, выводить потомство и въ Туркменіи. Въ Германіи онъ отдає предпочтеніе передъ всякими другими местностями полевымъ рощамъ и особенно лиственнымъ лѣсамъ; въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ его наблюдали только во время перелета.

По своему образу дѣйствій чеглокъ во многихъ отношеніяхъ отличается отъ

другихъ настоящихъ соколовъ. Это въ высшей степени рѣзвая, смѣлая и ловкая хищная птица, которая по быстротѣ своего полета можетъ соперничать со всякою другою. Полетъ чеглока очень похожъ на полетъ ласточекъ. Подобно ласточкамъ, онъ болѣею частью держитъ крылья сернообразно, мало растопыриваетъ хвостъ и всей своей повадкой сильно напоминаетъ башенного стрига. На землю чеглокъ садится рѣдко, а всегда опускается на деревья; добычу свою онъ поѣдаетъ какъ на землѣ, такъ и на деревьяхъ.

Голосъ его — приятный звукъ „гэт гэт гэт“, который часто и быстро повторяется. Въ періодъ вывода слышится звонкій крикъ „гик“.

Чеглокъ всегда бываетъ робокъ и остороженъ, поэтому садится на дерево спать лишь послѣ наступленія полной темноты и почти со страхомъ избѣгаетъ всякаго человѣка. Весь его образъ дѣйствій свидѣтельствуетъ о большой смышленности.

Какъ уже говорилъ Науманъ, чеглокъ является пугаломъ полевыхъ жаворонковъ. Но онъ отнюдь не брезгаетъ другими птицами и опасенъ даже для быстrokрылыхъ ласточекъ. Обыкновенно онъ низко и скоро летить надъ землею. Весною, замѣтивъ его издали, жаворонки быстро взлетаютъ наверхъ на такую высоту, что человѣческій глазъ едва можетъ различить ихъ и усердно распѣваютъ свою пѣсенку, отлично сознавая, что въ высотѣ чеглокъ повредить имъ не можетъ, такъ какъ онъ, подобно соколу-турумди, бросается всегда на свою добычу сверху и потому никогда не трогаетъ птицъ, поднявшихся такъ wysoko. Ему слишкомъ трудно было бы подняться выше ихъ. При приближеніи чеглока ласточки поднимаютъ большой шумъ, собираются въ стаю и, кружась, взвиваются на воздухѣ. Чеглокъ охотится на ласточекъ, летающихъ въ одиночку и невысоко, и ловить ихъ въ открытомъ мѣстѣ, бросаясь на нихъ по 4—10 разъ: если же онъ часто промахивается, то устаетъ и оставляетъ ласточку въ покой. Гнѣздо устраивается на деревьяхъ, въ горахъ оно помѣщается также на скалахъ, а въ степи подчасъ и на землѣ. Въ первомъ случаѣ чеглокъ часто присвоиваетъ себѣ старое воронье гнѣздо, которое служитъ основой для его собственнаго; но иногда случается, что онъ сооружаетъ изъ сухихъ прутьевъ совершенно новое гнѣздо и выстилаетъ его внутри волосами, щетиной и мхомъ. Яйца, числомъ 4—5, продолговатой формы, лишь въ исключительныхъ случаяхъ круглые, и на бѣловатомъ или красноватомъ фонѣ болѣе или менѣе густо усыпаны очень мелкими, желтовато-красноватыми пятнами, а сверхъ нихъ — красновато-буроватыми крапинками.

Чеглокъ также причиняетъ не мало вреда. По разсчету Ленца, онъ уничтожаетъ ежегодно по крайней мѣрѣ 1095 маленькихъ птицъ. Зато это самый милый комнатный сожитель изъ всего этого семейства. „Ни одна птица“, говорить мой отецъ, „не доставляла мнѣ столько удовольствія, какъ мой ручной чеглокъ. Когда я проходилъ мимо сарая, гдѣ его держали, онъ кричалъ, еще не успѣвъ меня замѣтить, подлеталъ къ двери, затѣмъ бралъ у меня изъ рукъ птицу и сѣдалъ ей. Когда я входилъ въ сарай, онъ садился ко мнѣ на руку, давая себя гладить, и при этомъ смотрѣлъ на меня довѣрчивыми глазами. Если я относилъ его въ комнату и сажалъ на столъ, то онъ сидѣлъ спокойно, сѣдалъ даже въ присутствіи постороннихъ людей преподнесенную ему птицу самимъ невозмутимымъ образомъ. Если его дразнили или пробовали отнять у него добычу, то онъ клевался, но никогда не наносилъ ранъ когтями. Всякому, кто его видѣлъ, соколь этотъ нравился, и всѣ любили ласкать его. Никто не пожалѣеть, если станетъ держать въ неволѣ чеглока. Онъ знаетъ своего хозяина, умѣть цѣнить его любовь и какъ будто взглядомъ благодарить его за нее.“

*

Пустельга и ея ближайшіе родственники по своему сложенію, по строенію клюва, крыльевъ и хвоста напоминаютъ еще своихъ болѣе благородныхъ родственниковъ, но отличаются отъ нихъ болѣе длиннымъ и менѣе плотнымъ опереніемъ, болѣе короткими крыльями, болѣе длиннымъ хвостомъ, болѣе сильными ногами съ

болѣе короткими пальцами и одеждой, окрашенной различнымъ образомъ въ зависимости отъ пола.

Образъ жизни и образъ дѣйствій этихъ соколовъ столь же сходны, какъ ихъ сложеніе и окраска. Сейчасъ видно, что это не столь способные представители семейства, какъ уже описанные настоящіе соколы. Полетъ ихъ, правда, еще легкій и довольно быстрый, но значительно уступаетъ полету настоящихъ соколовъ и отличается тѣмъ, что птица подолгу трепещеть въ воздухѣ. Обыкновенно пустельги летять на умѣренной высотѣ надъ землею, увидѣвъ добычу, внезапно останавливаются, довольно долго, трепеща крыльями, и затѣмъ довольно поспѣшно низвергаются, чтобы схватить замѣченную добычу. Иногда же эти птицы, ради своего собственного удовольствія, въ ясные лѣтніе вечера поднимаются высоко въ воздухѣ и при этомъ выполняютъ самыя изящныя сальтомортале. Сидѣть онѣ въ болѣе небрежной позѣ, чѣмъ благородные соколы, а потому кажутся больше, чѣмъ въ дѣйствительности; но и пустельги въ исключительныхъ случаяхъ отличаются удивительно стройной осанкой. На землѣ онѣ довольно ловки; благодаря своимъ длиннымъ плюснамъ, онѣ даже ходятъ довольно легко. Внѣшнія чувства у нихъ не менѣе остры, чѣмъ у другихъ настоящихъ соколовъ; но характеръ у нихъ другой. Онѣ рѣзвѣ, веселѣе другихъ соколовъ и къ тому же смѣлы и задорны. Больѣ крупнымъ хищнымъ птицамъ онѣ часто сильно надѣлаютъ своимъ усерднымъ преслѣдованіемъ, а филина-пугача дразнятъ, сколько имъ угодно. Даже по отношенію къ людямъ онѣ подчасъ обнаруживаютъ изумительную храбрость. Онѣ рано просыпаются и поздно засыпаютъ; часто можно видѣть, какъ онѣ еще порхаютъ въ вечернихъ сумеркахъ. Крикъ ихъ — звонкое, радостное „кли кли кли“, которое издается съ различными интонаціями, смотря по тому, выражаетъ ли оно страхъ или удовольствіе. Въ гнѣвѣ эти птицы хихикаютъ. Къ человѣку онѣ относятся различно, смотря по обстоятельствамъ. Въ средней Европѣ онѣ довольно робки и даже чрезвычайно осторожны, когда знаютъ, что ихъ преслѣдуютъ; на югѣ онѣ живуть въ дружбѣ съ человѣкомъ, и даже красная пустельга не боится того, чье жилище дѣлается и ея собственнымъ обиталищемъ. Въ неволѣ пустельги скоро становятся совсѣмъ ручными, а если съ ними хорошо обращаются, то платятъ за это своимъ хозяевамъ искренней привязанностью. Ихъ легко можно пріучить вылетать изъ клѣтки и снова въ нее возвращаться, онѣ являются на зовъ, встрѣчаютъ своего хозяина радостнымъ крикомъ и выражаютъ свое расположеніе къ нему еще иными способами.

Пустельга (*Falco tinnunculus*) очень красавая птица. У вполнѣ развитаго самца голова, затылокъ и хвостъ пепельно-серые и только на концѣ перья хвоста украшены синевато-черными полосами съ белыми каемками; верхнія части тѣла красиваго ржаво-краснаго цвѣта, всѣ перья на концѣ украшены треугольнымъ пятномъ, нѣкоторыя перья имѣютъ черное продольное пятно на внутреннемъ опахалѣ, а на концѣ болѣе свѣтлую каемку. Радужная оболочка темно-карія, клювъ рогового бурого цвѣта, восковица и голое мѣсто вокругъ глаза зеленовато-желтая, ноги лимонно-желтая. По бородѣ проходитъ полоска. Длина 33 см.

Отъ Лапландіи до южной Испаніи и отъ пріамурскихъ странъ до западнаго берега Португаліи, пустельга встрѣчается во всѣхъ странахъ, во всѣхъ округахъ Европы и Азіи. Она живеть какъ въ равнинахъ, такъ и въ горныхъ мѣстностяхъ, все равно, лѣсистыя онѣ или безлѣсныя, ибо селятся и на скалахъ, и въ лѣсу. На югѣ Европы пустельга встрѣчается чаще, нежели на сѣверѣ, но и на сѣверѣ въ ней нѣть недостатка. Во время своего перелета она перелетаетъ черезъ Черное и Средиземное море, въ сильныя бури ищетъ, въ случаѣ необходимости, убежища на судахъ, отдыхаетъ на противоположномъ берегу нѣсколько часовъ, быть можетъ даже нѣсколько дней, а затѣмъ отправляется дальше и забирается вплоть до южной Азіи и глубоко внутрь Африки. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя птицы зимуютъ иногда, хотя не вполнѣ правильно, но вовсе не рѣдко въ Германіи, чаще на югѣ Германіи или въ Австріи, напр. въ Зальцкаммергутѣ, ежегодно

проводать зиму въ южномъ Тиролѣ и на всѣхъ трехъ южныхъ полуостровахъ Европы.

Возвращаясь съ мѣста своей зимовки, пустельга появляется часто уже въ февралѣ, самое позднее въ мартѣ, а если осень сколько нибудь благопріятна, то остается не только до конца октября, какъ обыкновенно, но еще значительную часть ноября проживаетъ на мѣстахъ вывода. Она предпочитаетъ предгорья и средней высоты горы самымъ высокимъ вершинамъ, и въ равнинахъ вездѣ встречается чаще, чѣмъ въ горахъ. Въ равнинѣ она селится въ рощахъ или даже въ

Пустельга (*Falco tinnunculus*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

большихъ лѣсахъ, гдѣ гнѣзда устраивается на верхушкѣ высокаго дерева; не менѣе часто она избираетъ своимъ мѣстомъ жительства стѣну утеса или, особенно въ южныхъ странахъ, старое строеніе. Въ стаинныхъ рыцарскихъ замкахъ почти всегда можно встрѣтить пустельгу; большинство городовъ также даютъ пріютъ этой птицѣ.

Яицъ пустельги кладеть 4—9, обыкновенно 4—6; они довольно круглые и по бѣлому или ржаво-желтому фону усыяны со всѣхъ сторонъ буровато-красными пятнышками и точками; величина и форма яицъ бываютъ весьма различны.

Любимую добычу пустельги составляютъ мыши; кромѣ того, она пойдѣаетъ насѣкомыхъ. Извѣстно также, что она єсть мелкихъ птицъ, если только можетъ схватить ихъ, и возможно, что она иногда кормить своихъ итенцовъ потомствомъ жаворонковъ и щеврицъ; весьма вѣроятно, что она отъ поры до времени подхватываетъ молодого, только что родившагося зайченка и душить его. Но считать

въ виду этого пустельгу вредной птицей и преслѣдоватъ ее, вмѣсто того, чтобы оказывать ей покровительство, было бы несправедливо и неразумно.

Въ южной Европѣ наряду съ пустельгой водится близко ей родственная и болѣе красная красная пустельга (*Falco cenchris*). Длина ея 32 см. У старого самца голова, большія кроющія перья крыла, заднія маховыя перья и хвостъ синеватаго пепельно-сѣраго цвѣта, перья спины кирпично-красныя безъ

Кобчикъ (*Falco vespertinus*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

всякихъ пятенъ, грудь и брюшко желтовато-красноватыя съ очень маленькими пятнами на стержняхъ, иногда почти что незамѣтными; хвостовыя перья на концѣ также украшены черной полосой. Глаза, клювъ и ноги окрашены такъ же, какъ у пустельги; когти желтовато-блѣые.

Близкимъ родственникомъ пустельги, особенно же красной пустельги, является кобчикъ (*Falco vespertinus*), тоже насѣкомоядная птица и притомъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ соколовъ. По величинѣ кобчикъ приблизительно равняется красной пустельгѣ. Взрослаго самца-кобчика невозможно смѣшать ни съ какимъ другимъ соколомъ. Нижняя часть брюшка, перья на ногахъ и нижнія кроющія перья хвоста темнаго ржаво-краснаго цвѣта; прочее опереніе равномѣрнаго аспидо-сиянія цвѣта, только хвостъ нѣсколько темнѣе. Восковица, голое кольцо вокругъ глазъ

и ноги кирпично-красные; клювъ сзади желтый, спереди рогового синеватаго цвѣта. Радужная оболочка всегда карая.

Кобчикъ водится на юго-востокѣ Европы и въ средней Азіи. Въ западной Европѣ онъ попадается рѣдко, но отъ поры до времени при перелетѣ появляется и здѣсь, переступая черезъ границы той области, по которой странствуетъ. Такимъ образомъ онъ не разъ появлялся въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи, на о. Гельголандѣ, въ Англіи и даже въ Швеціи. Кобчикъ птица въ полномъ смыслѣ слова степная и живеть въ степныхъ пространствахъ, начиная съ венгерской Пусты, въ степяхъ южной Россіи и всей средней Азіи вплоть до границы Китая. Соответственно этому, при перелетѣ, кобчикъ направляется, главнымъ образомъ, въ Индію, а не въ Африку. Значительную долю его пищи составляютъ насѣкомыя во всѣхъ стадіяхъ развитія, особенно же вполнѣ развитыя насѣкомыя и изъ нихъ, главнымъ образомъ, жуки; рѣже удается ему полакомиться мышкой, молодой, безпомощной птичкой или маленькой ящерицей. Кобчикъ обладаетъ всѣми хорошими качествами соколовъ и, кромѣ того, ихъ красотою. Держится онъ граціозно, характеръ у него уживчивый, хищническія наклонности невелики, такъ какъ онъ — птица насѣкомоядная. Вниманіе къ себѣ и уходъ за собою онъ умѣеть цѣнить. Онъ хорошо знаетъ своихъ друзей и привѣтствуетъ ихъ радостнымъ возгласомъ. Его безъ всякихъ опасеній можно держать въ обществѣ другихъ птицъ и спаривать съ красной пустельгой. Кормъ ему дается такой же, какъ и дроздамъ; при этомъ кобчикъ, повидимому, чувствуетъ себя прекрасно.

*

Карликовые соколы живутъ въ южной Азіи. Это хищныя птицы величиною съ жаворонка, но имъ надо отдать справедливость въ томъ отношеніи, что по храбости и смѣлости онъ могутъ соперничать съ самыми сильными изъ настоящихъ соколовъ.

Эти маленькие хорошенъкіе соколы водятся въ Индіи и въ малайскихъ странахъ; тамъ ихъ можно встрѣтить около полудюжины видовъ.

Самый извѣстный видъ карликовыхъ соколовъ — это соколь, называемый у индусовъ муты, а у яванцевъ алапъ (*Hierax coeruleuscens*); длина его не больше 20-ти см. Темя, затылокъ, хвостъ и длинныя, мягкія, какъ шелкъ, перья на ногахъ синевато-чернаго цвѣта; передняя часть головы, горло, грудь и полоска, идущая отъ угла клюва къ плечамъ, ржаво-красновато-блѣлая; прочія нижнія части тѣла ржаво-красные. Круглыя блѣловатыя пятна въ хвостѣ образуютъ четыре изящныхъ полоски; въ такомъ же родѣ окрашены маховыя перья. Глаза каріе, клювъ буровато-черный, ноги свѣтло-синія.

Название „мути“ означаетъ „горсть“, и имя это дается соколу потому, что его носятъ въ кулакѣ, когда беруть на охоту и, какъ камень, бросаютъ вслѣдъ за добычей. Его пускаютъ на перепеловъ и на другую дичь такой же приблизительно величины.

Саричевые птицы (*Buteoninae*) характеризуются короткою плюсною, большою частью не достигающею длины средняго пальца и, самое большее, немного превосходящею его длину; это сравнительно лѣнивыя птицы, ловкостью уступающія соколамъ и ястребамъ и охотящіяся болѣе на бѣгающую, чѣмъ на летающую дичь. Между ними есть многія, питающіяся рыбой и ловящія мышей; иные не брезгаютъ падалью и кухонными отбросами растительного происхожденія. Добычу они высматриваютъ паря, рѣдко трепеща въ воздухѣ, и схватываютъ ее, внезапно опускаясь или падая внизъ.

*

Родъ орловъ (*Aquila*) характеризуется совершенно оперенными плюснами и кругловатыми или яйцеобразными носовыми отверстіями; плюсна приблизительно такой же длины, какъ средній палецъ, а хвостъ наполовину короче крыльевъ.

Этотъ родъ, въ составъ котораго входитъ 15 видовъ, водится во всѣхъ частяхъ свѣта, кромѣ южной Америки.

Беркутъ, или холзанъ (*Aquila chrysaetos*), — самый крупный и сильный изъ всѣхъ орловъ, сложенный плотище своихъ ближайшихъ родственниковъ; это и есть „орель“ въ настоящемъ значеніи этого слова, охотничья птица всѣхъ кочевыхъ народовъ внутренней Азіи, герой басенъ и прообразъ птицы, изображаемой на гербахъ, олицетвореніе силы и могущества. Длина его 80—95 см., ширина 2 метра и болѣе, длина крыльевъ 58—64 см., длина хвоста 31—36 см. Первые цифры относятся къ самцу, вторыя къ болѣе крупной самкѣ. У старой птицы затылокъ, не исключая и задней части шеи, ржаво-буровато-желтаго цвѣта; двѣ основныя трети всѣхъ прочихъ перьевъ — бѣлого цвѣта, тогда какъ кончики перьевъ весьма равномѣрнаго темно-бураго цвѣта; перья хвоста въ основной трети бѣлые, даѣтъ снабжены черными полосами или пятнами, а конечная половина ихъ чернаго цвѣта. Перья на ногахъ бурыя, нижня кроющія перья хвоста бѣлые.

Мы описали здѣсь только наиболѣе часто встрѣчающуюся окраску беркута и должны прибавить, что одежда этого орла бываетъ весьма различна. Нѣкоторыя старыя птицы бываютъ равномѣрнаго темно-бураго цвѣта, другія — золотисто-бураго; у третьихъ область зоба и брюха бываютъ золотисто-бурыя, а остальные части тѣла темно-бурыя; у нѣкоторыхъ крылья остаются одноцвѣтными до глубокой старости, у другихъ маховые перья украшены красивыми полосами и т. д.

Беркутъ обитаетъ на высокихъ горахъ и въ очень обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ Европы и Азіи, иногда, хотя рѣдко, залетаетъ и въ сѣверо-восточную Африку. Въ Германіи онъ въ настоящее время правильно гнѣздится только на высокихъ горахъ Баваріи, а также въ обширныхъ казенныхъ лѣсахъ провинцій Восточной Пруссии и Помераніи; остальную Германію онъ посѣщаетъ отъ поры до времени въ одиночку въ качествѣ бродячей птицы, но весьма рѣдко селится гдѣ-нибудь надолго. Гораздо чаще, чѣмъ въ предѣлахъ Германіи, эта гордая птица селится въ Австро-Венгріи, особенно въ горахъ Штирии, Тироля, Каринтии и Крайны, а также — и притомъ вовсе не рѣдко — на Карпатахъ и въ горахъ Трансильваніи, затѣмъ обитаетъ въ большей части Венгріи и на всемъ югѣ Австріи. Кромѣ того, беркутъ водится въ Швейцаріи, въ южной Европѣ, въ горахъ Атласа, въ Скандинавіи (?), во всей Россіи (?), гдѣ она покрыта лѣсами и скалами, въ Малой Азіи, въ сѣверной Персіи и средней Азіи, отъ Урала до Китая и отъ сибирскаго пояса лѣсовъ до Гималаевъ.

Не избѣгая большихъ лѣсовъ, орель рѣшительно предпочитаетъ селиться на высокихъ горахъ и притомъ на болѣе или менѣе трудно доступныхъ, по возможности совершенно неприступныхъ стѣнахъ утесовъ. Однажды избранный себѣ участокъ пара орловъ упорно отстаиваетъ, не покидаетъ его даже зимою, если въ данной мѣстности водится достаточное количество дичи, и даже зимою правильно посѣщаетъ гнѣзда, словно стараясь сохранить за собою права на обладаніе ими.

Съ того мѣста, гдѣ помѣщается гнѣздо, пара орловъ ежедневно вылетаетъ за добычей, причемъ часто летить въ одномъ и томъ же направлениі. Она покидаетъ мѣсто своего ночного отдыха лишь долгое время спустя послѣ восхода солнца и, кружась, пролетаетъ по своему участку на довольно большой высотѣ. Горные хребты служать въ извѣстномъ смыслѣ путями, и по направленію ихъ орель большою частью летить сравнительно низко, если горы высокія, часто поднимаясь надъ ними не выше, какъ на разстояніе выстрѣла. Сообща пара орловъ охотится и сообща съѣдаетъ схваченную добычу; но трапеза отнюдь не всегда обходится мирно: лакомое кушанье вызываетъ скору даже между самыми нѣжными супругами-орлами. Охота продолжается приблизительно до полудня; затѣмъ разбойникъ возвращается къ гнѣзду или садится на какое-нибудь другое безопасное мѣсто, чтобы отдохнуть. Это онъ дѣлаетъ всегда, когда охота его была удачна. Тогда съ набитымъ зобомъ и съ растрепаннымъ опереніемъ онъ сидѣтъ долго на одномъ мѣстѣ и предается отдыху и перевариванью пищи, но и въ это время онъ не перестаетъ заботиться о своей безопасности. Послѣ такого отдыха онъ всегда уле-

таетъ на водопой. Нѣкоторые утверждали, что орель можетъ довольствоваться для питья кровью своихъ жертвъ; но всѣ плѣнныя орлы опровергали это мнѣніе. Орель пить много и, кромѣ того, нуждается въ водѣ для купанья. Въ теплую погоду рѣдко проходить день, въ который бы онъ не купался. Напившись и вымывшись, онъ снова вылетаетъ за добычей; подъ вечеръ онъ обыкновенно забавляется играми на воздухѣ; при наступленіи сумерекъ онъ осторожно, безъ всякихъ крика, прилетаетъ на мѣсто ночлега, которое всегда выбирается съ большой осмотрительностью. Такова, въ короткихъ словахъ, ежедневная жизнь орла.

Орель бываетъ красивъ и величественъ только тогда, когда сидитъ или лѣтаетъ; бѣгаєтъ же онъ такъ беспомощно и неловко, что на него смѣшино глядѣть. Летающій орель съ его обрубленнымъ хвостомъ такъ характеренъ, что его никакъ нельзя смѣшать съ грифомъ. Орель, высоко кружасійся въ воздухѣ, высмотрѣвъ добычу, обыкновенно опускается внизъ по спиральной линіи, чтобы хорошоенько разглядѣть предметъ; затѣмъ внезапно складываетъ крылья и кидается внизъ по косому направленію, вытянувъ лапы и выставивъ впередъ когти; со свистомъ разрѣзая воздухъ, бросается на намѣченную жертву и сжимаетъ ее обѣими лапами. Онъ хватаетъ и болѣе сильныхъ животныхъ; замѣчено, что онъ не щадить даже больно кусающейся лисицы. Нельзя считать вымысломъ рассказовъ о томъ, что онъ бросался на маленькихъ дѣтей и, если могъ, уносилъ ихъ; извѣстны даже случаи, когда онъ нападалъ на взрослыхъ людей, хотя къ этому его не приуждало ни самосохраненіе, ни защита своего гнѣзда. Нордманъ разсказываетъ слѣдующій въ высшей степени интересный примѣръ такого случая. „Я досталъ беркута“, говоритъ онъ, „котораго поймали при слѣдующихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ: голодная и безумно смѣлая птица бросилась среди деревни на большую, разгуливавшую по улицѣ свинью, громкіе крики которой вскопошли деревенскихъ жителей. Одинъ мужикъ, подбѣжалъ къ свинѣ, отогналъ орла, который неохотно оставилъ свою тяжелую добычу; поднявшись съ жирной спины свиньи, онъ тотчасъ же кинулся на кота и, схвативъ его, сѣлъ на заборъ. Раненная свинья и окровавленный котъ затянули раздирающій душу дуэтъ. Крестьянинъ хотѣлъ спасти и кота, но, боясь подойти къ сердитой птицѣ безъ оружія, побѣжалъ въ домъ за заряженнымъ ружьемъ. Когда же орель въ третій разъ увидѣлъ человѣка, помѣшившаго его трапезѣ, то онъ выпустилъ кота, схватилъ и скользъ въ лапахъ крестьянина, и тогда раздался крикъ о помощи всѣхъ троихъ — захваченного врасплохъ охотника, жирной свиньи и старого кота. Тутъ подоспѣли другіе мужики, схватили орла руками и принесли связанного злодѣя къ моему пріятелю.“

Весьма вѣроятно, что по крайней мѣрѣ большая часть злодѣйствъ, приписываемыхъ ягнятникамъ, совершаются смѣлымъ орломъ-беркутомъ.

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣхъ животныхъ, на которыхъ охотится орель. Изъ птицъ, живущихъ въ средней Европѣ, онъ не трогаетъ только хищныхъ птицъ, ласточекъ и быстрокрылыхъ пѣвчихъ птицъ, изъ млекопитающихъ, не говоря о хищныхъ звѣряхъ, онъ оставляетъ въ покое только парно- и непарно-копытныхъ. Мы только что видѣли, что орель не щадить дѣтенышей ни тѣхъ, ни другихъ; наблюдениемъ доказано, что онъ не пренебрегаетъ мелкими животными. Въ орлиномъ гнѣздѣ селятся воробы и живутъ тамъ, повидимому, безопасно; но орель при случаѣ готовъ задушить и ихъ. Это подтверждается наблюдениемъ Раддеса, который видѣлъ, какъ орель ловить жаворонковъ.

Многія животныя, защищенные отъ орла въ мѣстахъ своего жительства, все-таки дѣлаются его добычей, такъ какъ онъ гоняется за ними до тѣхъ поръ, пока они, обезсилѣвъ, не отдаются въ его лапы. Такъ, онъ пугаетъ плавающихъ птицъ, которыхъ, при появлѣніи орла, ныряютъ, и преслѣдуя ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не потеряетъ силу нырять; тогда онъ безъ всякихъ разговоровъ схватываетъ ихъ. Пойманную и убитую или по крайней мѣрѣ наполовину задушеннную добычу орель немного ощипываетъ, прежде чѣмъ принимается ее ёсть; начинаетъ онъ ее ёсть съ головы, разламываетъ кости и глотаетъ ихъ, если ему удалось раздробить

ихъ. Отъ крупныхъ птицъ онъ оставляетъ одинъ только клювъ. Послѣ головы съѣдается шея, потомъ остальное тѣло. Орелъ єсть съ величайшей осторожностью, отъ поры до времени осматривается кругомъ и прислушивается. Послѣ трапезы онъ весьма тщательно вычищаетъ свой клювъ. Волосы и перья представляютъ для него необходимую потребность; они, повидимому, крайне нужны для очистки его желудка. По окончанію пищеваренія они скатываются въ комки, которые птица выплевываетъ обыкновенно черезъ каждые 5—8 дней. Если не давать орлу волосъ или перьевъ, то онъ глотаетъ сѣно или солому. Кости, которыхъ онъ проглатываетъ весьма охотно вмѣстѣ съ пищей, совершенно перевариваются.

Орелъ вѣть гнѣзда обыкновенно уже въ половинѣ или въ концѣ марта. Гнѣзда имѣть въ поперечнике 1,30—2 метра, самое углубленіе 70—80 сантиметровъ; но такъ какъ гнѣзда употребляются въ теченіе долгаго времени, то растетъ изъ года въ годъ, если не въ ширину, то въ высину, такъ что иногда представляется изъ себя поистинѣ гигантское сооруженіе.

Яйца относительно невелики, очень круглой формы, съ шероховатой скорлупой и по бѣловатому или зеленовато-сѣрому фону покрыты безъ всякой правильности болѣе крупными и болѣе мелкими сѣроватыми и буроватыми пятнами и точками, которыхъ часто сливаются. Въ гнѣзда можно найти 2—3 яйца, но птенцовъ рѣдко вылупляется болѣе двухъ, часто только одинъ. Самка высиживаетъ яйца приблизительно 5 недѣль. Молодыя птицы, вылупившіяся изъ яйца и появляющіяся на свѣтѣ Божій въ первыхъ числахъ мая, подобно другимъ хищнымъ птицамъ, густо обросли сѣровато-бѣлымъ шерстистымъ пухомъ. Оба родителя съ величайшей нѣжностью заботятся о своемъ потомствѣ, и особенно мать усердно печется объ удовлетвореніи ихъ потребностей. Къ концу периода вывода орлиное гнѣзда похоже бываетъ на бойню или на мѣсто, куда выбрасываются падаль. Какъ ни заботятся старики объ обновленіи строительныхъ материаловъ гнѣзда, однако, самымъ равнодушнымъ образомъ держатъ своихъ птенцовъ между гнѣющими остатками мяса, лежащими въ гнѣзда, и между массами привлеченныхъ мясомъ и развившихся въ немъ насѣкомыхъ. Какъ велико число жертвъ, погибающихъ ради сохраненія жизни двухъ орлятъ, видно изъ данныхъ, приводимыхъ Бехштейномъ, по которымъ вблизи орлиного гнѣзда были найдены остатки 40 зайцевъ и 300 утокъ. Эта оцѣнка, быть можетъ, преувеличена; но пара орловъ истребляетъ достаточное количество животныхъ, живущихъ въ окрестностяхъ гнѣзда и притомъ въ окрестностяхъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, ибо замѣчено, что орель приносить въ гнѣзда цапель, пойманнныхъ на разстояніи 20—30 километровъ отъ гнѣзда. Для мелкаго скота орель во время вывода является настоящимъ бичемъ, для пастуха же — мучителемъ; поэтому неудивительно, что владѣтель скота готовъ на все, чтобы избавиться отъ столь ужаснаго разбойника.

Орлы, попавшіе въ неволю молодыми и выращенные человѣкомъ, скоро становятся ручными, относятся хорошо къ людямъ, такъ привыкаютъ къ своему хозяину, что скучаютъ, если долгое время не видѣть его; они привѣтствуютъ его радостнымъ крикомъ, когда онъ приходитъ къ нимъ, и никогда не нападаютъ на него. При сколько-нибудь хорошемъ уходѣ они долго выживаютъ въ неволѣ. Въ императорскомъ замкѣ (Hofburg) въ Вѣнѣ, гдѣ по старому обычая правителей изъ дома Габсбурговъ въ теченіе многихъ столѣтій держали въ неволѣ живыхъ орловъ и заботливо ухаживали за ними, одинъ беркутъ жилъ отъ 1615 до 1719 г., а въ Шенбруннѣ въ 1809 г. умеръ орель того же вида, прожившій въ неволѣ цѣлыхъ 80 лѣтъ.

Мертвый орель находитъ гораздо болѣе широкое примѣненіе, нежели живой. У тирольцевъ и родственныхъ имъ верхнихъ баварцевъ отдѣльныя части орла считаются драгоценнымъ украшеніемъ. У китайцевъ голова и лапы орла считаются цѣнными лѣкарственными средствами, маховыя перья служатъ для приготовленія вѣровъ и для оперенія стрѣль. У бурятъ маховыя и рулевые перья орла также высоко цѣнятся, а монголы приносятъ ихъ богамъ въ видѣ жертвы.

Американскіе индѣйцы охотно вынимаютъ изъ гнѣзда большого орлена, выращиваютъ его и затѣмъ собираютъ его хвостовые перья, которыхъ у нихъ высоко

цѣняются: одно единственное перо продаётся за долларъ. Орлиныя перья у всѣхъ индѣйскихъ народовъ являются знакомъ ихъ геройскихъ подвиговъ, у большинства индѣйцевъ орлинымъ перомъ награждается тотъ, кто убилъ врага. Индѣйцы украшаютъ орлиными перьями свои головные уборы, причемъ перья прикрепляются вертикально въ видѣ длиннаго ряда къ полосѣ краснаго сукна, къ которому сверху придѣлана шапка изъ перьевъ. Къ оружію своему индѣйцы тоже часто при-

Могильникъ (*Aquila melanætus*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

крепляютъ орлиныя перья, или же носятъ ихъ въ волосахъ, а крыло употребляютъ въ качествѣ вѣра.

Могильникъ (*Aquila melanætus*) значительно меньше беркута; длина его достигаетъ только 80—86 см., ширина 1,9—2,2 метра, длина крыльевъ 60—63 см., длина хвоста 27—29 см.; значитъ, самка могильника все-таки немного меньше самца беркута. Тѣло плотное, хвостъ сравнительно короткій, крылья же настолько длинныя, что, будучи сложенными, превосходить длиною хвостъ. Основная окраска взрослыхъ птицъ — очень темный и равномерный бурый цветъ. Голова и затылокъ ржаво-бурые или блѣдо-желтые, а большое пятно на плечахъ или на самыхъ заднихъ перьяхъ крыла чисто-блѣлое; хвостъ надѣлъ не осо-

бенно широкой полосой на концѣ по пепельно-серому фону украшенъ узкими и правильными черными полосками.

Могильникъ водится въ весьма обширной области, а именно встрѣчается отъ Венгрии до Китая. Въ Германиѣ эта птица, судя по произведеннымъ до сихъ поръ наблюденіямъ, принадлежитъ къ чрезвычайно рѣдкимъ явленіямъ, но пролетаетъ по странѣ, быть можетъ, чаще, чѣмъ мы полагаемъ.

Чаще другихъ крупныхъ орловъ встрѣчается въ Германиѣ крикунъ (*Aquila pomarina*). Онъ значительно меньше беркута и могильника: длина его 65—70 см.

Насколько до сихъ поръ известно, крикунъ выводить птенцовъ, кроме сѣверной Германиѣ, еще только въ Польшѣ, въ западной Россіи, Венгрии, Галиціи, въ европейской Турціи и въ Греціи, залетаетъ иногда въ Голландію и Великобританію или же въ Швецію, но въ Испаніи уже не встрѣчается вовсе, а въ восточной Европѣ замѣняется двумя родственными видами, восточнымъ и степнымъ орломъ.

По характеру крикунъ стоитъ ниже своихъ родственниковъ. Это самый трусливый и безвредный изъ всѣхъ орловъ. Онъ кротокъ и гораздо болѣе напоминаетъ характеромъ сарыча, чѣмъ орла; это уже выражается въ его внѣшнемъ видѣ, въ его взглядѣ. Когда онъ сидѣтъ, онъ не имѣеть въ себѣ ничего благороднаго, но имѣеть видъ настоящаго орла во время полета.

Питается онъ мелкими позвоночными животными. Въ Германиѣ любимую его пищу составляютъ лягушки и, быть можетъ, еще другія земноводныя, пресмыкающіяся и мелкие грызуны. Лягушки, вѣроятно, всегда и вездѣ служатъ ему главнымъ кормомъ, и этимъ объясняется то, что въ однихъ мѣстностяхъ онъ водится въ большемъ количествѣ, въ другихъ — въ меньшемъ, а въ третьихъ совершенно не встрѣчается. На болѣе высоко-развитыхъ животныхъ онъ нападаетъ развѣ только въ концѣ периода вывода. Когда его птенцы подрастаютъ и требуютъ много корму, то крикунъ грабить, чтѣ только можетъ, и тогда ему попадаются въ лапы не только молодые дроzdы и скворцы, но и молодые зайцы. Гнѣздо свое онъ устраиваетъ на старыхъ, крѣпкихъ деревьяхъ и предпочитаетъ, повидимому, для этой цѣли букъ и дубъ всѣмъ другимъ деревьямъ. Самъ онъ вѣтъ себѣ гнѣздо только въ случаѣ крайней необходимости, обыкновенно же завладѣваетъ удобнымъ для него гнѣздомъ сарыча или ястреба.

Крикуны, выращенные человѣкомъ, становятся столь же ручными, какъ и другія хищныя птицы; даже крикуны, пойманные уже старыми, скоро привыкаютъ къ неволѣ.

Карликовый орелъ (*Aquila pennata*) можетъ быть названъ самой привлекательной птицей всего рода. Длина самца 47 см., ширина 113 см. Самка на 4 см. длинѣ и на 8 см. шире самца. У болѣе свѣтлыхъ экземпляровъ лобъ и уздечка желтовато-блѣлые, а темя, щеки и ушная область темно-бурыя; всѣ перья съ темными пятнами, затылокъ красновато-бурый, верхній покровъ и крылья черно-бурые съ мѣдно-пурпурово-бурымъ блескомъ и съ двумя болѣе свѣтлыми неявственными полосами на крыльяхъ; большія маховые перья черно-бурыя, малыя маховые перья темно-бурыя съ двумя расплывающимися поперечными полосами на внутреннемъ опахалѣ, нижнія части на свѣтло-желтоватомъ фонѣ покрыты бурыми пятнами на стержняхъ. Плечо украшено блѣлымъ пятномъ. Глазъ свѣтлаго металлическаго цвѣта, клювъ при основаніи свѣтло-синій, на концѣ черный, ноги лимонно-желтые, восковица соломенно-желтая. У болѣе же темныхъ экземпляровъ голова и затылокъ матового красновато-бураго цвѣта съ черноватыми продольными пятнами, верхній покровъ темнобурый, болѣе длинныя плечевые перья черно-бурыя, прочія перья верхняго покрова землисто-бурыя, хвостовыя перья матово-бурыя съ 3—4 явственными черноватыми полосами и болѣе свѣтлымъ кончикомъ, нижнія же части одинакового очень темнаго бураго цвѣта съ едва замѣтными черноватыми штрихами на стержняхъ. Кольцо вокругъ глаза темнѣе, перья на ногахъ и нижнія кроющія перья хвоста болѣе свѣтлаго бураго цвѣта, чѣмъ прочее

оперение нижней стороны. На плечахъ также есть бѣлыя пятна. Глаза каріе, клювъ при основаніи синеватый, на концѣ черный, восковица и пальцы лимонно-желтые.

Карликовый орель распространенъ по значительной части юго-западной и юго-восточной Европы и Азіи. Область, въ которой онъ водится, начинаясь съ Германіи, простирается на востокъ, занимаетъ нижнюю Австрію и южную Польшу, и отсюда распространяется съ одной стороны по Галиціи, Трансильваніи, Венгрии, при-дунайскимъ низменностямъ, европейской Турціи и Греціи, а съ другой — по всей южной Россіи. Точно также птица эта встрѣчается и на западѣ, въеть гнѣздо во многихъ мѣстностяхъ Франціи и въ значительномъ количествѣ населяетъ весь Пиренейскій полуостровъ. Въ лѣсныхъ пространствахъ южного Урала карликовый орель встрѣчается нерѣдко, въ Индіи и на о. Цейлонѣ онъ еще выводить птенцовъ. Это настоящій благородный орель по своему характеру и по своимъ нравамъ, и отъ своихъ болѣе крупныхъ родственниковъ отличается только болѣею ловкостью и менышею осторожностью. Полетъ у него быстрый, сильный и легкій; карликовый орель подолгу паритъ, а на добычу устремляется съ быстротой стрѣлы. Для собственного удовольствія карликовый орель долго очень красиво кружится на одномъ мѣстѣ, любить также подниматься на значительныя высоты; зато во время своей охоты онъ парить довольно низко надъ землею и иногда трепещеть на одномъ мѣстѣ подобно пустельгѣ. Садится онъ рѣже на верхушки деревьевъ, чѣмъ на низкія вѣтки. Здѣсь онъ сидить прямо, часто подолгу не двигая ни однимъ членомъ, внимательно слѣдить за всѣмъ происходящимъ вокругъ него и подкарауливаетъ добычу. Самецъ и самка всегда держатся вмѣстѣ, даже во время перелета.

Голосъ этихъ орловъ бываетъ различный; его передаютъ звуками: „кох кох кей кей“ или „вид вид“.

Карликовый орель разбойникъ въ полномъ смыслѣ слова; любимую пищу его составляютъ преслѣдуемыя имъ мелкія птички. На ряду со своей любимой дичью, онъ охотится также на мелкихъ млекопитающихъ, особенно на мышей и не брезгаетъ пресмыкающимися; въ Испаніи существенную часть его обѣдовъ составляетъ жемчужная ящерица (*Lacerta ocellata*). Всего охотниче устраиваетъ онъ свои гнѣзда въ лиственныхъ лѣсахъ, но не пренебрегаетъ и хвойными. Въ императорскомъ паркѣ (*Tiergarten*) близъ Шенбрунна ежегодно гнѣздаются одна или двѣ пары этихъ орловъ. Подобно крикуну, карликовый орель пользуется всѣми подходящими гнѣздами, которая находить въ своемъ участкѣ: гнѣздомъ орлана-бѣлохвоста, сарыча, чернаго коршуна и чернаго ворона, иногда же гнѣздомъ цапли и довольствуется незначительными исправленіями этого гнѣзда. Внѣшній слой гнѣзда составляютъ вѣточки и сучки, а внутренній — липовое лыко, трава, вѣтви омелы, листья и шерсть.

Въ началѣ мая 2 яйца, которые составляютъ всю кладку, бываютъ уже снесены. Яйца эти по желтоватому или бѣловато-зеленоватому фону бываютъ покрыты мелкими ржаво-желтыми или ржаво-красными точками и пятнами, расположеными безъ всякой правильности. По отношенію къ своимъ родственникамъ карликовый орель всегда отличается смѣлостью; въ пору же вывода онъ съ изумительной храбростью и съ видимой яростью нападаетъ на всѣхъ болѣе крупныхъ хищныхъ птицъ, которая пролетаютъ близъ его гнѣзда. Птенцы вылупляются обыкновенно во второй половинѣ іюня и бываютъ одѣты въ длинный свѣтлый пухъ, мягкий, какъ шелкъ, на головѣ окрашенный въ желтоватый цвѣтъ, но скоро облекаются уже въ перья.

Къ филину-пугачу карликовый орель питаетъ смертельную ненависть. „Я хотѣлъ настѣрѣть крикуновъ“, пишетъ графъ Лазарь, „и потому помѣстилъ моего филина-пугача на скошенномъ лугу, а самъ, въ ожиданіи добычи, удалился за кону сѣна. Вдругъ я увидѣлъ, какъ приближается небольшая бурая хищная птица и притомъ такъ поспѣшно, что я едва успѣлъ схватить ружье. Карликовый орель, котораго я скоро узналъ въ этой хищной птицѣ, изо всѣхъ силъ кинулся на пугача. Раздался выстрѣль, но птица улетѣла нетронутая. Однако она не исчезла, а только поднялась на высоту около 150 метровъ и въ теченіе добраго получаса кружилась надъ пугачомъ. Наконецъ, карликовый орель опять

опустился и приблизился ко мнѣ на разстояніе выстрѣла; но меня охватила охотничья горячка; я выстрѣлилъ вторично и — промахнулся. Когда орель удалился, я потерялъ надежду застрѣлить его; но черезъ десять минутъ онъ вернулся еще разъ, опять началъ кружиться, и въ третій разъ кинулся на пугача. На этотъ разъ я положилъ его мертвымъ."

Карликовые орлы, вынутые изъ гнѣзда молодыми, при надлежащемъ уходѣ становятся такими же ручными, какъ другіе орлы. Въ Испаніи карликовыхъ орловъ дрессируютъ страннымъ образомъ. Одному изобрѣтательному лицу пришло на мысль употреблять эту птицу въ качествѣ прорицателя счастья. Для этого человѣкъ становится на оживленномъ мѣстѣ съ ящикомъ, въ которомъ сидятъ хищные птицы, и предлагаетъ прохожимъ, что птица вытянетъ имъ на счастье нумеръ для игры въ лото. Соколиные птицы, а между ними и карликовый орель, привучены вытягивать клювомъ одинъ билетъ изъ кучи и такимъ образомъ производить выборъ.

Австралійская хищная птица, соответствующая нашему беркуту, отличается отъ послѣдняго своимъ вытянутымъ, но тѣмъ не менѣе сильнымъ клювомъ, длиннымъ, весьма ступеньчатымъ хвостомъ и длинными перьями на задней части шеи.

Клинохвостый орель (*Aquila audax*) имѣеть въ длину 98—100 см., въ ширину около 2,3 метра. Голова, область горла, верхняя и нижняя сторона тѣла черновато-бураго цвѣта; почти всѣ перья и особенно перья крыльевъ, а также верхний покровъ хвоста, по краямъ и на концѣ блѣдно-бураго цвѣта, спина и бока шеи ржаваго цвѣта. Радужная оболочка орѣхово-бурая, восковица и голая полоса вокругъ глаза желтовато-блѣдая, клювъ при основаніи желтоватаго рогового цвѣта, кончикъ клюва желтый, ноги свѣтло-желтые.

Клинохвостый орель обитаетъ по всей Австраліи и вездѣ встрѣчается часто. Его можно найти какъ на равнинахъ, такъ и въ лѣсу, какъ парами, такъ и обществами. Всего чаще можно его встрѣтить въ тѣхъ мѣстностяхъ, где водятся кенгуру; здѣсь „старый охотникъ“ (*der alte Buschmann*) убить въ теченіе одной зимы цѣлую дюжину. „Все, что разные писатели говорятъ о храбрости, силѣ и хищности беркута“, говорить Гудъ, „можетъ быть отнесено къ клинохвостому орлу. Онъ похищаетъ всѣ мелкіе виды кенгуру, которые встречаются на равнинахъ и среди открытыхъ холмовъ, одолѣваетъ благородную дрохву и является злѣйшимъ врагомъ овечьихъ стадъ, въ которыхъ производить большія опустошенія.“ Большихъ кенгуру онъ одолѣть не можетъ, но достаточно силенъ для того, чтобы унести ихъ дѣтенышей; онъ умѣеть даже завладѣвать тѣми изъ нихъ, которые находятся еще въ сумкѣ матери. На падаль клинохвостый орель бросается съ такою же жадностью, какъ грифы, которыхъ нѣть въ Австраліи.

Гнѣзда устраиваются на самыхъ неприступныхъ деревьяхъ, не всегда высоко надъ землею, но всегда такъ, что до него почти нѣть возможности добраться. Во многихъ лѣсахъ можно видѣть не мало необитаемыхъ гнѣздъ, сохранившихся еще съ той поры, когда нога бѣлаго человѣка еще не вступала въ эти лѣса.

Клинохвостаго орла всего легче убить въ то время, когда онъ ють падаль, и еще легче поймать всевозможными ловушками; туземцы часто также вынимаютъ его изъ гнѣзда молодымъ, выращиваютъ въ приморскихъ городахъ и затѣмъ отсылаютъ въ Европу. Въ европейскихъ зоологическихъ садахъ клинохвостый орель не представляетъ собою необыкновенного явленія.

Стройное сложеніе, сравнительно короткія крылья, концы которыхъ не доходятъ до конца очень длинного хвоста, длинныя, до самыхъ пальцевъ оперенные ноги, высокія голени и большія, сильныя лапы съ длинными, плоско загнутыми когтями, наконецъ вытянутый, но все-таки крѣпкій клювъ — вотъ признаки ястребиаго орла (*Aquila fasciata*). Длина его 70 см., ширина 145 см., длина крыльевъ 45 см., длина хвоста 26 см. Самка больше самца. У взрослаго самца лобъ и полоска надъ глазомъ блѣдые, темя и затылокъ по бурому фону покрыты болѣе темными полосами, нижняя часть шеи и верхняя часть спины блѣдая съ

черно-бурыми пятнами по краямъ перьевъ, перья верхняго покрова одноцвѣтныя, темно-бурыя, перья нижней части спины черно-бурыя; верхнія кроющія перья хвоста съ бѣловатыми и бурыми разводами подъ мраморъ, горло, грудь и середина брюшка по бѣлому фону покрыты черными стержневыми пятнами; перья ногъ украшены широкими, темными, зубчатыми пятнами въ видѣ полосокъ, внутренняя часть ляжекъ и опереніе плюсны съ ржаво-красноватыми и сѣрыми волнообразными полосами и съ черными продольными пятнами; маховая перья черно-бурыя съ легкимъ пурпуровымъ отливомъ, большія маховые перья съ темно-бурыми полосами и разводами. Глаза металлическаго желтаго цвѣта, клювъ синяго рогового цвѣта, восковица грязновато-желтая, ноги сѣровато-желтые.

Ястребиный орель, котораго удавалось застѣлить уже въ Германіи, живеть въ южной Франціи, въ Испаніи, Португаліи, южной Италіи, Греціи и Турціи, въ сѣверо-западной Африкѣ и во всей Индіи, отъ Гималаевъ до крайняго юга. Въ Греціи и въ южной Италіи онъ встрѣчается нерѣдко, въ Испаніи и въ Алжирѣ это наиболѣе обыкновенный изъ орловъ. Селится онъ въ безлѣсныхъ горахъ съ крутыми скалистыми стѣнами; въ Индіи онъ гнѣздится преимущественно въ холмистыхъ мѣстностяхъ, поросшихъ джунглями.

Ястребиный орель чрезвычайно ловкій, храбрый, смѣлый, даже дерзкій хищникъ, по характеру замѣчательно похожій на ястреба, но во многихъ отношеніяхъ превосходящій его по физическимъ дарованіямъ. Полетъ его болѣе похожъ на полетъ кречета, чѣмъ на полетъ орла. Онъ соединяетъ въ себѣ быстроту сокола съ ловкостью ястреба-перепелятника и храбрость орла съ кровожадностью тетеревятника.

Охотится онъ на столькихъ же животныхъ, какъ и беркуть. Въ Испаніи это самый опасный врагъ домашнихъ куръ, которыхъ уносить на глазахъ человѣка и преслѣдуется съ такимъ упорствомъ, что буквально истребляетъ всѣхъ куръ во многихъ уединенныхъ крестьянскихъ дворахъ. Не менѣе усердно охотится онъ на голубей. Млекопитающимъ, величиною съ зайца, онъ постоянно угрожаетъ.

Гнѣздо всегда помѣщается въ углубленіяхъ крутыхъ стѣнъ утесовъ, по возможности въ безопаснѣхъ мѣстахъ.

*

Въ сѣверныхъ странахъ земного шара, преимущественно же въ тундрѣ, живеть одна сарычевая птица, отличающаяся, подобно орламъ, своими оперенными ногами, а именно канюкъ (*Archibuteo lagopus*). Опереніе у него неплотно прилегаетъ и въ области горла превращается въ щетину; перья крупныя и длинныя, перья, покрывающія голову и затылокъ, средней длины и закругленныя. Окраска, чрезвычайно разнообразная, представляеть собою сѣмь бѣлаго, желтовато-бѣлаго, красновато-сѣраго, буровато-чернаго и бураго цвѣта. Длина 65 см.

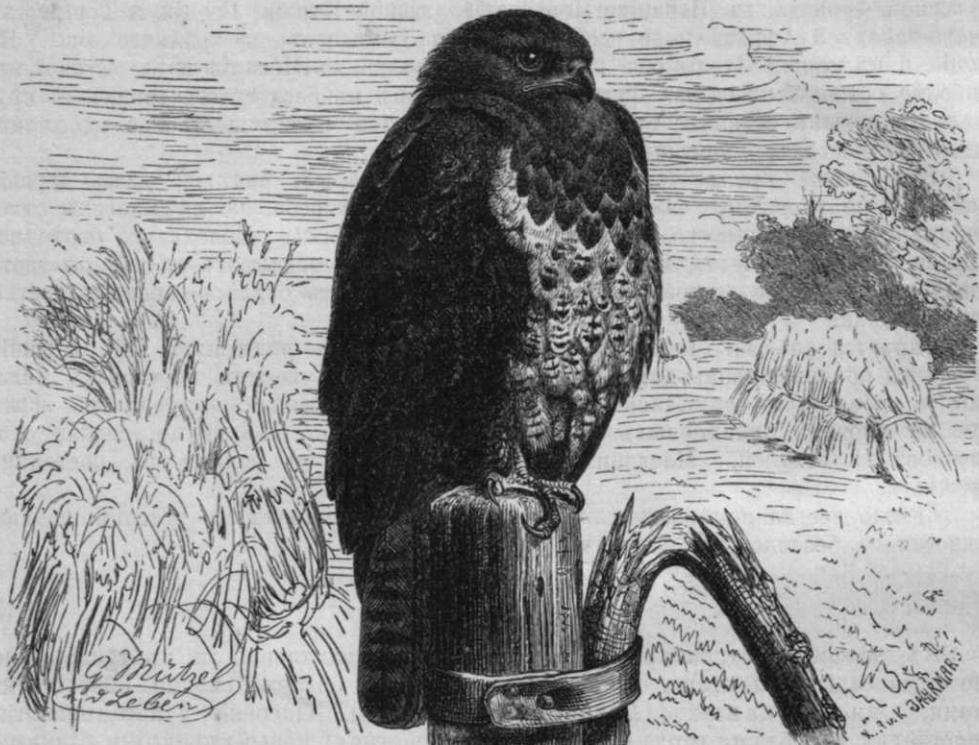
Въ Европѣ канюкъ водится, главнымъ образомъ, въ Скандинавіи и въ сѣверной Россіи, гдѣ его можно встрѣтить лѣтомъ.

Къ тундрѣ канюка привязываетъ леммингъ или другіе виды, принадлежащіе къ одному роду съ леммингомъ. Вслѣдствіе изобилія этихъ животныхъ канюкъ въ самый важный періодъ своей жизни никогда не терпитъ недостатка въ пищѣ.

Представителемъ рода сарычей (*Buteo*) является сарычъ обыкновенный (*Buteo vulgaris*, рис. на стр. 700), достигающій въ длину 50—56 см. и въ ширину 120—125 см.; длина хвоста 26 см. Относительно оперенія трудно сказать что-нибудь определенное, такъ какъ сарычи бывають окрашены въ высшей степени разнообразно, такъ что рѣдко удается видѣть двухъ совершенно одинаково окрашенныхъ птицъ этого вида. Иные сарычи равномѣрнаго чернобураго цвѣта съ полосой на хвостѣ, у другихъ верхнія сторона тѣла, грудь и верхнія часть ляжекъ бурыя, остальное же тѣло по свѣтлому буровато-сѣруму фону покрыто поперечными пятнами и т. д. Глаза въ молодости сѣровато-каріе, впослѣдствіи

красновато-каріе, въ старости сѣрые; восковица воскового желтаго цвѣта, ноги свѣтло-желтые, клювъ при основаніи синеватый, на концѣ черноватый.

Область распространенія сарыча простирается далеко за предѣлы Европы. Въ южной Скандинавіи, въ сѣверной и средней Россіи, въ Даніи, Германіи, Австро-Венгрии это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ хищныхъ птицъ. Въ южной Германіи сарычъ остается большею частью на зиму, изъ сѣверной Германіи большинство сарычей, выведенныхъ тамъ потомство, предпринимаетъ странствованія. Болѣе холодныя мѣстности сарычъ покидаетъ въ сентябрѣ и въ октябрѣ, а въ мартѣ или въ апрѣль возвращается. Во время перелета сарычи составляютъ общество въ 20—100 и болѣе штуокъ, которыхъ всѣ летятъ въ одномъ направлении.

Сарычъ обыкновенный (*Buteo vulgaris*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

ніи, но не образуютъ одной стаи, а распредѣляются по площадямъ въ нѣсколько квадратныхъ километровъ. Парочка сарычей всего охотнѣе селится въ разныхъ лѣсахъ, особенно въ рощахъ, чередующихся съ полями и лугами, но встрѣчается также въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ и поднимается высоко на горы.

Опытный наблюдатель узнаетъ сарыча съ первого взгляда—все равно, сидѣть ли послѣдній или летить. Обыкновенно сарычъ сидѣть съежившись, съ неплотно прилегающими перьями, любить сидѣть на одной ногѣ, согнувъ другую ногу и спрятавъ ее между перьями. Камень, земляной холмъ или дерево, избранные имъ для отдыха, служать ему вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдательнымъ постомъ, откуда онъ осматриваетъ свой участокъ. Полетъ сарыча медленный, но легкій, почти безшумный, и птица подолгу парить въ воздухѣ. Во время своей охоты сарычъ часто, трепеща, довольно долго держится на одномъ мѣстѣ, самымъ подробнымъ образомъ изслѣдуя его или приглядываясь къ замѣченному имъ животному. Голосъ его похожъ на мяуканье кошки, отсюда его немецкое название (*Bussard*, а „*Buse*“ значить кошка).

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая сарычъ или снова водворяется въ свое мѣсто гнѣздѣ, или вѣтъ себѣ новое. Въ послѣднемъ случаѣ онъ выбираетъ подходящее дерево въ лиственномъ или хвойномъ лѣсу и здѣсь устраиваетъ себѣ то выше, то ниже надъ землею почти всегда большое гнѣздо, которое обыкновенно помѣщается какъ можно ближе къ стволу или же между развѣтвляющимися или раздваивающимися сучьями и съ годами увеличивается въ объемѣ; иногда же сарычъ предпочитаетъ воспользоваться подходящимъ для него гнѣздомъ ворона или воробы. Въ гнѣздо кладется 3—4 яйца, покрытыхъ свѣтло-бурыми пятнами по зеленовато-блѣющему фону. Самка, кажется, одна сидить на яйцахъ; но птенцовъ оба родителя кормятъ сообща.

Человѣкъ относится къ сарычамъ приблизительно такъ же, какъ къ лисицѣ. Каждое сдѣланное ими похищеніе вызываетъ недовольство, а ихъ полезная дѣятельность никогда не оцѣнивается достойнымъ образомъ. Всѣ нѣмецкіе охотники считаютъ сарыча самою вредною хищной птицей въ Германіи и преслѣдуютъ его съ истиннымъ ожесточеніемъ. Правда, сарычъ, ловя мышей, крысъ и хомяковъ, змѣй, лягушекъ, насѣкомыхъ и дождевыхъ червей, иногда хватаетъ и молодыхъ зайчатъ или нападаетъ на старыхъ, больныхъ, особенно на раненыхъ зайцевъ и кормится имъ мясомъ; вѣрно также, что онъ иногда убиваетъ куропатокъ, возможно даже, что онъ достаточно ловокъ для того, чтобы лѣтомъ и осенью убивать здоровыхъ куропатковыхъ птицъ или фазановъ; далѣе доказано, что онъ приноситъ своимъ птенцамъ, кроме вышеуказанной дичи, кротовъ, зябликовъ, жаворонковъ, дроздовъ и другихъ молодыхъ птицъ, которыми ему удается овладѣть; наконецъ, нельзя отрицать и того, что онъ, подобно лунямъ, лакомится утиними яйцами, быть можетъ и яйцами другой пѣниной для охотника дичи. Но главную пищу сарыча все-таки составляютъ всевозможные виды мышей, крысы, хомяки, суслики, лягушки, кузничеки и другія насѣкомыя, т. е. животныя, которыхъ наносятъ намъ чувствительный вредъ или же, какъ лягушки, такъ многочисленны, что уничтоженіе нѣкотораго количества ихъ не имѣть никакого значенія. Блазіусъ нашелъ въ желудкѣ одного сарыча 30 мышей, Мартинъ же вскрылъ нѣсколько сотенъ сарычей, доставленныхъ ему для изготавленія чучель, и въ зобахъ всѣхъ этихъ птицъ нашелъ только одиѣхъ мышей.

Чтобы пріобрѣсти еще нѣсколькихъ друзей сарычамъ, обращаемъ особенное вниманіе на то, что эта птица, подвергающаяся часто несправедливымъ нападкамъ и порицаніямъ, самыи дѣятельнымъ образомъ истребляетъ гадюкъ. Ленцъ произвѣдилъ разнообразные опыты, чтобы убѣдиться въ этомъ, и очень расхваливаетъ сарыча въ этомъ отношеніи. Чтобы оцѣнить, насколько опасна борьба сарыча съ гадюками, надо знать, что онъ весьма чувствителенъ къ яду этой змѣи и умираетъ отъ укушенній, если гадюкѣ удастся укусить птицу въ такое мѣсто, где много кровеносныхъ сосудовъ. Конечно, быть можетъ, рѣдко случается, что сарычъ выходитъ изъ этой борьбы побѣженнымъ; но иная птицы несомнѣнно погибаютъ въ борьбѣ съ гадюками. Голландъ слышалъ весьма грустную исторію отъ своего帮忙еля-льсничаго, вполнѣ достойнаго довѣрія. Лѣсничій этотъ влѣзъ на дерево, чтобы заглянуть въ гнѣздо сарыча, такъ какъ сарычъ, котораго лѣсничій видѣлъ снизу, не вылеталъ изъ гнѣзда. Добравшись до гнѣзда, лѣсничій увидѣлъ, что сарычъ мертвъ. Онъ приподнялъ птицу и къ великому ужасу своему увидѣлъ подъ сарычомъ живую гадюку. Сарычъ, вѣроятно, принесъ змѣю въ гнѣзда, тамъ была укушена ею и умеръ отъ этого укушеннія.

Тѣло крачуновъ (*Circaetus*) продолговатое, но сильное, шея короткая, голова довольно большая, клювъ крѣпкій, загнутый отъ самаго основанія, съ длиннымъ крючкомъ и прямыми краями; ноги высокія, покрытыя настоящимъ панциремъ изъ чешуекъ, пальцы очень короткіе, крылья широкія и длинныя, хвостъ прямо обрѣзанный.

Въ Европѣ живетъ только одинъ видъ этого рода, крачунъ голубоногій (*Circaetus gallicus*, рис. на стр. 702). Длина его 70 см., ширина 180,

длина крыльевъ 56, длина хвоста 30. Остроконечные перья головы и задней части шеи матово-бурыя съ болѣе свѣтлыми каемками, перья на спинѣ, на плечахъ и мелкія кроющія перья крыльевъ темно-бурыя съ болѣе свѣтлыми каемками; маховые перья чернобурыя съ тонкими свѣтло-бурыми каемками, бѣлыми краями и черными поперечными полосами; хвостовые перья темно-бурыя съ широкими бѣлыми концами и тремя широкими черными полосами; лобъ, горло и щеки бѣловатые съ узкими бурыми штрихами, зобъ и верхняя часть груди яркаго свѣтло-коричневаго цвѣта;

Крачукъ голубоногій (*Circusetus gallicus*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

прочія нижнія части тѣла бѣлые, скудно покрытыя свѣтло-бурыми поперечными пятнами. Большиє глаза окружены колыцемъ изъ шерстистаго пуха, уздечка покрыта щетинками, направленными впередь. Глаза желтые, клювъ синевато-черный, восковица и ноги свѣтло-синія.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія крачунъ голубоногій считался очень мало известной птицей, и жизнь его была описана значительно позднѣе. Быть можетъ, эту хищную птицу, которая рѣзко бросается въ глаза, которую легко отличить отъ другихъ, смышивали сначала со свѣтлыми сарычами, пока не обратили на нее особенного вниманія. Съ этихъ поръ крачуна голубоногаго стали наблюдать по всей Германіи. Чаще встречается онъ на югѣ Австрійской имперіи, въ южной Россіи, на Балканскомъ полуостровѣ, а также въ Италіи, Франціи и Испаніи.

Въ Германіи это лѣтняя птица, прилетающая въ началѣ мая и покидающая

эту страну въ сентябрѣ; зиму она проводить въ средней Африкѣ и въ южной Азіи вмѣстѣ съ другими поселившимися тамъ птицами своего вида. Селится крачунъ голубоногій въ обширныхъ, уединенныхъ лѣсныхъ пространствахъ и здѣсь, насколько известно, ведетъ чрезвычайно тихую жизнь или же живеть такъ, что его почти незамѣтно.

Образъ жизни, характеръ, нравы и привычки крачуна голубоногаго гораздо больше напоминаютъ сарыча обыкновеннаго, нежели какого-нибудь другого орла. Крачунъ спокойная, лѣнивая, угрюмая и сварливая птица, которой, повидимому, нѣть дѣла ни до чего, кроме дичи, которую она преслѣдуєтъ, и другихъ птицъ своего вида, болѣе счастливыхъ въ охотѣ. Около гнѣзда крачунъ, судя по всѣмъ сообщеніямъ, бываетъ робокъ, остороженъ и иногда склоненъ кричать; въ Африкѣ онъ не издастъ почти ни единаго звука и изъ всѣхъ тамошнихъ хищныхъ птицъ это одна изъ самыхъ неосторожныхъ. Усѣвшиесь на деревѣ, онъ своими большими глазами глядѣть на приближающагося охотника, и ему даже въ голову не приходить улетѣть. Но на деревьяхъ его можно видѣть лишь подъ вечеръ и въ самые ранніе утренніе часы; въ теченіе же всего дня онъ спокойно и не торопясь охотится. Кружась, парить онъ надъ пространствами, на которыхъ надѣется встрѣтить добычу, или неподвижно сидѣть на берегу водь, подстерегая свою жертву. Во время полета онъ часто трепещетъ въ воздухѣ подобно своему родственнику сарычу; при нападеніи онъ медленно опускается внизъ, при помощи нѣсколькихъ взмаховъ крыльями скользитъ нѣкоторое время надъ землею и, наконецъ, широко раскрывъ крылья, устремляется внизъ, чтобы схватить намѣченное уже животное. Охотясь пѣшкомъ, крачунъ голубоногій часто ходить вбродъ въ мелкой водѣ и затѣмъ вдругъ одной лапой схватываетъ добычу. Замѣчательно, что онъ косится на всѣхъ другихъ птицъ одного съ нимъ вида и нападаетъ на нихъ съ цѣлью отнять у нихъ добычу, если они были счастливѣе его на охотѣ.

Охотится крачунъ голубоногій главнымъ образомъ на змѣй. Но онъ не довольствуется ими, а подбираетъ также ящерицъ и лягушекъ, преслѣдуєтъ рыбъ, гоняется даже за крысами, слабыми птицами, раками, большими насѣкомыми и многоножками. Нападаетъ онъ такъ умѣло, что даже самая опасная змѣя почти не можетъ причинить ему вреда, и ловкость, съ какою онъ охотится, повидимому, у него прирожденная. „Мой голубоногій крачунъ, выращенный мною“, пишетъ Мехленбургъ Ленцу, „съ быстротою молнии кидается на всякую змѣю, какъ бы велика и зла она ни была, схватываетъ ее одной лапой сзади около самой головы, а другой лапой нѣсколько далѣе за спину, причемъ громко кричитъ и хлопаѣтъ крыльями; клювомъ онъ прокусываетъ ей жилы и связки за самой головой, и тогда змѣя отдается въ его власть безъ всякаго сопротивленія. Черезъ нѣсколько минутъ крачунъ начинаетъ есть ее, проглатывая еще сильно извивающуюся змѣю, начиная съ головы, и при каждомъ глоткѣ раздробляя ей позвоночникъ. До полудня въ теченіе немногихъ часовъ онъ съѣдѣлъ трехъ большихъ змѣй, изъ которыхъ одна была очень толстая и длиною болѣе метра. Крачунъ голубоногій никогда не разрываетъ змѣи, чтобы есть ее по частямъ, а чешую вышлевываетъ послѣ въ видѣ комьевъ. Змѣй онъ есть охотнѣе, чѣмъ что-либо другое. Я одновременно приносилъ ему живыхъ змѣй, крысъ, птицъ и лягушекъ; но онъ, хотя бы другія животныя были къ нему ближе, всегда кidalся на змѣй.“ Впрочемъ, ловкость и густое опереніе служатъ крачуна единственной защитой отъ яда змѣй, противъ котораго птица вовсе не закалена, какъ это полагали прежде. По желанію Ленца, Мехленбургъ даль гадюкѣ укусить въ голову его крачуна: птица съ этой минуты утратила свою рѣзвость и умерла на третій день.

Гнѣзда располагаются всегда на высокихъ лиственныхъ или хвойныхъ деревьяхъ, въ исключительныхъ случаяхъ и на скалахъ; птицы вьютъ новое гнѣзда или возвращаются въ старое въ началѣ мая; ибо парочка, даже въ томъ случаѣ, если у нея отнимаютъ яйца, въ теченіе многихъ лѣтъ аккуратно водворяется въ томъ же участкѣ. Въ гнѣздахъ всегда находили одно яйцо и притомъ въ первыхъ числахъ мая, вскорѣ послѣ прибытія птицъ на мѣсто вывода. Яйцо продолговато-круглое, сравнительно очень большое, съ тонкой и шероховатой скорлупой и синевато-блѣлаго цвѣта.

Голубоногие крачуны, вынутые изъ гнѣзда молодыми, дѣлаются ручными и довѣрчивыми; но для достижениѧ этого съ ними много приходится возиться. При кормлении они жадно, большимъ прыжкомъ кидаются на брошенные имъ куски мяса, садятся на кормъ, раскрывъ крылья, громко кричатъ, издавая пріятный звукъ „бли бли“, почти какъ сарычъ, и недовѣрчиво оглядываются, словно думая, что всякая другая птица хочетъ отнять у нихъ пищу.

*

Во всей Африкѣ, начиная съ 16 градуса сѣверной широты вплоть до Капской Земли живеть одна изъ самыхъ замѣчательныхъ соколиныхъ птицъ, по формѣ и характеру во многихъ отношеніяхъ похожая на орла и носящая многознаменательное прозвище фигляра. Онъ отличается сильнымъ, плотно сложеннымъ тѣломъ, короткой шеей и большой головой съ голыми уздечками; клювъ у фигляра съ большимъ крючкомъ, плюсна короткая, но крѣпкая и покрытая толстыми щитками, крылья очень длинныя, хвостъ весьма короткий и опереніе удивительно обильное, состоящее изъ большихъ, широкихъ перьевъ.

Окраска фигляра (*Helotarsus ecaudatus*) такъ же замѣчательна, какъ и его строеніе. Красивый матово-черный цвѣтъ головы, шеи, задней части спины и всей нижней стороны рѣзко отличается отъ свѣтло-каштанового верхняго покрова, отъ такого же цвѣта хвоста, отъ нѣсколько болѣе свѣтлой нижней части спины и отъ широкой полосы на крыльяхъ, образуемой четырьмя послѣдними сѣровато-бурыми большими маховыми перьями съ широкой черной каймой на концѣ и всѣми малыми маховыми перьями.

Глаза красиваго каряго цвѣта съ золотистымъ блескомъ, верхнее вѣко карминово-красное; клювъ красновато-желтый при основаніи и рогового синяго цвѣта на концѣ; висковица блѣднаго кораллово-краснаго цвѣта, уздечка бываетъ отъ блѣдно-розовой до кроваво-красной, въ послѣднемъ случаѣ на ней замѣчаются красновато-желтые пятна, нижнее вѣко блѣдоватое, ноги кораллово-красныя. Длина самки 58 см., ширина 183, длина крыльевъ 58, длина хвоста только 13 см.; самецъ меньше.

Фигляръ распространенъ по значительной части Африки; онъ не встрѣчается только на сѣверѣ этой части свѣта, зато водится по всей Африкѣ отъ Сенегала до берега южной части Чернаго моря и до южной оконечности Африки. Онъ любить горы, но жизнь его вовсе съ горами не связана; повидимому, въ степи онъ встрѣчается даже чаще, чѣмъ въ горныхъ странахъ.

Даже самый неопытный наблюдатель сумѣетъ отличить фигляра отъ другихъ птицъ. Внѣшній видъ его такъ бросается въ глаза, что вездѣ эта птица давала поводъ къ возникновенію басенъ. Туземные обитатели восточной Африки вполнѣ серьезно увѣряли Шпеке, что тѣнь этой птицы приносить зло; въ нѣкоторыхъ же частяхъ Африки на фигляра смотрять съ извѣстнаго рода благоговѣніемъ, такъ какъ считаютъ его птичимъ врачомъ, который издалека приносить цѣлебные корни. Абиссинцы называютъ фигляра „небесной обезьянкой“. Левальянъ недаромъ назвалъ его фигляромъ, ибо эта птица продѣливаетъ на воздухѣ штуки, достойныя фигляра: онъ плаваетъ, носится, играетъ, летаетъ словно только ради собственной потѣхи, а не для того, чтобы искать пищи. Упомянутый естествоиспытатель говорить, что иногда эта птица вдругъ падаетъ внизъ и такъ сильно хлопаетъ крыльями, что кажется, будто она сломала одно изъ нихъ и должна упасть на землю; иногда фигляръ выдѣлываетъ въ воздухѣ настоящіе прыжки. Описать полетъ фигляра невозможно; это нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Крылья часто поднимаются высоко надъ тѣломъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ птица не двигаетъ ими, а затѣмъ такъ усиленно машетъ крыльями, что при этомъ возникаетъ своеобразный, далеко разносящейся шорохъ. Только во время полета птицу можно видѣть во всей ея красѣ; въ сидячемъ положеніи она болѣе поражаетъ, чѣмъ привлекаетъ. Особенно странный видъ имѣетъ фигляръ, когда сидѣть на деревѣ. Иногда онъ такъ надувается, что имѣть видъ настоящаго комка перьевъ; онъ растопыриваетъ перья головы и шеи и при этомъ вертить и поворачиваетъ голову то вверхъ, то внизъ, совсѣмъ какъ филинъ-пугачъ. Назвать фигляра

храбрымъ въ настоящемъ значеніи этого слова нельзя, хотя онъ и участвуетъ въ самыхъ опасныхъ битвахъ; скорѣе онъ кажется довольно трусливымъ и добродушнымъ. На свободѣ онъ чрезвычайно робокъ, зато въ неволѣ скоро становится въ высшей степени ручнымъ, такъ что позволяетъ играть съ собою, какъ играютъ съ попугаемъ. Хищныя птицы не любить, чтобы ихъ гладили; фигляру же, повидимому, особенно приятно, когда ему почесываютъ перья на шеѣ или когда его гладятъ. Плѣнныя фигляры лишь весьма рѣдко издаютъ какіе-нибудь звуки,

Фигляръ (*Helotarsus escaudatus*). $\frac{1}{5}$ естеств. велич.

обыкновенно только тихое „ква ква“, рѣже болѣе громкое „как как“ или пронзительное „кау“; на лету же фигляръ нерѣдко издаетъ звукъ „гигиги“ или „гіагіа“, похожій на крикъ сарыча.

Добычу фигляра составляютъ самыя разнообразныя пресмыкающіяся, особенно же змѣи и ящерицы; часто можно видѣть, какъ онъ летить съ змѣю по воздуху. Змѣй онъ убиваетъ какъ большихъ, такъ и мелкихъ, какъ ядовитыхъ, такъ и неядовитыхъ. Какъ всѣ среднеафриканскія хищныя птицы, которая ёдятъ змѣй, фигляръ прилетаетъ издалека, когда зажигаютъ траву въ степи, и летаетъ, охотясь, взадъ и впередъ вдоль линіи огня; часто проносится онъ при этомъ надъ самымъ пламенемъ по густымъ облакамъ дыма съ цѣлью схватить пресмыкающееся, обращенное въ бѣгство огнемъ. Изслѣдованіе желудка фигляровъ показало, что эти птицы питаются также мелкими млекопитающими, птицами и даже кузничиками.

Въ послѣднее время живыхъ фигляровъ не разъ привозили въ Европу, и въ настоящее время ихъ почти всегда можно видѣть во всѣхъ большихъ зоологическихъ садахъ. Но все-таки они еще принадлежатъ къ птицамъ, на которыхъ существуетъ большой спросъ и за вполнѣ развитыхъ птицъ платятъ большія деньги. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ-ли какая-нибудь хищная птица такъ привлекаетъ вниманіе зрителей, какъ великолѣпно окрашенный и странный по своему образу дѣятель фигляръ. Держать его въ неволѣ врядъ-ли представляеть какія-либо трудности.

*

Очень распространенный и рѣзко обособленный родъ рассматриваемаго семейства составляютъ орланы (*Haliaeetus*). Относящіеся къ этому роду птицы — большія, въ большинствѣ случаевъ даже очень большія хищныя птицы. Основную окраску ихъ составляетъ болѣе или менѣе темный, блестящій тусклый сѣрий цвѣтъ; хвостъ обыкновенно бываетъ бѣлый, голова тоже часто бѣлая.

По всѣмъ морскимъ побережьямъ Европы нерѣдко встрѣчается орланъ-бѣлохвостъ (*Haliaeetus albicilla*), огромный орелъ, длиною въ 85—95 см.; ширина его доходитъ почти до 2,5 метровъ, длина крыльевъ до 65—70 см. и длина хвоста до 30—32 см. У вполнѣ развитой птицы голова, затылокъ, горло и верхняя часть шеи свѣтлого сѣровато-желтоватаго цвѣта, а верхняя часть спины и верхній покровъ землисто-бурые; всѣ перья имѣютъ по свѣтлой желтовато-сѣроватой каемкѣ и снабжены темно-бурыми штрихами на стержняхъ; нижняя часть спины и нижняя сторона одинакового тусклаго землисто-бураго цвѣта, тогда какъ хвостовые перья чисто-бѣлые. Передъ линяниемъ перья выцвѣтаютъ и всѣ становятся желтовато-чало-сѣрыми. Глазное кольцо, клювъ, восковица и ноги горохово-желтаго цвѣта.

Водится орланъ-бѣлохвостъ въ той же почти области, какъ и беркутъ. Эта мощная птица обитаетъ во всей Европѣ, въ Малой Азии, Палестинѣ и Египтѣ, направлению же на востокъ во всей сѣверной и средней Сибири.

Сѣверо-американскій бѣлоголовый орланъ (*Haliaeetus leucocephalus*) замѣняетъ европейскій видъ въ Америкѣ; онъ, какъ говорять, не разъ леталъ въ Европу и даже былъ убитъ въ Тюригіи. Онъ менѣе орлана-бѣлохвоста.

По своему образу жизни и характеру всѣ крупные орланы похожи другъ на друга. Это лѣнивыя, но сильныя, выносливые хищныя птицы и притомъ самыя отважные разбойники. Начнемъ съ приведенія поэтическаго описанія бѣлоголоваго орлана, сдѣланнаго Одюбономъ.

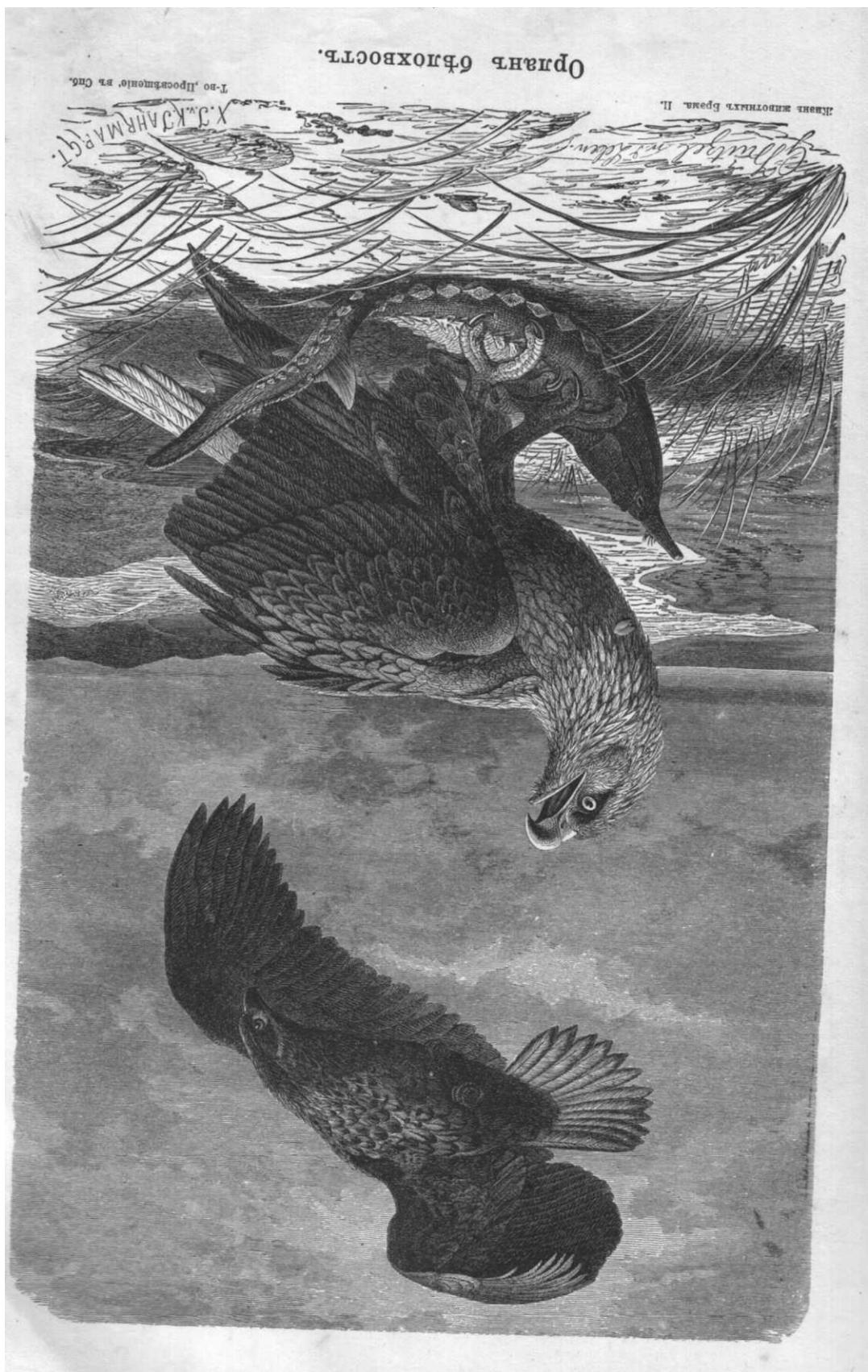
„Чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ этой птицы, представьте себѣ, что вы очутились на берегахъ Миссисипи въ то время, когда приближающія зима пригоняетъ туда съ сѣвера миллионы водныхъ птицъ, которая ищутъ на болѣе мягкаго климата. Тутъ вы увидите, какъ бѣлоголовый орланъ сидитъ на самой верхушкѣ самаго высокаго дерева на берегу широкой рѣки. Горячими глазами оглядываетъ онъ обширный участокъ и внимательно прислушивается ко всевозможному звуку, доносящемуся издалека до его остраго слуха. Отъ поры до времени взглядъ его падаетъ на землю, и отъ взоровъ птицы не ускользнетъ даже неслышимый крадущійся молодой олень. Самецъ усѣлся на противоположномъ берегу рѣки, когда все кругомъ тихо и спокойно, иногда крикомъ подаетъ какой-нибудь звукъ своей самкѣ. Въ отвѣтъ на такой призывъ послѣдняя раскрываетъ свои широкія крылья, склоняетъ свое тѣло внизъ и издаетъ звуки, напоминающіе хохотъ прошедшаго. Спустя мгновеніе, онъ принимаетъ прежнюю позу, и снова водоворотъ птиціи.

„Различные виды утокъ, шилохвосты, связки, кряквы, быстро проносящіе мимо, вдоль теченія рѣки; но орланъ не трогаетъ ихъ. Въ слѣдующее мгновеніе раздается дикий, трубный звукъ приближающагося издалека лебедя. Еще одна же надъ рѣкою раздается крикъ самки орлана, которая привлекаетъ внимание самца. Послѣдний вдругъ встряхивается и клювомъ приводитъ въ порядокъ свое опереніе. Но вотъ показывается бѣлонѣжная птица: длинная шея ея выпрямлена, она озирается кругомъ, выматривая, нѣтъ ли гдѣ враговъ. Длинныя крылья,

Ophahb. Ophoxbott.

T-oo, Ilpeetmoule, Et Cig.

Ilseent zinotthux Dgama. II.

видимому, съ трудомъ поддерживаютъ тяжесть тѣла и потому птица быстро ма-хаетъ ими; обѣ ноги, похожія на весла, помогаютъ управлять полетомъ. Избран-ная орланомъ добыча приближается. Въ то мгновеніе, когда лебедь пролетаетъ мимо опасной для него пары, орланъ-самецъ поднимается со страшнымъ крикомъ, который кажется лебедю еще ужаснѣе ружейнаго выстрѣла. Наступаетъ моментъ, въ который орланъ проявляетъ всю свою силу. Онъ скользитъ по воздуху, словно падающая звѣзда, и, какъ молния, устремляется на трепещущую добычу, которая въ смертельномъ страхѣ и отчаяніи употребляетъ всѣ усилия, чтобы спастись отъ смертоноснаго нападенія своего жестокаго противника. Лебедь поднимается, поворачивается налету и старается броситься въ рѣку, но орланъ знаетъ всѣ хитрости продѣлки лебедя и заставляетъ его все время держаться на воздухѣ. Лебедь теряетъ, наконецъ, надежду на возможность спасенія; страхъ одолѣваетъ несчастную птицу, и силы оставляютъ ее при видѣ смѣлости и быстроты дѣйствій врага. Еще одна отчаянная попытка бѣжать, а затѣмъ орланъ запускаетъ своей жертвой лапу подъ крыло и съ неотразимой силой тянетъ ее внизъ на ближай-берегъ.

„Теперь можно наблюдать, до какихъ предѣловъ доходитъ жестокость этого ужаснѣйшаго врага пернатыхъ. Выпрямившись надъ добычей, которая испу-скаетъ подъ нимъ духъ, онъ сжимаетъ свои могучія лапы и вонзаетъ свои острые когти глубоко въ сердце умирающей птицы. Въ то мгновеніе, когда добыча находится въ предсмертныхъ содроганіяхъ, орланъ кричитъ отъ удовольствія. Самка между тѣмъ слѣдила за каждымъ движениемъ своего супруга и не поспѣшила къ нему на помощь, чувствуя, что силы и смѣлости ея мужа вполнѣ доста-точно. Теперь же самка летить къ самцу, оба они переворачиваются несчастнаго лебедя грудью кверху и принимаются за обѣдъ.“

Всѣ орланы въполномъ смыслѣ слова морскіе орлы. Это по большей части береговыя птицы, и лишь въ видѣ исключенія они улетаютъ далеко отъ воды. Во внут-реннихъ частяхъ суши взрослые орланы встрѣчаются почти только около большихъ рѣкъ или большихъ озеръ; молодыхъ же орлановъ часто можно видѣть вдали отъ моря: въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ лѣтъ, которыхъ проходятъ между тѣмъ време-немъ когда молодыя птицы покидаютъ гнѣздо, и порой спариванья, орланы безъ всякой цѣли и правильности странствуютъ по бѣлу свѣту, и во время такихъ путе-шествій появляются глубоко внутри материковъ, слѣдя по теченію большихъ рѣкъ и значительныхъ потоковъ.

Внѣ периода высиживанія орланъ живетъ большою частью обществами, и скорѣе напоминаетъ своими нравами грифа, чѣмъ орла. Удобно расположенный лѣсь или утесъ служитъ мѣстомъ сборищъ или ночлега. Среди лѣта орланъ охотно ночуетъ на маленькихъ островкахъ, а именно на шкерахъ, а въ прибрежныхъ или расположенныхъ вдали отъ берега лѣсахъ спитъ также на высокихъ деревьяхъ. Орланъ засыпаетъ очень поздно и рано утромъ, большою частью уже до восхода солнца, улетаетъ обыскивать свой охотничій районъ.

Подобно беркуту, орланъ охотится на всякую дичь, которую можетъ одолѣть, и не упускаетъ случая половить рыбы своими неоперенными лапами, чрезвычайно удобными для этой цѣли. Ежъ столь же мало защищенъ отъ орлана своими иглами, какъ лисица своими зубами; дикаго гуся не спасаетъ его осторожность, нырца — его способность исчезать подъ водою. Нырцамъ приходится еще хуже, чѣмъ пти-цамъ, не умѣющимъ нырять. Послѣднія, при видѣ грознаго разбойника, быстро взлетаютъ и спѣшатъ скрыться, нырцы же часто слишкомъ полагаются на глубо-кую воду, спокойно выжидаютъ приближенія орлана, ныряютъ и считаютъ себя въ безопасности, между тѣмъ какъ злой врагъ только того и ждетъ, чтобы жертва его снова появилась на поверхности. Два-три раза нырцу, быть можетъ, удастся избѣжать губительныхъ когтей, но когда онъ показывается на поверхности въ четвертый разъ и, почти задыхаясь, хочетъ пробыть на поверхности воды мгнове-ніемъ дольше, хищникъ схватываетъ его и, спустя нѣсколько секундъ, душитъ. Бромъ смѣлости и увѣренности въ своихъ силахъ, орланъ отличается еще вели-чайшимъ упорствомъ. Замѣчено, что орланъ иногда по нѣскольку разъ сряду бро-

сается на Лису Патрикьевну, которая таки умѣеть постоять за свою шкуру. Извѣстно, что орланъ крайне опасенъ для болѣе мелкихъ стадныхъ животныхъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что онъ нападаетъ на дѣтей.

На сѣверныхъ „птичихъ горахъ“ орланъ прилетаетъ правильно и съ невозмутимымъ спокойствиемъ извлекаетъ изъ гнѣздъ птицъ, живущихъ на этихъ горахъ. Онъ ловить гагу, схватываетъ молодыхъ тюленей около самыхъ матерей, а рыбъ преслѣдуется до тѣхъ поръ, пока онъ не скроются въ глубинѣ. Иногда подобныя попытки оканчиваются неудачей. Ленцъ разсказываетъ слѣдующее: „Одинъ орланъ въ поискахъ за добычей леталъ надъ р. Гавелемъ и замѣтилъ осетра, на котораго тотчасъ же и устремился; но смѣлый орланъ слишкомъ ужъ положился на свои силы: осетръ былъ для него слишкомъ тяжелъ, и орланъ не могъ вытащить своей добычи изъ воды; рыба также была не достаточно сильна, чтобы потащить орлана внизъ. Какъ стрѣла, понесся осетръ близъ поверхности воды; на немъ съ раскрытыми крыльями сидѣлъ орланъ, такъ что оба они вмѣстѣ напоминали собою парусное судно. Нѣсколько человѣкъ замѣтили это рѣдкое зрѣлище, сѣли на лодку и поймали осетра вмѣстѣ съ орланомъ, который такъ глубоко запустилъ свои когти въ тѣло рыбы, что не могъ ихъ высвободить.“

По своимъ способностямъ всѣ орланы уступаютъ орламъ. По землѣ орланы двигаются, пожалуй, искуснѣе орловъ и, какъ было сказано, до извѣстной степени умѣютъ справляться съ водной стихией; но полетъ орлановъ не отличается той ловкостью и изяществомъ, которыми характеризуется полетъ всѣхъ настоящихъ орловъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ орланъ приступаетъ къ размноженію. Весьма вѣроятно, что пара орлановъ сохраняетъ другъ другу вѣрность въ теченіе всей жизни; тѣмъ не менѣе самцу приходится вступать въ тяжкій бой со всяkimъ пролетающимъ мимо самцомъ, и въ случаѣ неблагопріятнаго исхода борьбы онъ можетъ лишиться супруги. Гнѣзда представляютъ собою огромное сооруженіе, достигающее 1,5—2 метра въ ширину и 30—100 см. и болѣе въ высоту; пара неоднократно пользуется гнѣздомъ и, благодаря ежегоднымъ обновленіямъ, оно съ теченіемъ времени становится значительно выше, чѣмъ вначалѣ. Нижній слой состоить изъ дубинъ, толщиною въ руку, верхній — изъ болѣе тонкихъ сучковъ; очень плоское углубленіе покрывается тонкими вѣточками и выстилается сухими травками, лишайми, мхомъ и т. п.

Въ концѣ марта, рѣдко раньше, болѣею частью даже нѣсколько позднѣе, заканчивается кладка; яицъ кладется въ гнѣзда 2, много 3; они сравнительно мелки и весьма разнообразны. Скорлупа у нихъ толстая, шероховатая и крупно зернистаго строенія, окраска различная; есть яйца бѣлые, какъ известъ, безъ всякихъ пятенъ, есть и такія, которыя по бѣлому фону покрыты болѣе или менѣе густо красноватыми, бурными и темно-бурными пятнами. Вылупившимся птенцамъ оба родителя въ изобилии приносятъ кормъ; старыя птицы становятся тѣмъ болѣе беззастѣнчивы, чѣмъ болѣе подростаетъ ихъ потомство, и мало по малу обращаютъ гнѣзда въ настоящую живодерню, гдѣ можно найти остатки самыхъ разнообразныхъ животныхъ, главнымъ образомъ рыбъ и водныхъ птицъ. Подобравъ добычу, орланы прямо летятъ къ гнѣзду, причемъ, какъ показали наблюденія, пролетаютъ разстояніе въ 4—5 километровъ такъ быстро, что приносятъ своимъ голоднымъ дѣтямъ еще трепещущихъ рыбъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ молодые орланы могутъ покинуть гнѣзда черезъ 10—14 недѣль послѣ вылупленія, но, вылетѣвъ изъ гнѣзда, еще часто туда возвращаются. Лишь подъ осень молодыя птицы разстаются съ родителями.

Въ клѣткѣ орланъ сначала неистово бѣтесь, бросается даже на своего хозяина, но скоро становится ручнымъ и тогда вступаетъ въ поистинѣ дружескія отношенія съ человѣкомъ. Поэтому всѣ содержатели зоологическихъ садовъ любятъ и цѣнятъ орлановъ. Эти птицы привѣтуютъ звонкимъ и радостнымъ крикомъ появленіе своего хозяина, и особенное удовольствіе доставляютъ послѣднему тѣмъ, что прекрасно умѣютъ отличать его отъ другихъ людей.

Въ восточной Азіи водится самый крупный изъ всѣхъ орлановъ (*Haliaëtus pelagicus*), въ Африкѣ — самый великолѣпный (*Haliaëtus vocifer*). Послѣдній — одна изъ самыхъ красивыхъ соколиныхъ птицъ вообще, и служить истиннымъ украшениемъ всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ она встрѣчается. У взрослой птицы голова, шея, затылокъ, верхняя часть груди и хвостъ ослѣпительно бѣлаго цвѣта; верхній покровъ и крылья синевато-черные, а край крыла, т. е. всѣ верхнія покровныя перья крыльевъ, отъ локтевого сустава до пясти, а также нижняя сторона тѣла буро-вато-красныя; глазное кольцо, восковица и ноги свѣтло-желтые, верхнія и нижніяя часть ляжекъ синевато-черныя. Длина птицы 68—72 см., длина крыльевъ 50 см., а длина хвоста 15 см.

Орланъ-крикунъ, какъ мы можемъ назвать эту птицу, водится въ большей части экваторіальныхъ странъ Африки или приблизительно отъ 18-го градуса сѣверной широты до Капской земли. Настоящее мѣсто его жительства представляютъ первобытные лѣса въ Суданѣ, и адѣсь-то и надо его видѣть, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить его красоту. Пара орлановъ-крикуновъ, сидящая на склонившемся надъ поверхностью рѣки и обвитомъ ползучими растеніями деревѣ, представляютъ изъ себя великолѣпное зрѣлище, и какъ бы избавованъ ни былъ глазъ естествоиспытателя въ странахъ, изобилующихъ великолѣпно окрашенными птицами, однако эта хищная птица часто поражаетъ его своей красотою.

По образу жизни и по своимъ дѣйствіямъ орланъ-крикунъ похожъ на своихъ родственниковъ. Обыкновенно онъ живетъ парами. Каждая отдельная пара избираетъ себѣ участокъ, имѣющій въ попечнике около 3-хъ километровъ. По этому участку пара орлановъ-крикуновъ носится взадъ и впередъ въ утренніе часы; въ полдень она поднимается, чтобы поиграть, высоко на воздухъ и здѣсь кружится съ полчаса, причемъ издаётъ пронзительный крикъ, слышимый издалека. Когда орланъ-крикунъ кричитъ на лету, движенія его становятся до такой степени порывистыми, что иногда кажется, что онъ вотъ, вотъ переворачивается на воздухѣ.

Питается орланъ-крикунъ рыбой и падалью. На рыбу онъ кидается сверху, подобно рѣчной скопѣ, ныряетъ за нею глубоко въ воду и затѣмъ, при помощи могучихъ взмаховъ крыльями, тяжело вылѣзаетъ на поверхность; на падаль же онъ спускается, замѣтивъ ее на землѣ, или вытаскиваетъ ее изъ воды, когда она плыветь по рѣкѣ. Жители Судана сообщили Гартманну, что орланъ-крикунъ вытаскиваетъ также изъ воды большія раковины и разбиваетъ ихъ о скалы. Добычу свою онъ относить на острова и сѣѣдаетъ ее здѣсь, у самаго края воды. Линингтонъ не разъ наблюдалъ, какъ орланъ мучилъ пеликановъ до тѣхъ поръ, пока они не изрыгали изъ глотки проглоченной ими рыбы и не отдавали ее разбойнику. Зато и орлану-крикуну иногда приходится плохо. Одинъ разъ самка орлана-крикунна поймала рыбку и принялась за обѣдъ на лежащей противъ нее песчаной мели Голубого Нила. При помощи подзорной трубы я могъ слѣдить за каждымъ ея движеніемъ. Съ рыбѣ было сначала содрана кожа, а затѣмъ она весьма тщательно была разорвана на куски. Во время этого занятія появился египетскій бѣгунокъ, приблизился къ орлану и началъ дѣлить съ нимъ трапезу. Очень занятно было наблюдать за дѣйствіями маленькаго храбраго паразита. Съ быстротою молниі подбѣжалъ онъ къ обѣденному столу, схватилъ нѣсколько мелкихъ кусочковъ и принялъся поѣдать ихъ на нѣкоторомъ разстояніи. Орланъ, по-видимому, преисполненный благодушія, отъ поры до времени поворачивалъ голову въ его сторону, но и не собирался напасть на бѣгунка. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что египетскому бѣгунку не грозило опасности только вслѣдствіе его ловкости и проворства. Должность, исполняемая имъ при крокодилѣ, научила его, какъ надо держать себя за столомъ у великихъ міра сего.

Въ неволѣ орланъ-крикунъ держитъ себя такъ же, какъ и прочие его родственники. Онъ скоро становится ручнымъ и привѣтствуетъ своего хозяина громкимъ и пронзительнымъ крикомъ. Судя по произведеннымъ наблюденіямъ, онъ, по-видимому, безъ труда переносить суровый европейскій климатъ. Въ зоологи-

ческихъ садахъ пѣнныя орланы-крикуны изъ году въ годъ пребываютъ на открытомъ воздухѣ.

*

Признаки не менѣе характерной по строенію и образу жизни рѣчной скопы (*Pandion haliaetus*) слѣдующіе: тѣло сравнительно небольшое, но коренастое, голова средней величины; довольно короткій клювъ загнутъ уже на ворковицѣ и снабженъ очень длиннымъ крючкомъ, ноги крѣпкія, оперенные не далѣе пятокъ, ступня чрезвычайно сильная; короткіе пальцы вооружены острыми, сильно загнутыми когтями, и наружный палецъ ноги можетъ поворачиваться впередъ и назадъ. Рѣчная скопа отличается, кромѣ того, еще плотно прилегающимъ жирнымъ опереніемъ. Голова и затылокъ по желтовато-блѣому фону покрыты черно-бурыми продольными полосками, и всѣ перья здѣсь заострены; прочія верхнія части тѣла бурого цвѣта, всѣ перья съ болѣе свѣтлыми каемками, хвостовая перья съ бурыми и черными полосами, нижняя же сторона блѣлая или желтовато-блѣлая. На груди бурыя перья образуютъ пятно или полосу, отъ глаза до средины шеи спускается темная полоса. Глаза ярко-желтые, восковица и кожа на ногахъ свинцово-серыя; клювъ и когти блестяще-черные. Длина птицы 53—56 см., ширина 156—164, длина крыльевъ 50—52, длина хвоста 18—19 см.

Рѣчная скопа принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ птицъ, которыхъ встрѣчаются буквально на всемъ земномъ шарѣ. Правда, сдѣланы были попытки отѣлить американскую, азіатскую и австралийскую рѣчную скопу отъ европейской; но сравненіе этихъ птицъ показываетъ, что по современнымъ понятіямъ отѣлить ихъ другъ отъ друга нельзя. Въ Европѣ рѣчная скопа высиживаетъ потомство во всѣхъ странахъ, отъ Лапландіи, Финляндіи и сѣверной Россіи до крайняго юга, иногда также на островахъ и даже на мелкихъ островкахъ на морѣ. Въ Азіи рѣчная скопа живетъ по берегу всѣхъ болѣе крупныхъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ рѣкъ и озеръ, и здѣсь, точно такъ же какъ въ Африкѣ, селится изъ году въ годъ. Въ Америкѣ рѣчную скопу наблюдали на сѣверѣ вездѣ, гдѣ прѣсныя воды въ теченіе достаточно продолжительного времени остаются свободными отъ льда, и вплоть до южной Бразилии встрѣчали эту птицу повсемѣстно. Въ Австралии, наконецъ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ рѣчная скопа водится вездѣ. На сѣверѣ это лѣтняя птица, на югѣ, повидимому, птица странствующая. Образъ жизни ея опредѣляется однообразнымъ способомъ добыванія пищи. Она питается исключительно рыбой, только въ случаѣ крайности есть земноводныхъ, никакой же иной добычи не трогаетъ.

Въ Германіи эта хищная птица пользуется справедливою ненавистью и подвергается усерднымъ преслѣдованіямъ; разумѣется, она селится только въ мѣстностяхъ, изобилующихъ водою.

Парочка довольно поздно утромъ покидаетъ свое гнѣздо, причемъ одинъ супругъ вылетаетъ вслѣдъ за другимъ; обѣ птицы строго держатся извѣстнаго направленія и летятъ къ водному бассейну, иногда находящемуся очень далеко, чтобы ловить рыбу. Длинныя крылья даютъ рѣчной скопѣ возможность легко пролетать большія разстоянія. Сначала она летить на значительной высотѣ, затѣмъ опускается ближе къ поверхности воды и начинаетъ свою охоту на рыбь. Пока надъ водою стоитъ туманъ, рѣчная скопа не летаетъ надъ ея поверхностью, такъ какъ поднимающіеся изъ воды пары мѣшаютъ ей видѣть добычу. Она подлетаетъ къ водѣ, описывая въ воздухѣ круги, и, тщательно осматривая все кругомъ, убѣждается въ томъ, что ей не грозитъ никакой опасности; только тогда она спускается внизъ и вносится взадъ и впередъ надъ водою на высотѣ около 20 метровъ, отъ поры до времени останавливается, дрожитъ на одномъ мѣстѣ на подобіе пустельги, вѣроятно для того, чтобы лучше приглядѣться къ намѣченной рыбѣ, а потомъ, вытѣнувшись впередъ свои лапы, въ косомъ направленіи быстро и ловко бросается на воду, исчезаетъ въ волнахъ; но скоро она снова выплываетъ, поднимаясь при помощи нѣсколькихъ ударовъ крыльями на поверхность, какъ можно лучше страживаетъ капли воды посредствомъ нѣсколькихъ сотрясеній и покидаетъ затѣмъ небольшое водное про-

Жизнь животныхъ Ерема. II.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Рѣчная скопа.

странство—все равно, удачна или неудачна была ея охота. Въ случаѣ удачи рѣчная скопа съ такою силою впивается обѣими лапами въ спину рыбы, что не можетъ сразу высвободить когтей; поэтому башкиры дали этой птицѣ прозвище „желѣзного когтя“. Довольно часто жизни рѣчной скопы угрожаетъ опасность, когда схваченная ею рыба оказывается для нея слишкомъ тяжела, тянетъ ее за собою въ глубину и топитъ. Рѣчная копа съѣдаетъ только лучшіе куски пойманной добычи, прочее же оставляетъ; она проглатываетъ часть чешуи, но никогда не трогаетъ внутренностей. Лишь въ случаѣ крайности рѣчная скопа рѣшается охотиться на другую дичь.

Съ другими птицами своего вида рѣчная скопа живетъ въ высшей степени мирно. До птицъ иныхъ видовъ ей никогда дѣла нѣть, и она навѣрное совершенно довольна, когда онѣ оставляютъ ее въ покое. Всѣ плавающія птицы такъ хорошо знаютъ рѣчную скопу, что нисколько ея не боятся; онѣ считаютъ ее до извѣстной степени подобной себѣ и ничего не имѣютъ противъ пребыванія ея по близости отъ нихъ. Зато рѣчной скопѣ много приходится терпѣть отъ другихъ хищныхъ птицъ.

Послѣ рѣчной выдры, рѣчная скопа злѣйший врагъ всякаго правильнаго хозяйства съ цѣлью разведенія рыбы, и потому всѣмъ обладателямъ сажалокъ ненавистнѣе всѣхъ прочихъ хищныхъ птицъ.

*

Европейскій осоѣдъ (*Pernis apivorus*, рис. на стр. 712) достигаетъ въ длину 59—62 см., въ ширину 135—140 см.; длина крыльевъ 40, длина хвоста 23 см. Опереніе очень разнообразно окрашено. Иногда одежда этой птицы бываетъ однообразнаго бураго цвѣта, голова самца — сѣровато-синяя, и только хвостъ украшенъ тремя большими и нѣсколькоими мелкими бурыми полосами; часто верхняя часть тѣла бываетъ бурая, нижняя же болѣе или менѣе покрыта бѣлыми пятнами или же бываетъ бѣлая съ бурыми поперечными пятнами и штрихами на стержняхъ. Кромѣ указанныхъ варіацій въ окраскѣ, замѣчаются и другія. Цвѣть глазъ у европейскаго осоѣда колеблется между серебристо-сѣрымъ и золотисто-желтымъ, клювъ черный, восковица золотисто-желтая, ноги лимонно-желтые.

Родина европейскаго осоѣда — вся Европа, за исключеніемъ сѣверныхъ странъ. Въ Германіи онъ предпочитаетъ селиться на западѣ, но встрѣчается и на сѣверѣ. Въ равнинѣ онъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ горахъ средней вышины.

„Европейскій осоѣдъ“, говорить Науманиѣ, „птица очень неблагородная и трусливая, и въ этомъ отношеніи превосходитъ всѣхъ другихъ европейскихъ хищныхъ птицъ. Добродушіе и боязливость, а также глупое упорство — вотъ главныя черты характера осоѣда. Онъ робокъ и летаетъ медленно и тяжело-вѣсно, болѣшею частью низко надъ землей. Образъ дѣйствій его обличаетъ величайшую лѣни. Цѣлыми часами его можно видѣть на одномъ мѣстѣ; онъ болѣшею частью садится на пограничные камни или на одиноко растущія среди поля деревья, гдѣ и поджидаетъ свою добычу. Въ противоположность другимъ хищнымъ птицамъ онъ ходить довольно хорошо и очень часто преслѣдуєтъ насѣкомыхъ бѣгомъ. Голосъ его — торопливый, часто повторяемый крикъ „кикик“, который иногда издается непрерывно въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.“

Осоѣдъ не даромъ носить свое название, ибо осы и другія пчелы составляютъ главную часть его трапезы. Но Науманиѣ считаетъ его къ тому же еще грабителемъ гнѣздъ и говоритъ, что, кромѣ мышей, крысъ, хомяковъ и т. п., онъ подчасъ душить и молодыхъ зайцевъ. Къ тетеревятнику онъ иногда напрашивается въ гости, т. е. выжидаетъ до тѣхъ поръ, пока разбойникъ окончить свою трапезу, и затѣмъ лакомится остатками. Въ лѣтнюю пору осоѣдъ, какъ рассказываютъ, ёстъ, кромѣ черники, еще бруснику и другія лѣсныя ягоды. „Зобъ его“, говоритъ Альтумъ, „бываетъ наполненъ то земляными гусеницами и мелкими травяными гусеницами, то осами и особенно молодыми шмелями, то

маленьими, голыми гусеницами пяденицъ, то лягушками, то цѣльнымъ семействомъ птенцовъ, изъ которыхъ онъ, повидимому, особенно любить дроздовъ.“

Всѣ наблюдатели, изслѣдовавшіе найденныхъ въ зобу европейскаго осоѣда насѣкомыхъ, замѣчають, что птица эта, прежде, чѣмъ проглотить какое-нибудь перепончатокрылое насѣкомое, т. е. шершня, осу, шмеля или пчелу, откусываетъ у него жало. Осоѣдъ умѣеть искусно ловить этихъ насѣкомыхъ, и при захлопываніи клюва насѣкомое всегда оказывается лежащимъ поперекъ края клюва, такъ что при быстромъ сжатіи челюстей откусывается кончикъ задней части тѣла насѣкомаго, шириной въ нѣсколько миллиметровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жало; эти кусочки отпадаютъ, и птица, слѣдовательно, не глотаетъ ихъ, ибо жало могло бы на-

Осоѣдъ европейскій (*Pernis apivorus*). $\frac{1}{5}$ естеств. велич.

нести ей смертельную рану, попавъ въ ротъ или въ глотку. Въ такомъ видѣ проглатываются всѣ насѣкомыя, и никогда въ пищеварительныхъ органахъ птицы не было найдено жала. Во время ловли ость птица защищена жесткимъ опереніемъ и твердыми щитками на ногахъ отъ укушеній жужжащихъ вокругъ нея насѣкомыхъ.

Тотчасъ послѣ прибытія на родину осоѣдъ европейскій принимается за оруженіе или обновленіе своего гнѣзда. Самъ строить себѣ гнѣздо онъ рѣдко только въ крайнемъ случаѣ; гораздо охотнѣе употребляеть онъ прошлагоданное сооруженіе сарыча или коршуна, пользуется даже старымъ вороньимъ гнѣздомъ, которое исправляетъ, насколько это ему кажется необходимымъ. Въ гнѣздахъ осоѣдъ кладетъ 2 яйца; яйца этихъ птицъ бываютъ весьма разнообразны по формѣ и окраскѣ. Яйца бываютъ то кругловатыми, то яйцевидными; снаружи болѣе или менѣе блестяща и по желтовато-блѣскому или буровато-красному фону покрыта болѣе свѣтыми или болѣе темными разводами, иногда равнозернистыми, иногда на одной сторонѣ болѣе густо, чѣмъ на другой. Самецъ и самка выкармливаютъ свои яйца поочередно и кормятъ другъ друга осиннымъ и шмелевымъ отродьемъ, которое приносить въ сотахъ и часто въ большомъ количествѣ.

мождаются въ гнѣздахъ. Молодыхъ птицъ кормятъ сначала гусеницами, мухами и другими насѣкомыми, причемъ родители сначала размягчаютъ пищу въ своей глоткѣ; впослѣдствии же птенцамъ преподносятся соты, наполненные молодыми насѣкомыми, и осинные гнѣзда, а подъ конецъ старая птицы доставляютъ своимъ дѣтямъ молодыхъ лягушекъ, птицъ и т. п.

Въ неволѣ осоѣдь, по словамъ Берендана, въ высшей степени занимателенъ. „Самецъ, уже умѣвшій летать, по прошествіи немногихъ недѣль сталъ относиться въ высшей степени довѣрчиво къ знакомымъ ему людямъ, а также къ собакамъ, даже обнаруживалъ и къ тѣмъ, и къ другимъ привязанность, но при видѣ каждой незнакомой собаки принималъ грозную позу, раздувалъ перья и кидался на нее. Особенно полюбилъ онъ одну маленькую собачку. Когда она лежала, осоѣдь усаживался между ея ногами, игралъ съ нею или ерошилъ клювомъ ея шерсть, что собачка переносила благодушно. Осоѣдь бѣгалъ по дому и вѣтвямъ дома и, найдя какую нибудь дверь запертою, кричалъ изо всѣхъ силъ до тѣхъ поръ, пока ему не отпирали. Онъ откликался на кличу „Гансъ“, но являлся на зовъ только тогда, когда ему этого хотѣлось или когда онъ бывалъ голоденъ.“

„Одна самка осоѣда, пойманная уже въ зрѣломъ возрастѣ, до страсти любила молодыхъ осъ. Если ей подносили осинное гнѣзда, то она явно начинала волноваться, съ жадностью кидалась на него и сѣѣдала цѣлые куски. Пустыя осинные гнѣзда она разрывала на части, разыскивая осъ. Кромѣ осъ, любимую пищу ея составляли булки и молоко. Съ домашними животными осоѣдь прекрасно уживался. Чрезвычайно занимателено было глядѣть, какъ онъ ёлъ изъ одной чашки съ двумя морскими свинками, скворцомъ, сивкой и двумя перепелами.“

*

Кани (*Elanus*) водятся во всѣхъ частяхъ свѣта, кромѣ Европы, но и въ Европѣ онѣ известны, такъ какъ одинъ видъ ихъ не разъ залеталъ даже въ Германию. Немногіе изъ известныхъ намъ видовъ этого рода чрезвычайно похожи другъ на друга. Опереніе у нихъ очень обильное, чрезвычайно нѣжное, расщепленное и мягкое, какъ шелкъ, вродѣ оперенія совъ.

У каны чернокрылой (*Elanus melanopterus*) верхняя сторона красиваго пепельно-серовато-синяго цвѣта, лобъ и нижняя сторона бѣлые, покровныя перья крыльевъ и плечъ черныя. Глаза великолѣпнаго ярко-краснаго цвѣта, клювъ черный, восковица и ноги оранжево-желтныя. Длина самца 35, ширина 78 см. Самка нѣсколько крупнѣе.

Уже въ Сирии каня чернокрылая встрѣчается нѣрѣдко, въ Египтѣ же она представляетъ изъ себя явленіе обыкновенное. Отсюда она распространяется по всей Африкѣ и южной Азіи, не особенно рѣдко залетаетъ также въ Европу. Въ Индіи она встрѣчается во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ можетъ производить свою охоту.

Образъ жизни каны отчасти напоминаетъ образъ жизни сарычей, отчасти луней и совъ. Полетъ каны отличается отъ полета большей части хищныхъ птицъ тѣмъ, что у каны крылья при полетѣ направлены вверхъ, т. е. кончики крыльевъ находятся значительно выше тѣла; сидящую кану можно узнать по ея ослѣпительной окраскѣ, которая блеститъ издалека въ лучахъ южнаго солнца. Въ Египтѣ она обыкновенно сидитъ на жердяхъ, прикрепленныхъ къ бадьямъ, изъ которыхъ крестьяне поливаютъ свои поля, а потому ее называютъ „соколомъ водочерпаки“. Главная, даже почти исключительная пища каны состоять изъ мышей; кузнецовъ она єсть только между прочимъ. Птенцами, сидящими еще въ гнѣздахъ, она разумѣется не брезгаетъ, подбираетъ также пустынныхъ ящерицъ, хватаетъ порой даже летучихъ мышей, на которыхъ, кромѣ нея, охотятся только еще немногія совы.

Кана чернокрылая — животное настолько же красивое, насколько милое. Въ Египтѣ она довѣряетъ человѣку, ибо дѣйствительно можетъ здѣсь довѣрять ему. Безъ страха порхаетъ она взадъ и впередъ между работающими крестьянами и безъ всякихъ опасений вѣтъ свое гнѣзда на апельсинныхъ

деревьяхъ, которые садовникъ посѣщаетъ еженедѣльно, чтобы снимать съ нихъ плоды.

Чернокрылые кани, вынутыя изъ гнѣзда молодыми, становятся такими же ручными, какъ чеглокъ и пустельга; но и кани, пойманныя старыми и даже попавшія во власть человѣка ранеными, скоро становятся довѣрчивыми, не пускаютъ противъ человѣка въ ходъ своихъ острыхъ когтей и только иногда грозно открываютъ клювъ, но не кусаются. Кормъ онъ уже по истеченій нѣсколькихъ дней берутъ изъ рукъ своего хозяина.

*

Коршуны (*Milvus*) — соколиные птицы средней величины, стройные со слабымъ, слегка загнутымъ, глубоко расщепленнымъ клювомъ, короткими, спереди мало оперенными плюснами и умѣренной величины лапами, съ очень большими крыльями, длиннымъ, вилообразнымъ хвостомъ и крупнымъ, неплотно прилежащимъ, торчащимъ опереніемъ.

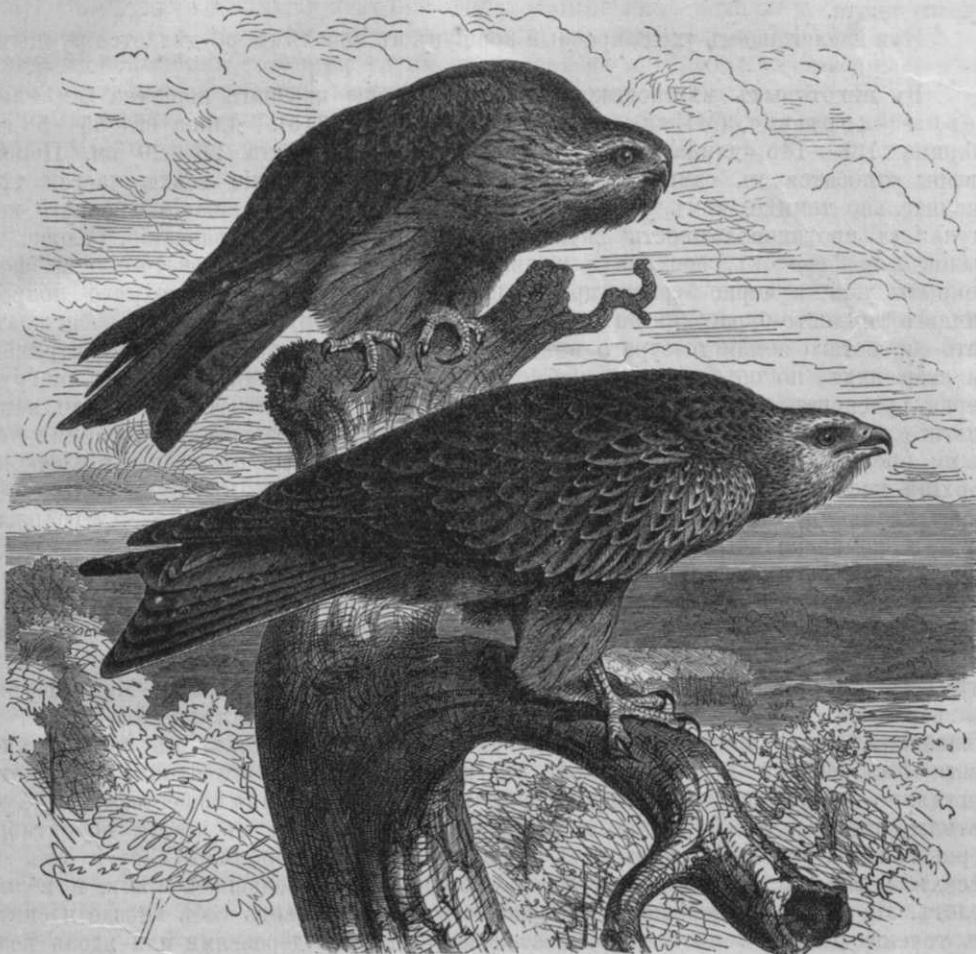
Самымъ красивымъ коршуномъ можно считать краснаго коршуна (*Milvus ictinus, regalis*). Это красава соколиная птица въ 65—75 см. длиною, 140—150 см. ширину; длина крыльевъ 50 см., длина хвоста 38 см. Отъ своихъ европейскихъ родственниковъ и отъ всѣхъ другихъ коршуновъ красный коршунъ отличается тѣмъ, что выемка его хвоста доходитъ до 10 см. У старого самца голова и горло бѣлые, всѣ перья на серединѣ тѣла украшены черно-буровой полоской на стержнѣ, головная перья съ свѣтлымъ ржавымъ налетомъ; задняя часть шеи, затылокъ, брюшко, грудь и покровы ногъ ржаво-красного цвѣта; большія маховые перья черныя съ бѣлымъ основаніемъ, среднія черныя съ ржаво-бурымъ налетомъ и съ темными, узенькими поперечными полосками, среднія хвостовые перья ржаво-красныя, наружная черноватая, къ концу съ бурымъ налетомъ, а на самомъ концѣ съ узкой грязновато-бѣлой каемкой.

Родина этой неблагородной хищной птицы, которую Шиллеръ назвалъ „царемъ воздушного пространства“ (*König der Lüfte*), находится въ низменныхъ мѣстностяхъ Европы отъ южной Швеціи до Испаніи и отъ Испаніи до Сибири. Въ сѣверной Германіи она вѣтъ себѣ гнѣзда вездѣ. Въ гористыя мѣстности Германіи красный коршунъ залетаетъ только во время перелета. Онъ появляется въ Германіи аккуратно въ началѣ марта и остается до первыхъ чиселъ октября; въ теплую зиму нѣкоторые красные коршуны даже остаются въ Германіи, если думаютъ, что могутъ здѣсь просуществовать. Во время перелета красные коршуны нерѣдко соединяются въ многочисленныя стаи въ 60—200 головъ. Улетаютъ они черезъ сѣверо-западную Африку на острова Зеленаго Мѣса.

Красный коршунъ не имѣеть въ себѣ ничего царственного, ибо онъ лѣнивъ, довольно тяжеловѣсентъ и трусливъ до омерзенія. Полетъ у него медленный, но чрезвычайно продолжительный; тихо плыветъ красный коршунъ по воздуху и иногда въ теченіе цѣлой четверти часа ни разу не взмахнетъ крыльями и управляетъ своимъ полетомъ только при помощи широкаго хвоста; повидимому, безъ всякаго напряженія эта птица взвивается на неизмѣримую высоту, почти недоступную человѣческому глазу, а иногда проносится надъ самой землей, пролетая огромныя разстоянія. Ходить красный коршунъ плохо, скорѣе подпрыгивая, нежели шагая; сидя на деревѣ, онъ по возможности втягиваетъ шею, вслѣдствіе чего голова кажется посаженной между плечами. Смыленостью онъ не уступаетъ ни одной среднеевропейской соколиной птицѣ. Болѣе всѣхъ прочихъ, красный коршунъ сообразуетъ свой образъ дѣйствій съ обстоятельствами, прекрасно отличаетъ охотника отъ крестьянина, избѣгаетъ мѣстностей, которыхъ опытъ научилъ его опасаться, а въ другихъ мѣстахъ становится такимъ же дерзкимъ и назойливымъ нищимъ, какъ его родственники. Голосъ у него не особенно пріятный, протяжный и похожій не то на хохотъ, не то на блеяніе; крикъ его передается приблизительно слогами „хихих-ээ“.

Ѣсть красный коршунъ мелкихъ млекопитающихъ и птицъ, еще не научив-

шихся летать, ящерицъ, змѣй, лягушекъ и жабъ, кузнечиковъ, жуковъ и дождевыхъ червей. Онъ иногда уносить цыплять изъ крестьянскихъ дворовъ, гусенять изъ гусинаго стада, возстановлять противъ себя охотника, такъ какъ нападаетъ на молодыхъ зайцевъ или на куропатокъ, а у настоящаго сокола безсовѣтнымъ прошайничествомъ отбиваетъ добычу. Несмотря на всѣ эти грѣхи, онъ вредъ-ли можетъ считаться вредною птицей. Когда на полѣ сильно размножаются мыши, онъ является и въ теченіе недѣль живеть въ свое удовольствіе. Если принять въ

1) Чёрный коршунъ (*Milvus migrans*), 2) Красный коршунъ (*Milvus ictinus*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

разсчетъ, сколько вредныхъ насѣкомыхъ онъ уничтожаетъ, то приходится признать, что ему, пожалуй, нельзя вмѣнять въ преступленіе похищенія зайчика или гусенка. Если бы онъ былъ менѣе дерзокъ, если бы онъ не попрошайничалъ такимъ безсовѣтнымъ образомъ и не заставлялъ, благодаря этому, соколовъ больше разбойничать, чѣмъ имъ это необходимо для удовлетворенія ихъ собственныхъ нуждъ, то мы отвели бы ему почетное мѣсто въ числѣ естественныхъ благодѣтелей нашихъ полей.

Весною, вскорѣ послѣ своего прибытія, красный коршунъ приступаетъ къ размноженію. Если это скольконибудь возможно, онъ водворяется на прошлогоднемъ мѣстѣ высиживанія, но не всегда селится въ томъ же гнѣздѣ. Онъ охотно довольствуется старымъ воронинымъ или соколинымъ гнѣздомъ; если же ему не удается найти такового, онъ самъ вьетъ себѣ гнѣздо. Гнѣздо его по способу со-

оруженія существеннымъ образомъ не разнится отъ гнѣзда сарыча или другой соколиной птицы, но отличается тѣмъ, что красный коршунъ всегда выстилаетъ гнѣзда внутри разными тряпками и бумажками, причемъ не всегда избираетъ для этой цѣли лохмотья наиболѣе чистыя.

Яйца, числомъ 2—3, въ рѣдкихъ случаяхъ 4, въ высшей степени похожи на яйца сарыча обыкновенного, но большую частью бываютъ нѣсколько крупнѣе. Основная окраска — бѣлый цвѣтъ съ слабымъ зеленоватымъ оттенкомъ; яйца покрыты пестрыми крапинками и грубыми черточками темнаго красновато-бураго цвѣта.

При надлежащемъ уходѣ красный коршунъ въ неволѣ скоро дѣлается ручнымъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средней Европы краснаго коршуна замѣняетъ черный коршунъ (*Milvus migrans*, рис. на стр. 715). Длина его 55—58 см., ширина 136—145, длина крыльевъ 44—47, длина хвоста 26—29 см. Первые цифры относятся къ самцу, послѣднія къ самкѣ. Опереніе всѣхъ частей тѣла значительно темнѣе, чѣмъ у краснаго коршуна, а потому название „чернаго коршуна“ въ противоположность „красному“ находить себѣ оправданіе. Голова, затылокъ, подбородокъ, верхняя и нижняя часть горла по бѣловато-сѣрому фону покрыты узкими черно-бурыми продольными полосками, перья верхняго покрова темнаго землисто-бураго цвѣта съ болѣе свѣтлыми каемками; область зоба желтовато-сѣроватаго землисто-бураго цвѣта и украшена довольно широкими штрихами на стержняхъ, по обѣ стороны снабженными сѣровато-бѣлыми каемками; на груди перья красновато-бурыя, брюшко и нижняя кроющія перья хвоста болѣе или менѣе чистаго ржаво-бураго цвѣта съ легкимъ сѣроватымъ налетомъ и съ узкими черными продольными полосками; маховая перья черно-бурыя съ мѣднымъ блескомъ, верхняя кроющія перья крыльевъ свѣтлого землисто-сѣраго цвѣта съ болѣе свѣтлыми каемками, рулевая перья темнаго землисто бурого цвѣта съ 8—12 распливчатыми, но правильными полосами и съ свѣтлой желтовато-сѣрой каймой на концѣ хвоста. Глазное кольцо буровато-сѣре, клювъ чернаго рогового цвѣта, восковица желтая, ноги оранжево-желтые.

* Область распространенія чернаго коршуна, какъ и всѣхъ его родственниковъ, довольно ограниченная. Въ средней Германіи онъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ птицъ; въ Маркѣ, а именно близъ Гавельскихъ озеръ, въ Помераніи, Мекленбургѣ, на верхнемъ Рейнѣ и въ области нижняго Майна онъ встрѣчается чаще, въ Нижней Австрії, Венгрии, въ придунайскихъ низменностяхъ, въ значительной части Европейской Россіи, а также въ Италии и Испаніи эта птица встрѣчается регулярно, мѣстами обыкновенна и даже выводить потомство обществами. Будучи лѣтнимъ гостемъ въ Германіи и оставаясь здѣсь только съ марта по октябрь, черный коршунъ зиму проводить уже въ южной Европѣ. Селится онъ въ лѣсахъ, расположенныхъ около рѣкъ, особенно около большихъ рѣкъ, и вблизи болотъ. На высокихъ деревьяхъ онъ, впрочемъ, только вѣтъ себѣ гнѣзда и спить. Въ теченіе дня онъ постоянноносится надъ и подъ деревьями или вдоль водъ. Весь его образъ дѣйствій и характеръ принарублены къ ровной мѣстности и къ обилию воды.

Полетъ чернаго коршуна очень красивъ, особенно когда онъ продѣлываетъ разныя сальтомортале надъ водною поверхностью большихъ рѣкъ, чѣмъ онъ не рѣдко занимается въ теченіе цѣлой четверти часа и болѣе. Яйца бываютъ снесены приблизительно въ концѣ апрѣля; ихъ кладется 3—4; они чрезвычайно похожи на яйца краснаго коршуна и по желтоватому или сѣровато-бѣлому фону покрыты бурыми разводами и густыми крапинками. Повидимому, сидить на яйцахъ одна самка.

Общее мнѣніе о черномъ коршунѣ — что это одна изъ самыхъ вредныхъ хищныхъ птицъ. Больше всего вреда причиняетъ онъ безъ сомнѣнія тѣмъ, что онъ самымъ отвратительнымъ образомъ отнимаетъ добычу у другихъ хищныхъ птицъ или пристаетъ къ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не бросятъ ему своей добычи, и следовательно принуждаетъ ихъ грабить больше, чѣмъ сколько имъ самимъ

нужно. Самъ онъ правда хватаетъ то, что можетъ, но чувствительный вредъ наносить свободнымъ и прирученнымъ животнымъ лишь въ послѣднее время періода вывода. Если добросовѣтно взѣсить его полезная и вредная дѣйствія, то приходится сознаться, что одни уравновѣшиваются другими.

Въ клѣткѣ черный коршунъ, подобно своимъ родственникамъ, птица пріятная. Онъ мало притязателенъ и быстро съвѣкается съ утратой свободы, скоро сильно привязывается къ своему хозяину, привѣтствуетъ его радостнымъ крикомъ, издали завидѣвъ его, и вообще всячески старается показать свое расположение къ человѣку. Съ другими хищными птицами одинаковой съ нимъ величины онъ уживается превосходно. Онъ слишкомъ трусливъ, чтобы нападать на нихъ, но съ величайшимъ спокойствіемъ стѣдаетъ трупъ товарища, съ которымъ въ теченіе многихъ лѣтъ мирно жилъ въ одной клѣткѣ.

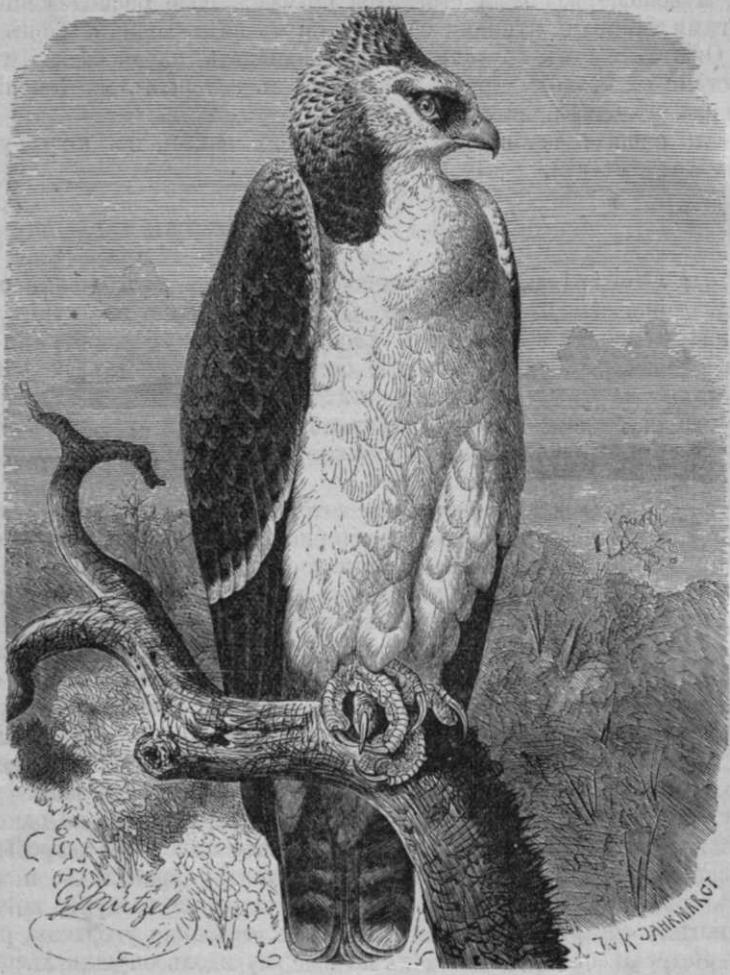
Въ Африкѣ нашихъ европейскихъ коршуновъ замѣняетъ коршунъ-паратитъ (*Milvus aegyptius*).

„Ястребы (*Accipitrinae*) отличаются отъ каракаръ вполнѣ оперенными боками головы“, пишетъ Рейхеновъ. Отъ сарычевыхъ же птицъ они отличаются длиною плюсною и длиннымъ хвостомъ, а также короткими или умѣренной длины крыльями. Только хохлатые орлы и гарпии составляютъ исключение въ смыслѣ длины плюсны, которая у нихъ не превышаетъ длину средняго пальца; но и эти роды легко можно отличить отъ короткохвостыхъ сарычей по ихъ длинному хвосту. Плюсна бываетъ обыкновенно голая, и только у хохлатыхъ орловъ оперенная.

„Исключивъ луней, жизнь и строеніе которыхъ имѣютъ въ себѣ много своеобразнаго, мы можемъ дать общую характеристику существенныхъ свойствъ и образа жизни ястребовъ, начиная съ самого мелкаго ястреба-перепелятника и кончая самой сильной изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, гарпіей. Всѣ ястребы употребляютъ въ пищу живыхъ животныхъ, которыхъ сами ловятъ и убиваютъ, въ противоположность сарычевымъ птицамъ, не брезгающимъ и падалью. Изъ всѣхъ своихъ товарищ по отряду это самые искусные разбойники: они одинаково ловко хвалятъ какъ летающую, такъ и бѣгающую, какъ плавающую, такъ и сидящую добычу и охотятся не менѣе ловко въ открытомъ полѣ, чѣмъ въ густомъ лѣсу. Соответственно съ этимъ, способъ ихъ охоты существенно отличается отъ охоты сарычей и соколовъ. Въ то время какъ послѣдніе высматриваютъ добычу, описывая въ воздухѣ круги или, рѣже, трепеща на одномъ мѣстѣ, и затѣмъ внезапно круто низвергаются на замѣченное животное, ястребы пускаютъ въ ходъ больше хитрости, чтобы застать свою жертву врасплохъ, и это вполнѣ замѣняетъ имъ сравнительно меньшую вѣрность удара на воздухѣ, которая у соколовъ и у многихъ сарычевыхъ хищныхъ птицъ, особенно у орловъ, развита гораздо лучше. Ястребы быстро скользятъ по воздуху вдоль опушки лѣсовъ и изгородей, внезапно заворачиваютъ за рощи и строенія, пролетаютъ сквозь чащи на лѣсныя поляны и неожиданно появляются на мѣстахъ сборищъ своихъ безобидныхъ жертвъ, которыхъ схватываютъ на лету. Иногда они, подобно настоящимъ разбойникамъ съ большой дороги, подстерегаютъ пролетающую или пробѣгающую добычу въ вѣтвяхъ деревьевъ и сразу накидываются на нее. Такимъ образомъ добываютъ себѣ пищу ястребы, гарпии и луны и доказываютъ тѣмъ самимъ, что они истинные члены рассматриваемаго подсемейства. Для постройки гнѣзда ястребы избираютъ защищенные, скрытыя мѣста и никогда не вьютъ гнѣзда на открытыхъ, издалека видныхъ верхушкахъ деревьевъ; гнѣзда свои они помѣщаютъ въ густомъ высокомъ лѣсу или въ трудно доступной чащѣ на болѣе низкихъ вѣтвяхъ и близко къ стволу. Яйца чисто бѣлого цвѣта или по бѣлому фону покрыты красновато-буроватыми пятнами.“

Хохлатые орлы (*Spizaëtus*) птицы стройно сложенные съ сравнительно короткими крыльями, длиннымъ хвостомъ и высокими, крѣпкими ногами; отличительнымъ признакомъ ихъ является болѣе или менѣе явственный хохолъ на задней части головы.

Въ Африкѣ живетъ самый крупный и сильный представитель этого рода, а именно хохлаторый орелъ (*Spizaëtus bellicosus*) — мощная птица длиною

Хохлаторый орелъ (*Spizaëtus bellicosus*). Гравюра: Мартин.

въ 80—86 см. и соотвѣтственной ширины, у которой длина крыльевъ доходитъ до 60—65 см., а длина хвоста до 31—34 см. Преобладающая окраска верхней стороны — пепельный сѣровато-бурый цвѣтъ, на головѣ стержни нѣкоторыхъ перьевъ окрашены въ черно-бурый цвѣтъ; на верхнемъ покровѣ почти всѣ перья украшены болѣе свѣтлыми каемками, вслѣдствіе чего образуется на крыльяхъ полоса изъ кончиковъ болѣе крупныхъ кроющихъ перьевъ крыла. Надъ глазами проходитъ бѣловатая полоса по направлению къ задней части головы и теряется въ короткомъ, широкомъ хохолкѣ. Вся нижняя сторона бѣлая съ синеватымъ налетомъ, почти безъ пятенъ. Большая маховая перья имѣютъ черное наружное опахало, внутреннее опахало свѣтлѣе и съ болѣе темной каймой, нижнія кроющія перья крыла чисто-бѣлые. Глаза сѣровато-каріе, восковица зеленовато-синяя, клювъ черный, лапы свинцово-сѣрыя.

Хохлатый орель селится на какомъ нибудь одиноко стоящемъ деревѣ, ибо онъ очень остороженъ и любить слѣдить за тѣмъ, что происходитъ вокругъ него. Отсюда пара хохлатаыхъ орловъ всегда сообща обыскиваетъ обширный участокъ, въ которомъ не терпить присутствія другихъ птицъ того же вида и вообще присутствія другихъ хищныхъ птицъ. Обыкновенная добыча хохлатааго орла состоять изъ маленькихъ антилошъ и зайцевъ; но онъ навѣрное не щадить и многочислен-

Гребневый орель (*Spizaetus occipitalis*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

ныхъ видовъ дикихъ куръ. Все въ немъ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ такой же опасный врагъ африканскихъ животныхъ, какъ беркутъ — животныхъ европейскихъ. Во всей южной Африкѣ нѣть хищной птицы, которая была бы равна хохлатому орлу по силѣ и по кровожадности. Это неограниченный властелинъ въ своемъ участкѣ; въ немъ соединяются сила и смѣлость, благодаря которымъ онъ дѣлается страшнымъ врагомъ всѣхъ беззащитныхъ созданій. Полетъ очень похожъ на орлиный, но легче и быстрѣе. Крикъ его, какъ говорять, бываетъ то рѣзкій и пронзительный, то грубый и глухой.

„Плѣнныи хохлатый орель“, говоритъ Левальянъ, „умѣеть завоевать себѣ общія симпатіи, ибо это дѣйствительно въ высшей степени привлекательное животное. Дикость свою онъ, повидимому, утрачиваетъ совершенно. Онъ становится

удивительно ручнымъ и довѣрчивымъ, обнаруживаетъ поистинѣ дружескія чувства къ человѣку или, по крайней мѣрѣ, откликается на всякой зовь. Голосъ у него поразительно звучный и мелодичный, однако тихій и мягкий, въ противоположность другимъ орламъ, крикъ которыхъ, какъ известно, не можетъ называться пріятнымъ; крикъ хохлатаго орла приблизительно можно передать слогами „глук глук“.

Почти въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ живеть родственныи хохлатому орлу, но гораздо болѣе мелкій тетеревятникъ, который, благодаря своему длинному хохлу, носить название гребневаго орла (*Spizaetus occipitalis*, рис. на стр. 719). Основная окраска его — темный бурый цвѣтъ, брюшко темнѣе, грудь свѣтлѣе, верхняя сторона съ мѣдно-пурпурово-бурымъ отливомъ. Маховыя перья первого порядка буровато-блѣдныя, малыя маховыя перья, блѣдныя при основаніи, украшены на обоихъ опахалахъ двумя темными поперечными полосами, хвостовыя перья съ бурымъ наружнымъ опахаломъ. Глаза ярко-желтые, клювъ рогового синяго цвѣта, на кончикѣ темнѣе, при основаніи свѣтлѣе, восковица свѣтло-желтая, ноги соловенно-желтныя. Длина 50—52 см.

Изъ африканскихъ хохлатыхъ орловъ гребневый орель одинъ изъ самыхъ распространенныхъ, если не самый распространенный изъ всѣхъ. Въ лѣсахъ верхняго Нила онъ представляеть собою явленіе довольно частое. Здѣсь можно видѣть, какъ онъ спокойно сидить на верхушкѣ мимозъ возлѣ ствола и съ самымъ серьезнымъ видомъ пошевеливаетъ своимъ хохломъ. Онъ то морщить лобъ, наполовину закрываетъ глаза и поднимаетъ хохоль вертикально, растопыриваетъ также нѣкоторыи перья сбоку и при этомъ топорщить также прочее опереніе; то онъ снова гладко складываетъ хохоль на затылкѣ. Этимъ важнымъ дѣломъ онъ занимается по цѣлымъ полчасамъ, причемъ не двигается. Въ это время онъ являеть собою олицетвореніе лѣни и кажется весьма мало обѣщающей хищной птицей. Но мечтатель этотъ обнаруживаетъ себя съ другой стороны, какъ только замѣчаетъ что-нибудь пригодное для охоты: мышку, полевую крысу, землянную бѣлку, воркующаго голубка или стаю ткачей. Съ быстротою молнии слетаетъ онъ внизъ, поспѣшно и отрывисто махая крыльями; *пробегающаго лѣва* — самый густой кустарникъ съ ловкостью нашего европейскаго тетеревятника, гонится за намѣченной добычей и почти неминуемо схватываетъ ее. По образу дѣйствий и по характеру онъ имѣть много общаго съ нашимъ ястребомъ. Онъ такъ же дерзокъ, такой же хищникъ, и, по сравненію съ своей величиной, это лучшій въ лѣсу разбойникъ. Только организованное лѣсное государство обезьянъ онъ не задѣваетъ, какъ и другія крупныи соколиные птицы Стараго Свѣта: не очень то выгодно было бы ему имѣть дѣло съ обществомъ, члены котораго заключили между собою форменный наступательный и оборонительный союзъ.

Гребневый орель, котораго не слишкомъ рѣдко привозили живымъ въ Европу, при надлежащемъ уходѣ выживаетъ въ клѣткѣ многіе годы, такъ какъ онъ мало чувствителенъ къ вліянію климата.

*

Бразильскіе лѣса даютъ пріютъ своеобразнымъ птицамъ, коршуновымъ орламъ (*Morphnus*). Величина, сила и гордая осанка у нихъ такая же, какъ у орловъ, но строеніемъ они напоминаютъ ястребовъ.

Самый известный видъ этого рода — это гвіанская перепелятница (*Morphnus guianensis*). Длина его 70, ширина 150—154, длина крыльевъ 40—42, длина хвоста 30 см. Поразительно неплотно прилегающее опереніе похоже на опереніе совъ; на задней части головы оно обращается въ хохоль, длиною въ 15 см., и измѣняется съ возрастомъ птицы. Голова, шея, грудь, брюшко, задъ и ляжки блѣдые, безъ пятенъ, лишь тамъ и сямъ немного какъ бы запятнанные желтыми: спина, плечи и кроющія перья крыльевъ блѣднаго сѣровато-красноватаго цвѣта, такъ какъ отдельныи перья здѣсь украшены мелкими сѣровато-красноватыми пятнышками, крапинками и разводами; маховыя перья черно-бурыя съ узкими сѣровато-красноватыми поперечными полосами, хвостовыя перья съ подобнымъ же рисункомъ.

Гвіанскій перепелятникъ распространенъ въ большей части южной Америки и водится въ прибрежныхъ лѣсахъ, въ оазисахъ степей, всего же охотнѣе на берегу рѣкъ. Его можно видѣть кружасимся въ воздухѣ и легко узнать по осѣннѣю бѣлому оперенію, рѣзко выдѣляющемуся на темно-голубомъ небѣ. По словамъ Шомбургка, эта птица отличается еще своимъ громкимъ крикомъ. Она любить сидѣть на высохшихъ верхушкахъ высокихъ деревьевъ, здѣсь пребываетъ

Гарпія (*Thrasaetus harpyia*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

цѣлыми часами, не двигаясь, и оть поры до времени поднимаеть кверху свой великолѣпный хохоль. Охотится гвіанскій перепелятникъ на млекопитающихъ и птицъ. Гнѣздо сооружается на не особенно высокихъ деревьяхъ.

Охота на гвіанскаго перепелятника, вслѣдствіе высокихъ деревьевъ, нелегка и удастся почти однѣмъ только стрѣлкамъ изъ ружья и индѣйцамъ. „Двоє сильныхъ индѣйцевъ изъ племени камаканъ“, разсказываетъ принцъ Видъ, „недалеко оть берега рѣки убили гвіанскаго перепелятника стрѣлою въ тотъ моментъ, когда онъ сидѣлъ на своемъ гнѣздѣ, устроенному изъ хвороста на самыхъ высокихъ вѣтвяхъ огромнаго дерева. Длинная, крѣпкая стрѣла попала ему снизу въ горло, тѣмъ не менѣе онъ еще достался мнѣ вполнѣ живымъ. Это, вѣроятно, смѣ-

лая, сильная птица, такъ какъ раненый гвіанскій перепелятникъ отчаянно защищался лапами и клювомъ. Къ сожалѣнію, убѣдить кого-нибудь добраться до гнѣзда было невозможно, ибо никто не хотѣлъ браться за это трудное предпріятіе.“

*

Нѣкоторыя родственныя черты съ только-что описанной хищной птицей замѣчаются у самаго огромнаго изъ всѣхъ ястребовъ, живущихъ на югѣ Америки, а именно у гарпіи (*Thrasaëtus harpyia*, *Harpyia destructor*, рис. на стр. 721). Тѣло у этой птицы очень сильное, голова большая, когти удивительно сильные; клювъ чрезвычайно высокій и крѣпкій, съ сильно закругленной верхушкой и острыми краями, на которыхъ подъ носовымъ отверстиемъ образуется выемка, а подъ нею зубецъ; ноги сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ прочихъ хищныхъ птицъ, лапы очень длинныя и каждый изъ длинныхъ пальцевъ вооруженъ еще очень большимъ, толстымъ и сильно загнутымъ когтемъ; плюсна сзади до пятки голая, спереди до середины оперенная и на голыхъ мѣстахъ покрыта большими щитками вродѣ пластинокъ. Опереніе обильное и мягкое, почти такое же, какъ у совъ, и на затылкѣ удлиняется, образуя длинный, широкій и поднимающійся кверху хохоль. Голова и шея сѣрыя, удлиненныя перья на затылкѣ, вся спина, крылья, хвостъ, верхняя часть груди и бока туловища аспидно-черные, рулевыя перья съ тремя бѣловатыми полосками; нижняя часть груди и задъ бѣлые, прочія нижнія части тѣла по бѣлому фону покрыты черными крапинками, ляжки по такому же фону покрыты черными волнобразными линіями. Клювъ и когти черные, ноги желтые; глаза красновато-желтые. Длина гарпіи 1 метръ, длина крыльевъ 55 см., длина хвоста 34 см.

Отъ Мексики до центральной Бразиліи и отъ Атлантическаго до Тихаго океана, гарпія, какъ кажется, водится въ каждомъ большомъ лѣсу южной Америки. Въ горахъ она, однако, живеть только въ болѣе низкихъ, жаркихъ долинахъ, а на высокія горы не поднимается. Вездѣ, где она встрѣчается, гарпія издавна пользуется уваженіемъ, и о жизни ея ходятъ всевозможныя басни. Уже первые путешественники, описавшіе американскія явленія природы и особенно американскихъ животныхъ, упоминаютъ обѣ этой птицѣ, и каждый сообщаетъ о ней невѣроятныя вещи. Такъ, Фернандеъ повѣствуетъ, что гарпія, будучи величиною почти „съ овцу“, если даже приручить ее, нападаетъ на человѣка изъ за всякаго пустяка, постоянно бываетъ дика и угрюма, тѣмъ не менѣе можетъ быть употребляема съ пользою, такъ какъ ее можно дрессировать для охоты. Даѣе рассказывали, что одного удара клюва гарпіи достаточно для того, чтобы раздробить черепъ человѣка. Лишь новѣйшіе наблюдатели разсѣяли всѣ эти заблужденія.

Гарпія обитаетъ въ сырыхъ, изобилующихъ водою лѣсахъ южной Америки въ указанныхъ границахъ и здѣсь встрѣчается преимущественно на берегахъ рѣкъ. Она водится вездѣ, но нигдѣ не встрѣчается часто, вѣроятно только потому, что перья ея издавна являются излюбленнымъ украшеніемъ индѣйцевъ, и птица изъ за нихъ подвергается жестокимъ преслѣдованіямъ. Внѣ периода спаривания она всегда летаетъ въ одиночку, словно боится, что даже супругъ можетъ помышлять ея охотѣ. Подобно ястребу, ее рѣдко можно увидѣть сидящею на высокихъ деревьяхъ; обыкновенно она возсѣдаетъ на низкихъ вѣткахъ. Отсюда она поднимается на воздухъ, причемъ полетъ ея длится недолго и происходить толчками; но тѣмъ не менѣе летаетъ она быстро, какъ стрѣла; сначала она взвивается вертикально вверхъ, нѣсколько минутъ кружится, а затѣмъ, если ей удастся замѣтить добычу, изо всей силы устремляется на нее сверху внизъ.

Различныя данныя показываютъ, что гарпія не брезгаетъ ни однимъ высшимъ позвоночнымъ животнымъ, если только оно не защищено отъ ея нападеній своей величиной или не обладаетъ достаточнымъ орудіемъ самозащиты. Нѣкоторые наблюдатели склонны думать, что гарпіи нападаютъ только на млекопитающихъ и особенно на обезьянъ и лѣнivцевъ; Чуди же наблюдалъ, что онъ усердно преслѣдуютъ и птицъ. „Ни одной хищной птицы“, говорить онъ, „индѣйцы не боятся такъ, какъ гарпіи. Благодаря своей величинѣ, храбости и дерзости,

гарпії въ самомъ дѣлѣ одни изъ самыхъ опасныхъ враговъ перуанскихъ плантацій, а потому ихъ яростно преслѣдуютъ вездѣ, гдѣ только замѣтить. Во многихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ индѣйцы лишены возможности держать домашнихъ птицъ или небольшихъ собакъ, такъ какъ эта ненасытная хищница утаскиваетъ ихъ съ удивительной смѣлостью. Мы видѣли, какъ одна гарпія бросилась на курь, въ трехъ шагахъ отъ которыхъ стоялъ индѣецъ, и одну изъ нихъ унесла. Въ лѣсахъ пищу этихъ хищниковъ составляютъ многочисленныя пенелопы и скрытохвостыя куры; среди бѣлокъ, двутробокъ и обезьянъ гарпії также производятъ значительные опустошения. Если толпа обезьянъ, особенно капуциновъ, находится вблизи гарпії, то онѣ поднимаются жалобный крикъ, по возможности ищутъ спасенія на деревѣ и стараются спрятаться въ самой густой листвѣ. Эти беспомощныя животныя только и умѣютъ при видѣ врага издавать жалобные крики."

Гнѣзда гарпії устраиваетъ на самыхъ высокихъ деревьяхъ; оно величиной съ гнѣзда исполинскаго аиста и, по словамъ индѣйцевъ, служить птицамъ многіе годы.

А. д'Орбиньи разсказываетъ, что индѣйцы очень часто вынимаютъ молодую гарпію изъ гнѣзда, выращиваютъ ее и держать въ плѣну исключительно для того, чтобы добывать ея цѣнныя перья болѣе легкимъ способомъ, чѣмъ при помощи охоты. Индѣецъ, у котораго есть живая гарпія, пользуется почтеніемъ со стороны другихъ и потому считается очень счастливымъ. На женщинъ возлагается обязанность кормить этихъ птицъ и носить ихъ черезъ лѣса. Какъ только плѣнныя гарпії получатъ окраску взрослыхъ птицъ, начинается ихъ мученіе: ибо хозяинъ два раза въ годъ вырываетъ у каждой птицы перья хвоста и крыльевъ, чтобы ими украшать свои стрѣлы или изготавливать себѣ изъ нихъ головной уборъ. Эти перья представляютъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ обмѣна у индѣйцевъ, и нѣкоторыя племена, извѣстныя за искусственныхъ охотниковъ на гарпії, при помощи этой охоты приобрѣтаютъ все, чему индѣйцы придаютъ цѣну. Въ Перу счастливый охотникъ получаетъ еще особую награду. „Если индѣйцу удастся убить гарпію“, говоритъ Чуди, „то онъ ходить со своей добычей изъ хижины въ хижину и собираетъ пошлину яйцами, курами, маисомъ и т. п. вещами.“ У дикарей и европейцевъ, живущихъ по берегамъ Амазонки, мясо, жиръ и пометъ гарпії считаются лекарственными, цѣлебными средствами.

Плѣнныхъ гарпії не разъ уже привозили въ Европу, а именно въ Лондонъ, Амстердамъ и Берлинъ. Это поистинѣ гордыя, величественные птицы. О томъ, какъ онѣ держать себя въ клѣткѣ, ходить много рассказовъ, но мы будемъ правы, если обратимъ вниманіе только на сообщеніе Пурламака. „Въ музей Ріо де Жанейро привезли съ Амазонки молодую гарпію, которая едва умѣла летать; теперь ей уже восемь лѣтъ, и она величиной съ индюка. Она иногда сидитъ въ своей клѣткѣ съ величайшимъ спокойствиемъ, закинувъ голову назадъ, поводя кругомъ глазами, и тогда кажется дѣйствительно величественной; но большою частью она беспокойно бѣгаєтъ взадъ и впередъ по жердямъ. Когда мимо нея пролетаетъ какая-нибудь птица, лицо гарпії тотчасъ же принимаетъ дикое выраженіе; она оживленно двигается и при этомъ сильно кричитъ. Приведенная въ ярость, она можетъ согнуть желѣзные прутья своей клѣтки. Несмотря на долгую неволю, гарпія не стала ручною, не привязалась къ человѣку, ухаживавшему за нею, и однажды нанесла ему даже порядочную рану въ плечо. По отношенію къ зрителямъ она дика, и кто неосторожно приближается къ ней, на того она накидывается. Если подразнить ее палкою или зонтикомъ, она немедленно мстить тѣмъ, что схватываетъ протянутый предметъ когтями и съ яростью ломаетъ. Къ животнымъ она относится съ неудержимою злобою. Такъ, одну собаку, неосторожно приблизившуюся къ ея клѣткѣ, гарпія тотчасъ же втащила къ себѣ и разорвала на куски; то же самое сдѣлала она съ молодымъ дикобразомъ. Она нападаетъ и на себѣ подобныхъ птицъ. Когда въ ея клѣтку посадили другую живую гарпію, то обѣ тотчасъ же приняли воинственные позы. Болѣе старая птица влѣзла на верхнюю жердь и распустила крылья, молодой новичекъ при-

жался къ стѣнкѣ въ такомъ же положеніи. Сторожъ бросилъ тогда курицу въ клѣтку, и молодая птица набросилась на нее съ жадностью. Но старая гарпія тотчасъ же накинулась на молодую, вырвала у нея курицу и вмѣстѣ съ добычей взлетѣла на свою жердь. Новоприбывшая гарпія испустила крикъ, зашаталась, изъ клюва у нея потекла кровавая слизь, и птица упала мертвовою. Вскрытіе показало, что у нея было пробито клювомъ сердце.

„Птица эта ненасытна и обладаетъ такою жадностью, что нападаетъ на всякихъ животныхъ, четвероногихъ и пернатыхъ, какихъ только можетъ схватить, и съѣдаетъ ихъ съ мясомъ и костями. Гарпія нуждается въ невѣроятномъ количествѣ пищи; еще будучи совсѣмъ молодою, она съѣдала въ одинъ день поросенка, индука, курицу и кусокъ воловьяго мяса. Гарпія ни отъ чего не отказывается, и только особенно лакомые куски иногда на нѣсколько часовъ откладываетъ въ сторону. Живыхъ звѣрей она предпочитаетъ мертвымъ. Если добыча ея грязна или запорчена, то гарпія бросаетъ ее въ свою чашку съ водой, чтобы обмыть. Несмотря на свою силу, гарпія бываетъ осторожна при нападеніи. Сильныхъ птицъ она схватываетъ когтями за клювъ такъ, что онъ теряетъ возможность сопротивляться. Во время ъды гарпія громко кричитъ и при этомъ бьетъ крыльями. Эта крикъ пронзителенъ, почти оглушителенъ; когда же гарпія не бываетъ возбуждена, то пищитъ почти такъ же, какъ цыпленокъ.“

*

Европейскій ястребъ-перепелятникъ является представителемъ распространенного по всему лицу земли рода ястребовъ (*Accipiter*). Главнѣйшие признаки этого рода: продолговатое туловище съ маленькой головой и изящнымъ клювомъ, загнутымъ въ видѣ очень острого крючка, короткія крылья, длинный, прямо обрубленный хвостъ и очень высокая слабая плюсна съ тонкими, длинными пальцами, вооруженными крайне острыми когтями. Опереніе весьма сходно окрашено какъ у молодыхъ, такъ и у старыхъ птицъ.

Изъ родственныхъ имъ хищныхъ птицъ ястребы самые ловкие и сильные. Помимо этого, они обладаютъ всѣми свойствами наиболѣе совершенныхъ представителей своего семейства.

Ястребъ-перепелятникъ (*Accipiter nisus*) — одинъ изъ самыхъ мелкихъ видовъ своего семейства. Длина его 32, ширина 64, длина крыльевъ 20, длина хвоста 15 см. Значительно болѣе крупная самка на 8—9 см. длиннѣе и на 12—15 см. шире самца. У старыхъ птицъ вся верхняя сторона черновато-пепельно-серая, нижняя сторона бѣлая съ ржаво-красными волнообразными линіями и ржаво-красными же штрихами на стержняхъ, которые у самцовъ бываютъ окрашены ярче, нежели у самокъ. Хвостъ украшенъ 5—6-ю черными полосами и съ бѣлой каймой на концѣ. Клювъ синій, восковица желтая, радужная оболочка золотисто-желтая, ноги блѣдо-желтые.

Въ Европѣ ястребъ-перепелятникъ встрѣчается, повидимому, повсемѣстно, и въ большей части Азии это, вѣроятно, осѣдлая птица. Благодаря составу европейскихъ лѣсовъ, ястребъ чаще встрѣчается въ Европѣ, чѣмъ въ Азии, но и здѣсь водится во всякой подходящей для него мѣстности. Онъ обитаетъ во всевозможныхъ лѣсахъ, особенно же въ рощахъ, расположенныхъ среди полей и преимущественно въ гористыхъ мѣстностяхъ, но человѣка ничуть не избѣгаетъ, а напротивъ, охотно селится близъ деревень и городовъ и посѣщаетъ ихъ правильно по крайней мѣрѣ осеню и зимою; онъ охотится даже въ небольшихъ садахъ съ высокими деревьями внутри городовъ и появляется въ такихъ садахъ изо дня въ день въ опредѣленный часъ, если ему удалось здѣсь поймать хоть разъ что-нибудь; иногда онъ не даетъ себѣ даже труда далеко унести свою добычу, а пойдаетъ ее въ укромномъ мѣстечкѣ вблизи обитаемыхъ строеній.

Со смѣстью у ястреба-перепелятника соединяется замѣчательное присутствіе духа, хитрость и коварство. Это настоящій воръ-бродяга или разбойникъ съ большой дороги; по своему образу дѣйствій онъ существенно отличается отъ прочихъ

европейскихъ соколиныхъ птицъ, за исключенiemъ своего короткопалаго родственника и тетеревятника. Онъ умѣеть притворяться лучше всякой другой хищной птицы. Уже Науманнъ разсказываетъ, что, желая обмануть мелкихъ птицъ, ястребъ-перепелятникъ иногда летаетъ, какъ сойка. Это страшный врагъ всѣхъ мелкихъ пернатыхъ, который впрочемъ не рѣдко отваживается нападать и на болѣе крупныхъ. Начиная съ куропатки и кончая королькомъ, ни одна птица, повидимому, не можетъ считать себя безопасной отъ его нападеній; маленькими млеко-

Ястребъ-перепелятникъ (*Accipiter nisus*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

питающими онъ также отнюдь не брезгаетъ. Если только ястребъ-перепелятникъ думаетъ, что можетъ одолѣть ту или другую дичь, то храбости и хищности у него для этой цѣли навѣрное хватить; онъ даже рѣшается нападать, и притомъ, повидимому, безцѣльно, на животныхъ, которыхъ въ силахъ сопротивляться. „Однажды“, говорить Науманнъ, „я ходилъ по своей рощѣ и слѣдилъ за цаплей, которая спокойно летѣла надъ самыми деревьями. Вдругъ изъ густыхъ вѣтвей одного изъ послѣднихъ деревьевъ вылетѣлъ ястребъ-перепелятникъ, тотчасъ же схватилъ испуганную птицу за горло, и обѣ съ ужаснымъ крикомъ опустились внизъ. Я тотчасъ же подбѣжалъ, но ястребъ слишкомъ рано замѣтилъ меня; онъ испугался и выпустилъ цаплю, послѣ чего каждая изъ птицъ полетѣла своей дорожкой. Я очень желалъ бы знать, что вышло бы изъ этой не-

равной борьбы, если бы я не помѣшилъ обѣимъ птицамъ. Не одолѣлъ ли бы и не убилъ-ли бы маленький, безумно-смѣлый разбойникъ цаплю?"

Всѣ мелкія птицы знаютъ и страшно боятся своего злѣйшаго врага. Завидѣвъ его, воробы отъ страха зализаются въ мышиныя норы, и всѣ прочія птицы спасаются отъ него по возможности подобнымъ же способомъ. Иныя птицы при этомъ обнаруживаются не мало смышености. Однѣ описываютъ небольшіе круги вокругъ вѣтвей деревьевъ или вокругъ стволовъ, причемъ ястребъ, несмотря на всю свою ловкость, не можетъ за ними такъ быстро слѣдоватъ; такимъ образомъ, имъ удается немножко опередить своего врага, и тогда онъ съ быстротою молніи бросаются въ густой кустарникъ; другія птицы при появлѣніи разбойника плашмя кидаются на землю, лежать неподвижно, и тогда хищникъ часто не замѣчаетъ ихъ; словомъ, всякий по мѣрѣ своихъ силъ старается спастись. Наиболѣе ловкія изъ мелкихъ пернатыхъ преслѣдуютъ злодѣя громкимъ крикомъ и такимъ образомъ обращаются на него вниманіе другихъ птицъ и заставляютъ ихъ быть осторожными. Особенно деревенскія ласточки часто портятъ ему охоту. Добычу свою ястребъ - перепелятникъ относитъ въ скрытое мѣсто, вырывается у нея большія перья и затѣмъ не торопясь съѣдаетъ єё. Кости, перья и волосы онъ потомъ выплевываетъ въ видѣ комьевъ. Одно изъ его лакомыхъ кушаний составляютъ птенцы, еще не вылетѣвшіе изъ гнѣзда и упавшіе на землю; но онъ не щадить и яицъ.

Голосъ ястреба-перепелятника слышится рѣдко, обыкновенно только около гнѣзда. Это быстро повторяемый звукъ „ки ки ки“ или протяжный звукъ „кѣк кѣк“. Первый крикъ, кажется, служить предостереженіемъ.

Гнѣздо устраивается въ чащѣ или на высокихъ, прямыхъ деревьяхъ; рѣдко оно помѣщается высоко надъ землею, но по возможности въ хорошо скрытомъ мѣстѣ и, если это мыслимо, то на хвойныхъ деревьяхъ, близко къ стволу. Между 10-мъ мая и 20-мъ июня въ гнѣзда можно найти 3—5 умѣренной величины яицъ, усѣянныхъ по известково-блѣому, болѣе или менѣе сѣроватому или зеленоватому фону красновато-бурыми, глинисто-красными и сѣровато-синими большими и мелкими пятнами и точками. Оба родителя приносятъ своимъ птенцамъ кормъ въ изобиліи; но только самка въ состояніи надлежащимъ образомъ измѣльчить этотъ кормъ. Замѣчено, что молодые ястребы-перепелятники, даже получая обильную пищу, умирали съ голоду, если бывала убита мать, такъ какъ отецъ не умѣлъ сдѣлать для нихъ корма съѣдочнымъ.

Болѣе крупные изъ настоящихъ соколовъ и тетеревятники безъ всякихъ колебаній съѣдаются ястреба-перепелятника, если только имъ удается поймать его; мелкія птицы выражаютъ ему свою ненависть по крайней мѣрѣ тѣмъ, что преслѣдуютъ его. Человѣкъ весьма враждебно относится къ этому несомнѣнно вредному разбойнику вездѣ, гдѣ ознакомился съ его пагубнымъ образомъ дѣйствий. Эта хищная птица не заслуживаетъ пощады, а заслуживаетъ самаго упорного и немилосерднаго преслѣдованія. Однако, у многихъ азиатскихъ народовъ ястребъ-перепелятникъ еще донынѣ пользуется большимъ уваженіемъ и имѣть многихъ друзей. На южномъ Уралѣ его чаще дрессируютъ для охоты, чѣмъ другихъ соколовъ, главнымъ образомъ впрочемъ только для охоты на перепеловъ. Въ Персіи и Индіи ястребовъ-перепелятниковъ также дрессируютъ и съ успѣхомъ пользуются ихъ услугами.

*

Европейскій тетеревятникъ (*Astur palumbarius*) не только по имени, но и по характеру своему является въполномъ смыслѣ слова ястребомъ.

Это большая, сильная хищная птица длиною въ 55 см.; размахъ ея крыльевъ 1,1 метра, длина крыльевъ 31, длина хвоста 22 см. Значительно болѣе крупная и болѣе сильная самка на 12—15 см. длиннѣе и на 15—18 см. шире самца. У взрослой птицы верхняя часть тѣла черновато-сѣроватая, съ болѣе или менѣе яснымъ пепельно-синимъ налетомъ, нижня сторона блѣлая, но каждое перо украшено буровато-черными штрихами на стержняхъ. Клювъ чернаго рогового цвѣта, восковица блѣдно-желтая, глаза ярко желтые, ноги желтые. У молодой птицы

верхняя сторона бурая, каждое перо съ ржаво-желтой каемкой и пятномъ, нижняя сторона ржаво-красноватая, впослѣдствіи ржаво-блѣловатая съ бурыми продольными пятнами. Клювъ, глаза, ноги и восковица блѣдиѣ, чѣмъ у старыхъ птицъ.

Область распространенія тетеревятника занимаетъ большую часть Европы и средней Азіи. Внутри же указанныхъ предѣловъ онъ встрѣчается вовсе не вездѣ, а если и встрѣчается, то не вездѣ одинаково часто. Въ тѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Германіи, где нѣть надлежащаго надзора за охотничими районами, онъ представляеть собою обыкновенное явленіе и скорѣе даже увеличивается, чѣмъ умень-

Тетеревятникъ (*Astur palumbarius*). Молодой самецъ. $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

шается численно, между тѣмъ какъ въ другихъ округахъ происходить какъ разъ обратное. Гдѣ тетеревятникъ однажды поселился, тамъ трудно изгнать его, если только условія для его жизни скольконибудь благопріятны. Ему нуженъ густой лѣсъ, гдѣ онъ могъ бы пользоваться спокойствіемъ и откуда легко могъ бы раздѣбывать себѣ пропитаніе; хвойные и лиственные деревья ему, вѣроятно, одинаково приходятся по вкусу, особенно же любить онъ такие лѣса, которые чередуются съ полями и лугами, но въ большихъ лѣсахъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ небольшихъ рощахъ.

Одинокая, необщительная птица, тетеревятникъ только въ пору спариванья и вывода пребываетъ вмѣстѣ съ супругой; это существо въ высшей степени небузданное, дикое, смѣлое, быстрое, сильное, и притомъ хитрое и осторожное. Полетъ у тетеревятника всегда быстрый; но когда онъ кидается на добычу, то летить стремительно и шумно и часто парить; при этомъ длинный хвостъ

обыкновенно немного раскрывается. Врядъ-ля какая-нибудь другая соколиная птица дѣлаетъ при полетѣ столько разнообразныхъ движений и умѣеть соединять быстроту полета съ внезапными, неожиданными поворотами и стремительное преслѣдованіе съ замѣчательной для такой большой птицы ловкостью. Вотъ тетеревятникъ быстро поднимается вверхъ, нѣсколько разъ паритъ, внезапно опускается внизъ, летить съ величайшою вѣрностью сквозь густыя деревья и появляется то наверху, то внизу. На землѣ онъ неловокъ, обыкновенно прыгаетъ и рѣдко ходить. Голосъ его — громкій, далеко разносящійся, противный крикъ, который, впрочемъ, слышится рѣдко. Разсерженный или недовольный тетеревятникъ издаетъ протяжный крикъ „иві“; если ему посчастливилось поймать что-нибудь, онъ кричитъ „иві иві“; при спариваніи издается крикъ „гѣк гѣк гѣк“, „гик гик гик“, а затѣмъ, быстро одно за другимъ „къяк къяк“; въ страхѣ онъ кричитъ или „ві ві“, или же издаетъ тихое „вис вис“.

Тетеревятника можно видѣть дѣятельнымъ во всякое время дня, даже въ полуденные часы, когда большинство остальныхъ птицъ отдыхаютъ. Онъ довольно правильно облетаетъ большой участокъ и туда, где охота у него была хоть разъ удачна, долгое время возвращается изо дня въ день. Его поразительная прожорливость заставляетъ его охотиться почти непрерывно; подобно яструбу-перепелятнику, онъ рѣдко бываетъ сѣть, чувствуетъ постоянный голодъ или, по крайней мѣрѣ, всегда бываетъ преисполненъ кровожадности. Охотится онъ на всѣхъ птицъ, начиная съ дрохвы и глухаря и кончая маленькими выюрками, и на всѣхъ млекопитающихъ, съ которыми надѣется справиться. Онъ кидается на зайца съ цѣлью убить его, схватываетъ кусающуюся ласку съ земли, вынимаетъ изъ гнѣзда бѣлку, разбояничаетъ какъ на лету, такъ и сидя, кидается на плавающихъ птицъ и на бѣгающихъ млекопитающихъ, вытаскиваетъ свою добычу даже изъ тѣхъ мѣстъ, где она скрылась. Безумный страхъ охватываетъ животныхъ, которыхъ знаютъ, что имъ грозитъ нападеніе тетеревятника; онъ часто наводить на нихъ такой ужасъ, что при видѣ его они въ оѣпенѣніи не трогаются съ мѣста. Смѣость тетеревятника превосходитъ еще его хитрость, а кровожадность его еще больше его смѣости: пощады онъ никому не даетъ.

Онъ постоянно гоняется за домашними голубями, и одна единственная пара тетеревятниковъ можетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ истребить обитателей цѣлой голубятни. Завидѣвъ тетеревятника, голуби поспѣшно обращаются въ бѣгство; тетеревятникъ же съ быстротою стрѣлы пускается въ косомъ направленіи вслѣдъ за ними и старается схватить котораго-нибудь изъ нихъ, низвергаясь на него обыкновенно сверху. Это происходитъ съ такою быстротою, что при этомъ возникаетъ шорохъ, который можно слышать на разстояніи 100—150 шаговъ. Если тетеревятнику не удается завладѣть голубемъ при помощи преслѣдованія, то онъ прибѣгаешьъ къ хитрости. „Въ моемъ подольскомъ имѣніи“, говорить графъ Водзицкій, „много занимались разведеніемъ голубей, и скоро ими переполнились всѣ голубятни. Скоро такое множество голубей привлекло со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ тетеревятниковъ и соколовъ, такъ какъ птицы, какъ извѣстно, извѣщаются другъ друга объ опасности и такимъ же образомъ приглашаются другъ друга на обѣдь. Моихъ голубей начали съ этихъ поръ такъ преслѣдовать, и они стали такъ уменьшаться численно, что больше не рѣшались вылетать въ поле и искали себѣ пропитанія между строеніями. Большая осторожность голубей заставила хищныхъ птицъ прибѣгнуть къ хитрости. Голуби очень рѣдко выходили изъ своихъ укромныхъ уголковъ и никогда не удалялись далеко отъ усадьбы, причемъ всегда летали надъ самой землей. Эта странная игра продолжалась болѣе недѣли. Хищнымъ птицамъ пришлось убраться во свояси; только два хитрыхъ тетеревятника умѣли ежедневно добывать себѣ пропитаніе при помощи искусной охоты. Одинъ изъ нихъ цѣлыми часами просиживалъ, растопыривъ крылья, на соломенной крыше, въ довольно скрытомъ мѣстѣ; онъ не двигался, сидѣлъ, втянувъ шею, очевидно подражая позѣ совы. Голуби скоро стали довѣрчивѣ, начали садиться на ту же крышу, причемъ злодѣй не шевелился; но когда голуби влетали въ голубятню или вылетали изъ нея, онъ стрѣлою кидался на нихъ, рѣдко давалъ маху, а схва-

тивъ добычу, всегда улетаю съ нею въ садъ, отлично зная, что тамъ никогда не стрѣляютъ, такъ какъ сады расположены междустроеніями. Второй тетеревятникъ, еще болѣе смѣленый, храбрый и продувной, прилетаю каждый день въ одинъ и тотъ же часъ, пугалъ голубей, заставляю ихъ забираться въ голубятню, а затѣмъ начинай настоящую охоту съ загономъ. Онъ садился на входную дощечку, бѣгалъ вокругъ голубятни, становился затѣмъ, раскрывъ крылья, на одну сторону голубятни и до тѣхъ поръ стучалъ по дощечкамъ, танцуя на одномъ мѣстѣ, пока ему не удавалось выгнать одного голубя, вслѣдь за которымъ онъ тотчасъ же устремлялся.

Съ такой же неутомимостью, какъ щитъ, тетеревятникъ преслѣдуется и млечопитающихъ. „Съ молодыми зайцами“, говоритъ мой отецъ, „онъ легко справляется, но на старыхъ нападаетъ по извѣстнымъ правиламъ. Когда заяцъ хочетъ спастись бѣгствомъ, тетеревятникъ нѣсколько разъ подрядъ ударяетъ его клювомъ, затѣмъ, когда заяцъ уже раненъ или измученъ, схватываетъ его лапами и постепенно убиваетъ клювомъ и когтями.“

Если только возможно, тетеревятникъ отнюдь не довольствуется одной жертвой, а убиваетъ одну за другую столько щитъ, сколько можетъ, а затѣмъ спокойно сѣѣдаетъ ихъ.

Весьма вѣроятно, что необщительность тетеревятника происходитъ отъ его страшной прожорливости. Замѣчено, что плѣнныи тетеревятники очень склонны убивать членовъ своей собственной семьи. Болѣе сильный тетеревятникъ пожираетъ болѣе слабаго, будь то его супругъ, птенецъ, отецъ или мать.

Какъ только онъ показывается, его встрѣчаютъ съ неописуемою ненавистью. Особенно ворѣны, которыхъ онъ, вѣроятно, уносить иногда, когда онѣ сидятъ, преслѣдуютъ его неутомимо и бросаются вслѣдъ за нимъ, забывая о грозящей имъ самимъ опасности. „Одинъ тетеревятникъ“, продолжаетъ мой отецъ, „преслѣдуемый тремя ворѣнами, иногда пытался схватывать ихъ; но онѣ умѣли такъ искусно увертываться, что ему никогда не удавалось ранить ни одной. Когда ворѣны такъ гнались нѣсколько времени за тетеревятникомъ, этотъ послѣдний увидѣлъ на разстояніи 300 шаговъ голубей на крыши: онъ тотчасъ же послѣшилъ туда и бросился внизъ съ высоты болѣе 160 метровъ, но вернулся безъ голубя. Ворѣны, казалось, были крайне удивлены тѣмъ, что онъ устремился внизъ. Пока онъ парилъ, онѣ легко могли за нимъ слѣдоватъ; когда же онъ началъ бросаться внизъ, то ни одна не была въ состояніи сопутствовать ему. Лишь когда онъ снова поднялся кверху, нападенія возобновились. Ворѣны снова гоняли его въ теченіе нѣкотораго времени взадъ и впередъ; вдругъ онъ сталъ спускаться внизъ по слегка наклонной, почти горизонтальной линіи, такъ пролетѣлъ 200 метровъ, поймавъ одного голубя и съ нимъ улетѣлъ. Но ворѣны очень скоро замѣтили это и такъ погнались за нимъ, что онъ долженъ былъ выпустить голубя и отказаться отъ всякой попытки поймать другого.“ *

Гнѣздо помѣщается на самыхъ старыхъ и высокихъ деревьяхъ лѣса, большую частью на толстыхъ вѣтвяхъ близъ ствола. Въ послѣднюю половину апрѣля или въ началѣ мая самка кладетъ яйца, въ числѣ 2—4; они крупные и по зеленовато-блѣющему фону скудно покрыты желтыми пятнами, иногда же совсѣмъ безъ пятенъ. Самка предается высиживанью съ величайшимъ усердіемъ, не покидаетъ гнѣзда даже въ томъ случаѣ, если ей нѣсколько разъ помѣшаютъ, иногда даже не взлетаетъ, если гнѣздо обстрѣливаютъ дробью. Потомство свое оба супруга защищаютъ отъ нападеній, причемъ иногда обнаруживаются храбрость, доходящую до безумія. Замѣчено, что тетеревятники набрасывались на людей, вальявшихъ на дерево, гдѣ находилось гнѣздо; не разъ даже случалось, что тетеревятники въ пору спариванья, даже не будучи ничѣмъ раздражены, нападали на людей и даже на лошадей. Птенцы быстро растутъ,ѣдятъ, впрочемъ, невѣроятно много, и у обоихъ родителей заботъ полонъ ротъ, чтобы утолить ненасытный голодъ дѣтей. Тогда гнѣздо обращается въ сущую бойню. Оба старика тащатъ туда все, что только находятъ: иногда приносятъ цѣлые гнѣзда съ птенцами, особенно найденные ими гнѣзда обыкновенныхъ и черныхъ дроздовъ.

Тетеревятника разумѣется усердно преслѣдуютъ за то страшное зло, какое онъ причиняетъ и которое часто непосредственно касается человѣка.

Плѣнныи тетеревятникъ для насъ столь же ненавистная птица, какъ и живущий на свободѣ. Его дикость и злоба, его неуживчивость и кровожадность скоро дѣлаютъ его для насъ въ высшей степени отвратительнымъ. Старые сокольничыи высоко цѣнили тетеревятника, и до сихъ поръ его цѣнятъ въ Азіи вездѣ, гдѣ дрессируютъ этихъ птицъ для охоты. За хорошо дрессированную самку тетеревятника обыкновенно платится 20—50 рупій, а за самца 10—30 рупій.

*

Въ Африкѣ европейскихъ тетеревятниковъ замѣняютъ родственная имъ птицы, получившия название пѣвчихъ ястребовъ (*Asturina*). Отъ европейскихъ своихъ родственниковъ они отличаются болѣе стройнымъ сложеніемъ, болѣе слабымъ клювомъ, нѣсколько болѣе длинными крыльями, закругленнымъ хвостомъ и болѣе высокими, крѣпкими плюснами съ сравнительно болѣе короткими пальцами и когтями.

На югѣ Африки живеть самый крупный видъ этого рода, пѣвчій ястребъ (*Asturina musicus*), въ средней Африкѣ— отличающійся отъ него главнымъ образомъ меньшими размѣрами саранчевый ястребъ (*Asturina polyzona*). Говорять, что самецъ пѣвчаго ястреба заслуживаетъ свое название, такъ какъ иногда непрерывно въ теченіе цѣлыхъ часовъ распѣваетъ, хотя и на свой особый ладъ, довольно хорошую пѣсенку.

*

Луни (*Circus*)—соколиные птицы средней величины и стройнаго сложенія съ маленькимъ, нѣсколько слабымъ тѣломъ, съ тонкимъ, слабымъ, сильно загнутымъ клювомъ, снабженнымъ длиннымъ крючкомъ и тупымъ зубцомъ, съ очень длинными, тонкими и короткопалыми ногами, съ большими и длинными, но довольно узкими крыльями, съ широкимъ хвостомъ средней длины и мягкимъ опереніемъ съ шелковистымъ блескомъ. Въ крылья третья и четвертое маховое перо длиннѣе прочихъ. На лицѣ перья образуютъ личное покрывало.

Полевой лунь (*Circus cyaneus*) одна изъ самыхъ красивыхъ въ Европѣ соколиныхъ птицъ. У взрослого самца верхняя сторона, за исключеніемъ затылка, покрыта бурими и бѣлыми полосами, окрашена въ свѣтлый пепельно-бурый цвѣтъ, вся нижняя сторона—въ бѣлый цвѣтъ. У взрослой самки верхняя сторона сѣровато-желтовато-бурая; на задней части головы, шеѣ и на верхней части крыла перья украшены ржаво-желтоватыми каемками; нижняя сторона по ржаво-желтоватому фону покрыта бурими продольными пятнами, а хвостъ покрытъ бурими и ржаво-желтыми полосами. Глаза, восковица и ноги лимонно-желтаго цвѣта. Клювъ рогового чернаго цвѣта. Длина 46, ширина 113 см.

Въ южной Россіи, въ приудайскихъ низменностяхъ, въ Турціи и Греціи, на югѣ средней Азіи и въ сѣверной Африкѣ полевого луния замѣняетъ степной лунь (*Circus macrourus*), который не разъ залеталъ въ Германію и даже вывѣдилъ тамъ птенцовъ.

Полевой лунь водится въ довольно обширной области. Онъ живеть во всей средней Европѣ и въ значительной части средней Азіи, во время своего перелета посѣщаетъ всѣ страны сѣверной Африки вплоть до экватора и южную Азію, останавливаясь въ подходящихъ для него мѣстахъ. На сѣверѣ приблизительно 55-й градусъ широты составляетъ границу той области, где онъ обитаетъ. Это характерный обитатель равнинъ, особенно такихъ, где поля чередуются съ лугами и водой.

По нравамъ и привычкамъ оба указанныхъ вида луней отличаются другъ отъ друга лишь немногими несущественными мелочами; поэтому достаточно будетъ подробно разсмотрѣть одного полевого луния. Онъ въ послѣднихъ числахъ марта прилетаетъ въ Германію, поселяется въ своемъ участкѣ и начинаетъ вести такой правильный образъ жизни, что птицу эту трудно не замѣтить. Раскачиваясь

при полетѣ, колеблясь и, повидимому, невѣро подвигаясь впередъ, онъ то парить, поднявъ крылья надъ тѣломъ, то вяло машеть крыльями, и низко надъ землею летить своей дорогой, болѣею частью вдоль кустарника, ручья или канавы съ водою, иногда вдоль ряда кустовъ; часто спускается онъ внизъ, словно схватывая при этомъ всякий разъ добычу, но въ большинствѣ случаевъ поднимается вверхъ безъ таковой, затѣмъ, какъ прежде, продолжаетъ свой полетъ и, наконецъ, описывая широкія дуги, возвращается къ исходному пункту своего путешествія.

Гнѣздо, сооружаемое полевымъ лунемъ, представляетъ собою жалкую постройку. Оно всегда располагается на землѣ или въ раскидистомъ низкомъ кустѣ, среди молодыхъ древесныхъ побѣговъ или среди хлѣбныхъ всходовъ, въ высокой травѣ на болотистыхъ лугахъ и даже въ камышѣ или въ тростникѣ, но въ такомъ случаѣ всегда на возвышеніи. Въ сущности гнѣздо полевого луна представляетъ собою не болѣе какъ беспорядочную кучу сухихъ прутьевъ, стебельковъ травы и тростника, картофельныхъ стеблей, кусковъ помета и т. д.; все это хватается лапами и сносится въ одно мѣсто, здѣсь нагромождается почти безъ помощи клюва и небрежно выстилается принесеннымъ такимъ же способомъ мхомъ, перстю животныхъ, перьями и другими мягкими материалами. Яйца, въ числѣ 4—5, рѣже 6, болѣею частью бывають похожи на яйца совъ, окрашены въ зеленовато-блѣлый цвѣтъ, обыкновенно безъ всякихъ рисунковъ, или же бывають покрыты нѣсколькими мелкими красновато-сѣрыми или желтовато-бурыми крапинками. Молодые, прехорошенькие луны, одѣтые въ густую сѣроватую пуховую одежду, сидятъ въ гнѣзда, прижимаясь другъ къ другу головками; при приближеніи чуждаго существа они плашмя присѣдаютъ къ землѣ и остаются въ такомъ положеніи, словно мертвыя, пока врагъ не схватить ихъ или не удалится; при этомъ они молчатъ, хотя въ другое время оживленно пищать, вродѣ цыплять. Вначалѣ молодыя птицы обыскиваютъ свой участокъ вмѣстѣ съ родителями, которые учать дѣтей своихъ охотиться; но скоро молодые луны начинаютъ чувствовать желаніе действовать самостоительно и еще до истечения 3-хъ недѣль охотятся уже совершенно такъ же, какъ старики. Нельзя отрицать, что эта красивая, свѣтло-синяя птица, особенно весною, когда она летаетъ надъ зелеными полями, является истиннымъ украшеніемъ равнин; несомнѣнно также, что, поѣдая мышей и насѣкомыхъ, особенно саранчу, лунь приноситъ намъ пользу, а ловя ящерицъ и лягушекъ, кромѣ мышей, составляющихъ его главную пищу, по крайней мѣрѣ не приноситъ намъ вреда; но многочисленные разбои, совершаемые имъ, лишаютъ его права пользоваться нашей защитой и покровительствомъ. Несмотря на свою кажущуюся слабость, это столь же смѣлый, какъ и опасный врагъ всѣхъ животныхъ, которыхъ онъ можетъ одолѣть. Онъ проливаетъ кровь всякаго мелкаго млекопитающаго, начиная отъ суслика и молодого зайченка, отъ полуувзрослаго фазана и куропатки до славки и уносить въ своихъ когтяхъ изъ расположеннаго на землѣ гнѣзда всякую молодую, еще беспомощную птицу. Вполнѣ оперившихся и хорошо летающихъ птицъ онъ, правда, ловить не въ состояніи; но самку, высиживающую своихъ птенцовъ на землѣ, онъ уносить такъ же ловко, какъ утаскиваетъ изъ гнѣзда полуувзрослыхъ птенцовъ или яйца.

Съ воронами полевой лунь постоянно ссорится, и многое приходится ему терпѣть со стороны храбрыхъ мелкихъ пташекъ, особенно ласточекъ и трясогузокъ. Изъ людей всего опаснѣе для него былъ бы собиратель птичьихъ яицъ, ибо отъ охотника онъ въ большинствѣ случаевъ ухитряется улетѣть. Филинъ-пугачъ, помѣщенный около гнѣзда полевого луна, обыкновенно заманиваетъ только молодыхъ птицъ, а западни болѣею частью не достигаютъ цѣли, кромѣ развѣ тщательно прикрытой и содержащей надлежащую приманку желѣзной тарелки. Такимъ образомъ, охота на луня, въ сущности, зависитъ отъ случая.

Въ неволѣ полевой лунь, даже пойманный уже старымъ, значительно спокойнѣе другихъ соколиныхъ птицъ, кромѣ своихъ ближайшихъ родственниковъ. Чтобы онъ остался живымъ, надо кормить его всевозможнымъ мелкимъ звѣремъ, а чтобы вырастить его, приходится еще измельчать эту пищу.

Въ Германиі, на ряду съ полевымъ лунемъ, водится въ иныхъ мѣстахъ замѣняетъ полевого луна. Длина лугового луна 44, ширина 125, длина крыльевъ 48, длина хвоста 23 см. У старого самца, несомнѣнно самаго красиваго изъ всѣхъ живущихъ въ Германиі луней, голова, затылокъ, спина и верхняя часть груди синевато - пепельно - сѣраго цвѣта, причемъ затылокъ и спина темнаго пепельно-сѣраго цвѣта; нижняя часть груди, брюшко и перья на ногахъ бѣлые, украшенныя узенькими ржаво-красными штрихами на стержняхъ. Маховыя перья первого порядка черные, маховыя перья второго порядка свѣтлого пепельно-синяго цвѣта съ черной полосой, самая заднія малыя маховыя перья буровато-сѣрыя; оба среднихъ хвостовыхъ пера пепельно-сѣрыя, прочия свѣтлѣе, причемъ внутреннее опа-

Камышевый лунь (*Circus aeruginosus*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

хало по направлению кнаружи становится шире, оба же боковыхъ пера ржаво-буроватыя, всѣ съ черной каемкой. Радужная оболочка у старыхъ птицъ ярко-желтая, у молодыхъ кария, клювъ синевато-черный, восковица желтая, очень высокая и тонкая, ноги воскового желтаго цвѣта.

Луговой лунь водится въ столь же обширной области, какъ и разсмотрѣнные его родственники; но птица эта принадлежитъ болѣе восточной, нежели западной части сѣвера Старого Свѣта. Въ Германиі этотъ видъ встрѣчается рѣже другихъ видовъ того же рода, но въ известныхъ мѣстностяхъ всегда водится. Соответственно своему названию, луговой лунь селится въ обширныхъ лугахъ или, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, въ болотахъ, значительное пространство которыхъ высохло; поэтому онъ преимущественно встрѣчается вблизи рѣкъ и въ низменностяхъ, которые зимою при высокомъ уровнѣ воды бываютъ залиты водою.

Послѣдній интересный для настѣнъ видъ разматриваемаго рода — это камышевый лунь (*Circus aeruginosus*). Одежда его бываетъ довольно различна не только въ зависимости отъ пола и возраста, но меняться и въ зависимости отъ временъ года. У старого самца перья на лбу и на темени съ буровато-желтыми

каемками, прочия перья верхней стороны кофейного цвета, перья передней части шеи и передней части груди с буровато-желтыми пятнами; на остальной ~~нижней~~ стороне перья ржаво-красные, на концах светлые, большая маховая перья ~~чирюшевато-бурые~~, часть малых маховых перьев и большая кроющая перья ~~крыльев~~ красивого пепельно-серого цвета, рулевые перья более светлого серого цвета с красноватым налетом. У старой самки окраска всегда бывает меньше яркая и более однообразная, а именно пепельно-серый цвет перьев и хвоста редко бывает явственным, хвост же, при рассматривании сверху, кажется серовато-буроватым; голова желтовато-белая, покрытая темными полосками на стержнях; на затылке с каждой стороны замечается светлое пятно, плечи, личной покров и грудь также окрашены светлее. У молодой птицы, в общем, похожей на самку, преобладает однообразная темно-бурая окраска. Длина камышевого луна 55, размах крыльев 136, длина крыльев 43, длина хвоста 24 см. Самка несколько крупнее.

Начиная с 57 градуса северной широты к югу камышевый лунь водится во всех странах и округах Европы, подходящих для жизни этой птицы. Кроме того, камышевый лунь встречается во всей западной Азии, начиная приблизительно с той широты, на которой расположены Алтайские горы, к югу, но по направлению к востоку становится все реже, напр. на Амуре и в Китае встречается весьма редко. Во время своего перелета камышевый лунь пролетает азиатской материки, а также значительную часть Африки. Больше всех других луней он прикован к низменности, ибо болото и вода составляют настолько существенную потребность его существования, что он никогда, можно сказать, не теряет их из виду.

По образу жизни и характеру камышевый лунь принадлежит к неблагородным хищным птицам, не обладающим лучшими свойствами этой группы животных. Благодаря своему слабому сложению, он может охотиться только на безсильную дичь, которую умершвляет на земле или в какомнибудь укромном углеке болота. Человека он боязливо избегает, умеет также ловко спасаться бегством в камыш или в недоступный места болота, и таким образом, не будучи пугливым в настоящем смысле слова, он большею частью избегает преследования. Пища его состоит почти исключительно из водных и болотных птиц, их птенцов и яиц, а также из молодых птиц, еще не покинувших гнезда. Лишь в случае недостатка такого корма он довольствуется земноводными, рыбой и насекомыми. Старые птицы отлично знают, как лунь умеет разнюхивать, где находятся гнезда, поэтому всячески стараются отогнать его от гнезда и преследуют его жалобным криком и ожесточенными ударами клюва. Дикие гуси, утки и другая плавающая птицы, покидая свои яйца, покрывают их материнскими, из которых строится гнездо, и тщательно стараются скрыть их от взоров луна.

В качестве особого подсемейства рассматриваем мы каракары (*Polyborinae*), американских хищных птиц с сравнительно длинным, при основании прямым, на концах слегка загнутым клювом, лишенным зубцов и снабженным коротким крючком, с высокими и тонкими плюснами ног, короткими крыльями, длинным и широким хвостом и жестким оперением, от которого уздечки, а в исключительных случаях горло и передняя часть лба, остаются свободными, и которое на задней части головы торчит в виде острого пучка.

Относительно родины, места пребывания, образа жизни и характера этих замечательных птиц имеется множество подробных наблюдений. Он замечается не только грифов, но и воронов, воронье и сороки. Куда ни забредешь в южной Америке, начиная от морского берега до высочайших вершин Андов, везде встретишь каракары. „Каракары“, говорить д'Ориньи, „самые назойливые пары птицы человека на различных ступенях его культуры. Временные спутники странствующих дикаря, он сопровождает его от одной опушки леса до другой, вдоль бегущих рек или через равнину и располагаются временно там, где он останавливается. Где бы в течение некоторого времени ни располагался

каемками, прочия перья верхней стороны кофейного цвета, перья передней части шеи и передней части груди с буровато-желтыми пятнами; на остальной нижней стороне перья ржаво-красные, на концах светлые, большая маховая перья черновато-бурые, часть малых маховых перьев и большая кроющая перья крыльев красивого пепельно-серого цвета, рулевые перья более светлого серого цвета с красноватым налетом. У старой самки окраска всегда бывает менее яркая и более однообразная, а именно пепельно-серый цвет перьев и хвоста редко бывает явственным, хвост же, при рассматривании сверху, кажется серовато-буроватым; голова желтовато-белая, покрытая темными полосками на стержнях; на затылке с каждой стороны замечается светлое пятно, плечи, личной покров и грудь также окрашены светлее. У молодой птицы, в общем похожей на самку, преобладает однообразная темно-бурая окраска. Длина камышевого луна 55, размах крыльев 136, длина крыльев 43, длина хвоста 24 см. Самка несколько крупнее.

Начиная с 57 градуса северной широты к югу камышевый лунь водится во всех странах и округах Европы, подходящих для жизни этой птицы. Кроме того, камышевый лунь встречается во всей западной Азии, начиная приблизительно с той широты, на которой расположены Алтайские горы, к югу, но по направлению к востоку становится все реже, напр. на Амуре и в Китае встречается весьма редко. Во время своего перелета камышевый лунь пролетает азиатский материк, а также значительную часть Африки. Более всех других луней он прикован к низменности, ибо болото и вода составляют настолько существенную потребность его существования, что он никогда, можно сказать, не теряет их из виду.

По образу жизни и характеру камышевый лунь принадлежит к неблагородным хищным птицам, не обладающим лучшими свойствами этой группы животных. Благодаря своему слабому сложению, он может охотиться только на безсильную дичь, которую умерщвляет на земле или в какомнибудь укромном углке болота. Человека он боязливо избегает, умеет также ловко спасаться бегством в камыш или в недоступные места болота, и таким образом, не будучи пугливым в настоящем смысле слова, он большею частью избегает преследования. Пища его состоит почти исключительно из водных и болотных птиц, их птенцов и яиц, а также из молодых птиц, еще не покинувших гнезда. Лишь в случае недостатка такого корма он довольствуется земноводными, рыбой и насекомыми. Старые птицы отлично знают, как лунь умеет разнюхивать, где находятся гнезда, поэтому всячески стараются отогнать его от гнезда и преследуют его жалобным криком и ожесточенными ударами клюва. Дикие гуси, утки и другие плавающие птицы, покидая свои яйца, покрывают их материалами, из которых строится гнездо, и тщательно стараются скрыть их от взоров луны.

В качестве особого подсемейства рассматриваем мы каракары (*Polyborinae*), американских хищных птиц с сравнительно длинным, при основании прямым, на концах слегка загнутым клювом, лишенным зубцов и снабженным коротким крючком, с высокими и тонкими плюснами ног, короткими крыльями, длинным и широким хвостом и жестким оперением, от которого уздечки, а в исключительных случаях горло и передняя часть лба, остаются свободными, и которое на задней части головы торчит в виде острого пучка.

Относительно родины, места пребывания, образа жизни и характера этих замечательных птиц имеется множество подробных наблюдений. Он замечается не только грифов, но и воронов, воронь и сорок. Куда ни забредешь в южной Америке, начиная от морского берега до высочайших вершин Андов, везде встретишь каракары. „Каракары“, говорить д'Орбини, „самые назойливые пары птицы человека на различных ступенях его культуры. Время спутники странника-дикаря, он сопровождает его от одной опушки леса до другой, вдоль бегов реки или через равнины и располагаются временно там, где он останавливается. Где бы в течение некоторого времени ни располагался

человѣкъ, гдѣ бы ни строилъ себѣ шалашъ, вездѣ появляется каракара, располагается на немъ, словно первая хочетъ завладѣть имъ, и всегда держится наготовѣ, чтобы поднять отбросы пищи, выкидываемые одинокимъ поселенцемъ. Когда человѣкъ устраиваетъ деревушку, каракара и туда слѣдуетъ за нимъ, поселяется пососѣству и непрерывно сидитъ между домами, около которыхъ разсчитывается найти обильную и безъ труда добываемую пищу. Когда человѣкъ принимается обрабатывать землю и окружаетъ себя болѣшимъ количествомъ домашнихъ животныхъ, неутомимая каракара становится, повидимому, еще болѣе дѣятельной. Теперь существование ея обеспечено; она уже не боится возиться среди поселеній и пользоваться не-брежностью обитателей и то схватываетъ цыпленка, то утаскиваетъ тотъ или другой кусокъ мяса, вывѣшенного сушиться. Подобно грифу, она нерѣдко приносить пользу деревенскимъ и городскимъ жителямъ поѣдая трупы животныхъ и нечистоты." Два вида рассматриваемаго подсемейства постоянно можно встрѣтить передъ дверью жилищъ, расположенныхыхъ въ степи или на опушкѣ лѣсовъ, другіе виды съ тѣми же цѣлями носятся вокругъ домовъ и горъ, треты живутъ въ самыхъ лѣсныхъ пространствахъ, наконецъ есть и такие, которые водятся вдоль морского берега.

Летающую каракару можно узнать издали, такъ какъ крылья ея имѣютъ форму четырехугольнаго обрубка; такая своеобразная форма крыльевъ зависитъ отъ того, что раскрытыя маховыя перья, повидимому, имѣютъ одинаковую длину.

Въ качествѣ представителя рода крикливыхъ луней (*Tytocter*) опишемъ химахиму (*Tytocter crotaphagus*).

У старой птицы общая окраска грязновато-блѣлая; полоска, идущая отъ глаза къ задней части головы, спина, крылья и хвостъ темно-бурые, хвостовая перья, за исключеніемъ широкаго черно-бураго кончика, по блѣловатому фону покрыты узкими черно-бурыми полосками. Самецъ и самка по окраскѣ мало отличаются другъ отъ друга. Длина самца 38, длина самки 40 см., длина хвоста 16—17 см.

Химахима водится въ значительной части южной Америки. Въ Бразилии она вездѣ встрѣчается часто, а въ Гвианѣ преимущественно водится только въ степи, особенно въ высохшихъ болотахъ; въ Чили это обыкновенная птица, на Чилоэ представляетъ собою весьма частое явленіе, на берегу Патагоніи и на Огненной Землѣ все еще правильно встрѣчается. Всего охотнѣе она пребываетъ въ открытыхъ, ровныхъ пространствахъ, особенно на лугахъ, служащихъ пастищами. На Чилоэ ее можно видѣть сидящею на всякой крыше или слѣдующею за всякимъ плугомъ. На морскомъ берегу она также аккуратно появляется, въ горахъ же встрѣчается лишь до извѣстной высоты. Ходитъ она по землѣ увѣренно, летаетъ не слишкомъ быстро, причемъ то парить, то часто взмахиваетъ крыльями. Въ высшей степени сварливая, химахима постоянно склонна къ ссорамъ съ себѣ подобными и со своими родственниками, но съ другими птицами, не принадлежащими къ одному отряду съ нею, живеть въ довольно добрѣ согласіи. По словамъ Дарвина, она есть все, даже хлѣбъ, выброшенный изъ дома вмѣстѣ съ мусоромъ, сырой картофель, который не только воруетъ около домовъ, но даже выкапываетъ изъ земли вскорѣ послѣ того, какъ его поѣдѣли. Эта птица послѣдняя покидаетъ скелетъ падали; химахиму часто можно видѣть въ брюшной полости коровы или лошади, гдѣ она сидитъ словно въ клѣткѣ. Черви и личинки насѣкомыхъ временно представляютъ для химахимы лакомое блюдо, и она постоянно садится на домашнихъ животныхъ, чтобы собирать съ нихъ вѣнцы и другихъ насѣкомыхъ или ихъ личинокъ. Въ болотахъ она ищетъ улитокъ и земноводныхъ; на морскомъ берегу подбираетъ всевозможныхъ морскихъ животныхъ, выброшенныхъ прибоемъ на сушу. На птицѣ и млекопитающихъ химахима, повидимому, не охотится. Всѣ изслѣдователи находили въ желудкахъ убитыхъ ими химахимъ только блѣлыхъ личинокъ и червей, улитокъ и рыбъ, но изъ гдѣ не находили слѣдовъ птицъ. Химахима становится несносна своею воровскостью, назойливостью, еще несноснѣе ея тонкий, звонкій, часто повторяемый свѣрѣзъ, который иногда прямо-таки оглушаетъ.

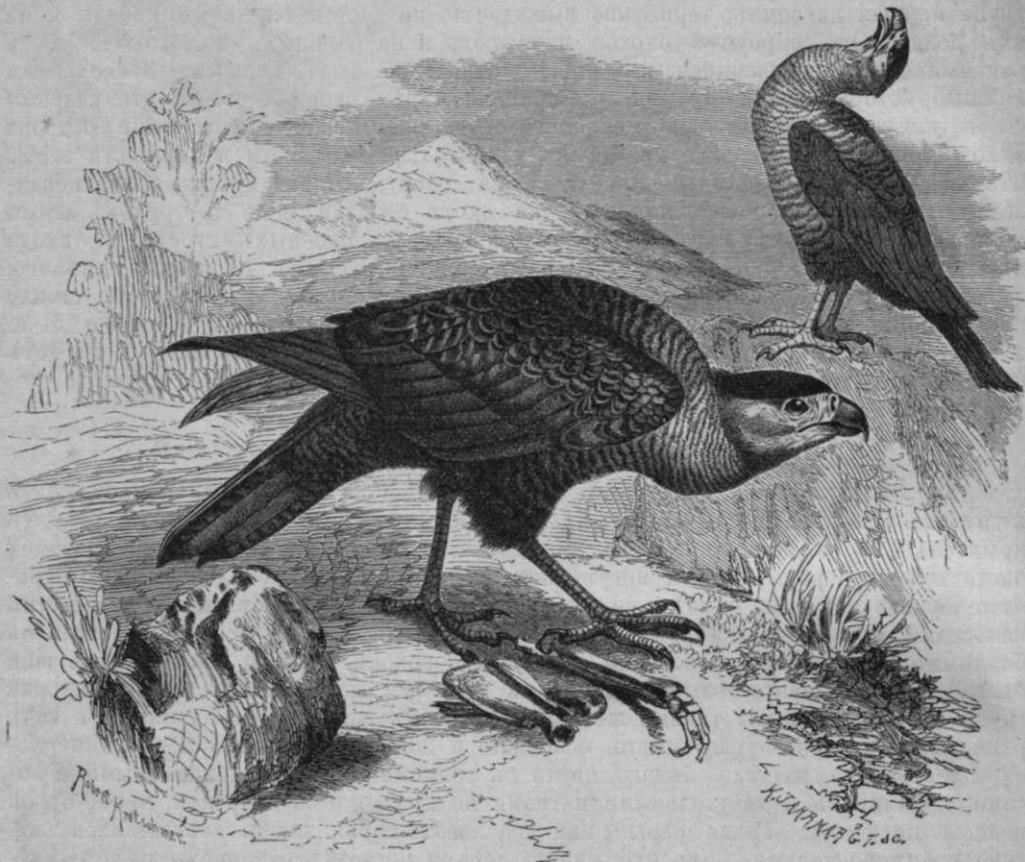
Химанго (*Ibycter australis* и *novaeh-zaelandiae*) хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается вмѣстѣ съ химахимой, но большею частью живетъ на южной оконечности материка. Особенно часто встречается онъ на Фалкландскихъ островахъ, являющихся, повидимому, центромъ области его распространенія. „Эти хищные птицы“, говоритъ Дарвинъ, „во многихъ отношеніяхъ сходны съ другими видами своего семейства. Онъ питается мясомъ мертвыхъ животныхъ и морскими существами. На нѣкоторыхъ островахъ исключительно море доставляетъ имъ пропитаніе. Онъ вовсе не пугливы, скорѣе въ высшей степени безстрашны и ищутъ себѣ всевозможныхъ отбросовъ около самыхъ домовъ. Если компания охотниковъ убьетъ животное, извѣстное количество этихъ птицъ собирается около трупа и, сидя на землѣ, терпѣливо выжидаетъ, не достанется ли что-нибудь и на ихъ долю. Онъ впрочемъ охотно нападаютъ и на раненыхъ животныхъ: одинъ раненый бакланъ, спасшійся на берегъ, тотчасъ же былъ схваченъ нѣсколькими химанго, которые убили его или, по крайней мѣрѣ, ускорили его смерть ударами своего клюва. Офицеры одного военного судна, посѣтившіе Фалкландскіе острова зимою, приводятъ нѣсколько примѣровъ удивительной смѣлости и хищности этихъ птицъ. Такъ, онъ однажды накинулись на собаку, которая крѣпко спала невдалекѣ отъ одного изъ охотниковъ, а на охотѣ стрѣлки лишь съ трудомъ могли помѣшать каракарамъ схватывать на ихъ глазахъ раненыхъ гусей. У входа въ нору кролика часто, какъ разсказываютъ, сидѣть по нѣскольку химанго, а затѣмъ они сообща схватываютъ появляющееся животное. Пока судно стояло въ гавани, эти хищники постоянно летали вокругъ палубы, и надо было хорошо присматривать за ними, чтобы не дать имъ оторвать кожи отъ снастей или чтобы помѣшать имъ украсть мясо и дичь изъ кормы судна.“

*

Къ каракарамъ въ узкомъ значеніи слова (*Polyborus*) принадлежитъ каранхо (*Polyborus brasiliensis*, рис. на стр. 736). Длина его 70, размахъ крыльевъ 125 см., длина крыльевъ 38, длина хвоста 20 см. На верхней и задней части головы перья, которыя могутъ подниматься въ видѣ хохолка, темнаго буро-вато-чернаго цвѣта, на спинѣ перья покрыты черно-бурыми и бѣлыми поперечными полосками, крылья темно-бурыя; большія покровныя и маховыя перья крыла съ блѣдными поперечными полосками, щеки, подбородокъ, горло и нижняя часть шеи бѣлые или желтовато-бѣлые съ тонкими темными поперечными полосами, бока груди и горла покрыты такими же полосами, какъ спина; брюшко, ляжки и задъ равномѣрнаго черно-бураго цвѣта, основаніе и кончики маховыхъ перьевъ черно-бурые, середина же ихъ бѣлаго цвѣта съ тонкими темными поперечными полосами, крапинками и треугольными пятнами по краямъ и съ широкой, черно-буrouй полосой на концѣ. Глаза сѣрые или красновато-каріе, клювъ свѣтло-синеватый, ноги оранжево-желтые. Каранхо живетъ парами во всѣхъ равнинахъ южной Америки, чаще всего въ степяхъ или въ рѣдкихъ лѣсахъ. Въ дѣственныхъ лѣсахъ и въ горахъ онъ не встречается. Особенно многочисленны эти птицы въ болотистыхъ мѣстностяхъ.

Пища каранхо состоить изъ всевозможныхъ животныхъ веществъ. Въ степяхъ каранхо, на подобіе европейскихъ сарычей, гоняются за мышами, мелкими птишками, земноводными, улитками и насѣкомыми; на берегу моря они подбираютъ все выброшенное прибоемъ. Принцъ Видъ находилъ въ желудкѣ каранхо остатки насѣкомыхъ и особенно кузнечиковъ, которые встречаются во множествѣ на бразильскихъ лугахъ; Азара говоритъ, что они преслѣдуютъ нанду, ягнятъ и молодыхъ оленей. „Если стадо овецъ не охраняется хорошей собакой“, повѣствуетъ онъ, „то можетъ случиться, что каранхо станетъ набрасываться на новорожденныхъ ягнятъ и начнетъ пожирать ихъ живыми, вырывая у нихъ внутренности изъ брюшной полости. Если одна птица думаетъ, что ей не одолѣть своей жертвы, то она призываетъ еще 4 или 5 другихъ, и тогда разбой ихъ становятся опасными.“ На падаль каранхо всегда прилетаетъ. „Когда въ равнинѣ окружаетъ какое-нибудь

животное“, говорить Дарвинъ, „то пиръ начинаетъ урубу, а каранхо обчищаетъ клювомъ кости.“ Вдоль дорогъ въ пустынныхъ равнинахъ Патагоніи часто можно видѣть значительное количество птицъ, которыхъ поѣдаются трупы животныхъ, умершихъ отъ голода или отъ жажды.“ Деревенскіе жители ненавидятъ каранхо за то, что онъ съ величайшей дерзостью крадеть мясо, повѣшенное сушиться, въ видѣ разнообразія очень охотно уносить цыплятъ или же надоѣдаетъ другимъ слабымъ и даже болѣе сильнымъ домашнимъ животнымъ. Въ теченіе дня нѣсколько каранхо всегда сопровождаютъ охотниковъ, отправляющихся на охоту съ собаками и лошадьми, и часто уносятъ убитую птицу на глазахъ стрѣлка. Каранхо слѣ-

Каранхо (*Polyborus brasiliensis*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

дуетъ также за другими хищниками и при случаѣ отбиваеть у нихъ добычу. Зато разныя птицы дразнятъ каранхо и злять на всѣ лады. Даже ближайшіе родственники каранхо постоянно ссорятся съ ними.

Издавая крикъ, каранхо закидываетъ голову на спину и трещитъ „трааа“, потомъ опять поднимаетъ голову и кричитъ „рооо“ каркающимъ, хриплымъ голосомъ, напоминающимъ тотъ звукъ, который происходитъ, если сильно ударять или тереть по дереву. Крикъ этотъ слышенъ издалека и въ высшей степени непріятенъ.

Періодъ вывода приходится на различные мѣсяцы, мѣняясь въ зависимости отъ мѣстностей, гдѣ живетъ каранхо. Въ Парагваѣ онъ вѣтъ себѣ гнѣздо осенью, въ средней Америкѣ — въ весенне мѣсяцы. Гнѣздо, представляющее собою большое плоское сооруженіе изъ хвороста съ углубленіемъ, выложенными тонкими корешками, травою и мхомъ, случалось находить какъ на очень высокихъ, такъ